

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
М.Э. Часноўскі

Намеснік галоўнага рэдактара:
К.К. Красоўскі

Міжнародны савет
М.М. Громаў (Расія)
А.М. Круглашоў (Украіна)
Эдвард Ярмох (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:

Г.І. Займіст
(адказны рэдактар)
П.А. Вадап'янаў
В.М. Ватыль
А.М. Грыгаровіч
Ч.С. Кірвель
П.П. Крусь
А.І. Лысюк
Б.М. Ляпешка
С.В. Рашэтнікаў
Д.Г. Ротман
Я.У. Скакун
В.А. Сцепановіч
Т.І. Якавук
Я.С. Яскевіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

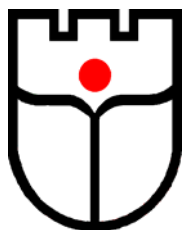
НАВУКОВА-ГІСТАРЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 1 / 2011

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі № 26 ад 02.02.2011 г. часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта»
ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навуках

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:
M.E. Chasnovski

Deputy Editor-in-chief:
K.K. Krasovski

International Board:
M.M. Gromov (Russia)
A.N. Kryglashov (Ukraine)
Edvard Yarmokch (Poland)

Editorial Board:
G.I. Zaimist
(managing editor)
P.A. Vadapyanav
V.M. Vatyl
A.N. Grigorovich
C.S. Kirvel
P.P. Krus
A.I. Lysyuk
B.M. Lyapeshka
S.V. Reshetnikov
D.G. Rotman
E.Y. Skakun
V.A. Stepanovich
T.I. Yakavuk
Y.S. Yaskevich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:
224665, Brest,
Boulevard Cosmonauts, 21
tel.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution
«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 1 / 2011

According to the order of Supreme certification commission № 26
from February 02, 2011, the journal «Vesnik of Brest University» was included
to the List of editions of the Republic of Belarus for publication of the results
of scientific research in philosophical, political and social sciences

ЗМЕСТ

Да 65-годдзя Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна: юбілейная навуковая сесія вучоных універсітэта

Чесновский М.Э. Высшее образование: текущее состояние и вызовы времени	5
Сендер А.Н. Качество образования и подготовка конкурентоспособного специалиста	10
Мельнікава З.П. Асветна-культурныя традыцыі філалагічнага факультэта ў кантэксце сучасных гуманітарных стратэгіяў	14
Красовский К.К. Демографический аспект устойчивого развития Республики Беларусь	20
Чичурин А.В. Использование современных систем компьютерной математики при исследовании ограниченных задач космической динамики и в образовательном процессе	25
Шаров А.В., Приступа Н.И. Современные подходы к индивидуализации управления оздоровительными и восстановительными нагрузками	31
ФІЛАСОФІЯ	
Яскевич Я.С. Социально-гуманитарное знание и современная демократия: нравственные императивы	39
Лепешко Б.М. Советская цивилизация: некоторые методологические вопросы изучения феномена	46
Бородуля А.А. Гендерная идентичность и права женщин в условиях глобализации	57
Романов О.А. Смысл истории: основные теоретические модели	62
Семерник С.З. Экономический кризис как кризисогенный фактор современного общества	69
Демиров В.В. Компаративный анализ учений Э. Гуссерля и Г. Фреге в аспекте проблемы объективности смысла	82
Лагуновская Е.А. Ценности христианства в формировании нравственной культуры современного белорусского общества	91
ПАЛІТАЛОГІЯ	
Решетников С.В., Решетникова Т.С. Становление методологии функционального подхода в политической науке	98
Лысюк А.И. Публичная политика и гражданская идентичность	106
Чемоданова А.В. Понимание институционализма и неинституционализма в западноевропейской политической науке	114
Кузнецова И.А. Внешняя политика Республики Беларусь в контексте основных исследовательских подходов	124
САЦЫЯЛОГІЯ	
Зубок Ю.А. Механизмы социальной регуляции образования молодежи в условиях неопределенности	129
Яковук Т.И. Культурная трансформация личности туриста	136
Звесткі аб аўтарах	144

CONTENTS

To 65th Anniversary of Brest State University named after Pushkin: Jubilee Scientific Session of University Scientists

Chesnovski M.E. Higher Education: Current State and Time Challenge	5
Sender A.N. Education Quality and the Training of Competitive Specialist	10
Melnikava Z.P. Educational-cultural Traditions of Philological Faculty in the Context of Modern Humane Strategies	14
Krasovski K.K. Demographic Aspect of Stable Development of the Republic of Belarus	20
Chichurin A.V. The Use of Modern Systems of Computer Mathematics for the Study of Predicted Problems of Cosmic Dynamics in Educational Process.....	25
Sharov A.V., Pristupa N.I. Modern Approaches to the Management Individualization of Improving and Regenerative Loadings	31

PHILOSOPHY

Yaskevich Y.S. Social and Humanitarian Knowledge and Modern Democracy: Moral Imperatives	39
Lepeshko B.M. Soviet Civilization: Some Methodological Issues of Studying the Phenomenon.....	46
Borodulya A.A. Gender Identity and Women Rights in Condition of Globalization	57
Romanov O.A. The History Meaning: the Main Theoretical Models.....	62
Semernik S.Z. Ekonomotsentrizm as Crisisogenic Factor of Modern Society	69
Demirov V.V. Comparative Analysis of Husserl and Frege Doctrines in Aspect of the Problem of Objectivity of Sense.....	82
Lahunouskaya A.A. Values of Christianity in Forming the Moral Culture of Modern Belarusian Society.....	91

POLITOLOGY

Reshetnikov S.V., Reshetnikova T.S. Genesis of Methodology of Functional Approach in Political Science	98
Lysiuk A.I. Public Policy and Civil Identity	106
Chemodanova A.V. Understanding of Institutionalism and Neoinstitutionalism in West European Political Science.....	114
Kuznetsova I.A. Foreign Policy of the Republic of Belarus in the Context of Basic Research Approaches	124

SOCIOLOGY

Zubok J.A. Social Regulation Mechanisms in Youth Education Under Conditions of Uncertainty	129
Yakovuk T.I. Cultural Transformation of a Tourist's Personality	136
Information about the authors	144

От редколлегии: В октябре 2010 года отмечался 65-летний юбилей Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина. В рамках юбилейных мероприятий состоялась научная сессия ученых университета. Пленарное заседание научной сессии было посвящено теме «БрГУ имени А.С. Пушкина – образовательный, научный и культурный центр Брестчины».

Ниже представлены отдельные доклады пленарного заседания, посвященные современным методологическим и теоретическим проблемам организации высшей школы в Республике Беларусь и инновационным технологиям преподавания.

УДК 378.1

М.Э. Чесновский

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Высшее образование как источник модернизации общества

В нашу эпоху прогресс настолько далеко продвинул человечество, что если сегодня вернуть интеллектуальный потенциал, например, XIX в., то цивилизация потерпит мгновенную катастрофу. По образному выражению Герберта Уэллса, человеческая история все больше становится соревнованием между образованием и катастрофой. Иными словами, от уровня профессиональной подготовки и нравственных качеств специалистов с высшим образованием зависит будущее человечества.

Бесспорно, мировая высшая школа находится в эпицентре интеллектуальной среды, обеспечивающей победу прогресса над катастрофой. Ведь именно ее выпускники генерируют тот слой населения, который собственными усилиями и своей энергетикой отвечает на судьбоносные вызовы истории. А существующая образовательная система является основным инструментом преобразования общества, модификации государства и экономики. Либо, отстав от критериев эпохи, становится способом лакирования застоя.

Высшая школа делает упорядоченным и целенаправленным процесс формирования личности, смягчая или устраняя воздействие внешних отрицательных факторов. Будучи сложной системой, высшее образование на разных этапах развития общества имело и имеет свои особенности. Процесс обучения каждого нового поколения основывается на деятельности предыдущих поколений. Тем самым создается база для потомков. Студенты усваивают духовный, культурный и профессиональный опыт интеллигенции предшествующих поколений и формируют на этой основе личные убеждения, жизненную позицию, духовный облик.

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина является частью и одновременно самостоятельным целым этого сложнейшего вузовского механизма формирования в каждом студенте интеллектуала и интеллигента. Насколько полно он реализует данную миссию, исследовать, судить и оценивать специалистам, в том числе и присутствующим в этом зале. А учитывая юбилейную специфику и атмосферу, ограничусь лишь повторением прозвучавшей миссии университета: создавать такой слой населения, который собственными усилиями и своей энергетикой способен отвечать на судьбоносные вызовы истории, оберегая ее от катастрофы. Тем не менее полагаю уместным изложить некоторые проблемы современного высшего образования нашей страны.

Это, во-первых, проблема качества образования. В настоящее время оно достигается во многом благодаря «старым» кадрам, имеющим сложившиеся ценностные установки и ответственно относящимся к делу. Лучшие молодые педагогические и исследовательские кадры не закрепляются в вузах. Такие критерии работы вузов, как квалификация профессорско-преподавательского состава, материально-техническая база, образовательные программы, не являются оптимальными. Требуются иные замеры уровня образования и иная образовательная политика.

Во-вторых, низкая организационная и методическая эффективность вследствие слабого использования инновационных методик, направленных на развитие самостоятельности, независимости, склонности к преобразовательной и творческой активности студентов, уход от положительного мирового опыта по развитию студенческого самоуправления.

В-третьих, технократический подход к образованию: в результате профессиональное мышление, духовный облик, культурный кругозор студентов формируются слабо, выпускники вузов медленно адаптируются к послевузовской социокультурной жизни.

На данный момент в вузовской системе страны лишь начался период выработки и отлаживания механизмов образовательной парадигмы XXI в., только-только прорезаются ростки концептуального осмысления места высшего образования в обществе. Введение централизованного тестирования, поиски оптимальной продолжительности обучения в средней школе, переход на двухуровневую систему образования, неоднократное перекраивание социально-гуманитарного блока вузовского обучения, появление сегмента коммерческого обучения и т.д. будоражат умы ученых, педагогов-практиков и многих граждан, о чем свидетельствуют многочисленные выступления на научных форумах и публикации в прессе. Однако, по мнению ряда исследователей [1], активно обсуждаются поверхностные явления. Глубинные процессы модернизации высшего образования имеют не сиюминутный, а вневременной характер. Ключевая проблема наших дней – выработка и донесение до сограждан основных целей и идеалов высшего образования, способных объединить и сплотить белорусское общество.

Резервы и пределы развития высшей школы

На достижение именно данной цели направлены стержневые законодательные элементы. В частности, закон об образовании устанавливает, что его гуманистический характер, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека являются важнейшими для белорусского общества. Исходя из этого, образовательный процесс должен направляться на развитие *интеллектуально-духовных, нравственных качеств личности*. Однако современное производство как «заказчик» специалистов требует от выпускников иного – главным образом, сформированных профессиональных умений и навыков. В результате возникает противоречие: в каркасе высшего образования преобладают элементы, его ослабляющие, а не укрепляющие.

Между тем ученые и педагоги-практики сошлись во мнении относительно того, какие элементы действительно упрочат данный каркас [2]. Претендуя на понимание степени значимости, перечислим их в порядке убывания:

- стремление к интеллектуальному и духовному развитию, постоянному совершенствованию своего профессионального мастерства;
- нравственность, принятие этических норм поведения и гуманистических ценностей, правовое самосознание;
- гражданственность, патриотизм, готовность к совершенствованию общества, ответственность за его судьбу;

- общая культура, включая культуру труда: целеустремленность, организованность, трудолюбие;
- коммуникативность, уважение прав и свобод других людей, толерантность, готовность к работе в коллективе;
- стремление к физическому развитию, здоровому образу жизни;
- инициатива, предприимчивость, самостоятельность;
- стремление к познанию, творчеству, инновационной деятельности;
- ответственность за принимаемые решения;
- готовность к жизни и труду в условиях современной демократии, включая способность к самостоятельному поиску работы, адаптации на рынке труда.

Итак, на законодательном уровне и в представлениях вузовских педагогов сформирован идеальный образ современного специалиста с высшим образованием. Критерии и особенности его подготовки детализируются в системе высшего образования, а затем – в конкретном вузе. Требования к личностным качествам выпускников не вызывают возражений. Однако в целом идеальный образ пока не укореняется в общественном сознании и не принят высшей школой в качестве базовой модели. В чем причины?

Наиболее общая причина, как представляется, оказалась в «телеге», поставленной впереди лошади. Иными словами, верх взяло стремление решить пусть весьма насущные и острые, но сиюминутные общественные проблемы переходного периода ценной передвижения в тень отдельных весьма значительных интеллектуально-духовных, нравственных критериев специалиста с высшим образованием. В угоду экономически выгодной коммерциализации обучения высшее образование становится массовым. А массовость диктует свои, далеко не безопасные, шаблоны обучения. Благородные устремления способных студентов к учебе и самосовершенствованию нередко уступают тенденциям академической отбываловки с надеждой через 4–5 лет получить искомый диплом. Централизованное тестирование абитуриентов обнаружило опасную тенденцию превалирования схематизма над творчеством у школьной молодежи. Переход к двухуровневой подготовке специалистов с высшим образованием породил для выпускников магистратуры не востребуемую нишу на рынке труда. Только названные новации уже внесли сумятицу в представления общества о роли и перспективах высшего образования. К тому же, вынужден повторить еще раз, новые запросы обеспечиваются традиционными вузовскими кадрами. Все это породило своеобразную «гремучую смесь», периодически приводящую к массовым дискуссиям ученых, педагогов-практиков, организаторов вузовской системы о необходимости и пользе такого высшего образования.

Как попытка подвести промежуточный итог сказанному будет уместен риторический вопрос: а что ценнее для общества – массовое (а значит, посредственное) высшее образование населения или элитарное высшее образование интеллектуально одаренной части молодежи?

Высшая школа и инновационные возможности страны

Экономический рост, процветание любой страны в современную эпоху зависят не столько от благоприятного географического положения и наличия природных ресурсов – хотя эти условия представляются крайне важными – сколько от концентрации и степени развития интеллектуального потенциала. Преобладание верхних, наиболее финансовоемких звеньев в цепочке добавленной стоимости выпускаемой продукции, получение повышенной ренты от новых рыночных возможностей, появившихся за счет коммерциализации передовых научно-технических разработок и инновационных решений, является приоритетом для большинства экономически развитых государств. Бес-

спорно, такие возможности гарантирует только высокоинтеллектуальное общество – продукт передовой вузовской системы.

Перед белорусской высшей школой также поставлена цель наращивать усилия для подключения страны к инновационным технологиям и процессам. Весьма важно на этом пути участие в разработке и внедрении инновационных технических и технологических достижений. Однако для гуманитарного вузовского сегмента конечным результатом усилий во взаимодействии с исследовательскими коллективами, средствами массовой информации выступает достижение более глубокого осознания интеллектуальным слоем общества масштаба вызовов и проблем, с которыми наша страна уже столкнулась и с которыми ей предстоит столкнуться в будущем при переходе на современную, более эффективную и рациональную модель экономического и социального роста, научного и духовного развития. Другими словами, гуманитарии должны освоить адекватные средства и методы формирования у людей умений успешно функционировать в инновационной среде. И Брестский госуниверситет имени А.С. Пушкина настраивается на реализацию этой новой миссии.

Тем не менее переход в масштабе страны на современную модель роста тормозится непозволительно низким уровнем инновационной активности. Новые цели, связанные со стимулированием и инфраструктурной поддержкой развития науки и инноваций, не реализуются в полной мере, их законодательное и правоприменительное обеспечение несовершенно, к тому же запаздывает или откладывается на неопределенные сроки. Повышение конкурентоспособности на внутреннем и зарубежных рынках за счет коммерческого использования новых технологий зачастую тормозится на нашем низовом уровне из-за слабой проработанности завершающих этапов исследовательских проектов, низкого качества предлагаемых технологических решений. Если оценивать критически, то в масштабах страны эффект от инновационной деятельности почти незаметен, не налажены тесные, постоянные и продуктивные контакты между наукой и бизнесом. Национальная инновационная система складывается неторопливо и неэффективно. Это в полной мере присуще и нашему коллективу.

Конечно, устранение основных барьеров в развитии науки, образования, инноваций требует существенных ресурсных и временных затрат. Однако затягивание их разрешения чревато не просто консервацией уходящей технологической эпохи, но и вполне вероятной деградацией всех базовых элементов инновационного цикла.

При этом опасно сводить решение существующей проблемы к увеличению сети вузов. Наоборот, важно включить такие средства, технологии и резервы качества, чтобы они соответствовали вызовам времени, а в общественном сознании высшее образование становилось символом достоинства и престижа, безальтернативным условием жизненной перспективы для молодежи. Следует перманентно укреплять вузовский научно-педагогический потенциал, неразрывно переплести традицию и новацию университетской жизни, постоянно доказывать право на общественное доверие к делам и результатам своей деятельности. Только так удастся удерживать планку качества наших образовательных технологий, средств воспитания и разнообразие спектра научно-образовательных услуг, позволяющих выпускникам университета без особых преград вписываться в социально-экономическую, производственную, культурную, образовательную и научную жизнь страны и улучшать ее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Меметов, В. Формирование интеллигенции в высшей школе: от теории к практике / В. Меметов, Г. Будник // Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. – 2010. – № 2. – С. 10.
2. Татур, Ю. Образовательный процесс в вузе: методология и опыт проектирования : учеб. пособие / Ю. Татур. – М., 2009. – С. 96–97.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 20.11.2010

УДК 378.1

А.Н. Сендер

КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И ПОДГОТОВКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО СПЕЦИАЛИСТА

Рынок труда является системообразующим фактором выбора стратегии и тактики высшего образовательного учреждения, а также формирования рынка образовательных услуг. Поэтому одной из задач современной высшей школы становится подготовка компетентного, конкурентоспособного специалиста способного действовать в современных быстро меняющихся условиях. Рассматривая конкурентоспособность, как качество личности, следует определить это понятие. Конкурентоспособный специалист – это специалист, способный достигать поставленные цели в разных, быстро меняющихся ситуациях за счет владения методами решения большого класса профессиональных задач.

Основой формирования конкурентоспособности является формирование профессионализма выпускника университета. Известный психолог А.К. Маркова выделяет 5 уровней профессионализма:

- 1) псевдопрофессионализм (внешне достаточно активная деятельность, но много «брака» в работе);
- 2) допрофессионализм (человек уже работает, но не обладает полным набором качеств настоящего профессионала);
- 3) профессионализм (человек-профессионал выполняет все, что от него требуется);
- 4) суперпрофессионал (вершина профессиональных достижений, творчество, личностное развитие);
- 5) послепрофессионализм (профессионал в прошлом, теперь наставник для других специалистов).

Профессионализм – основа становления конкурентоспособного специалиста. Анализ понятия «конкурентоспособный» позволяет выделить 4 критерия сформированности конкурентоспособного специалиста: профессиональные знания, коммуникативная культура, стремление к профессиональному росту, способность к рефлексии.

Если специалист конкурентоспособный, то говорят, что он получил качественное образование. Качество образования – необходимое условие подготовки конкурентоспособного специалиста. Зарубежные аналитики по-разному трактуют потребности своих стран в качественном образовании. Так, некоторые американские ученые считают, что для процветания их страны в XXI веке необходимо иметь только 20–25% людей с хорошим качеством высшего образования, в то время как их японские коллеги ставят вопрос о необходимости введения в стране всеобщего обязательного высшего образования, так как, по их мнению, в XXI веке большинство даже рабочих профессий требует от человека образования намного выше среднего. Поскольку в нашей стране высшее образование стало массовым, следовательно, его качество – залог подготовки конкурентоспособного специалиста. Образование считается качественным, если учащийся (студент или ученик в школе) обучается на максимуме возможного для него. Качество – это отношение результата к поставленной цели, и в этом его отличие от эффективности образования, которое показывает отношение результата к затратам. Цель как один из важнейших компонентов деятельности больше связана с результатами, и именно для определения качества образования эта пара понятий должна быть неразрывной. Целью признается только то, что может быть сформировано операционально. Цель – это предельно конкретный, охарактеризованный качественно, а где можно, то и корректно количе-

ственно, образ желаемого результата, которого учащийся реально может достичь к определенному времени. Под операциональным заданием цели имеется в виду то, что при ее формулировании всегда существует механизм (технология, способ), позволяющий проверить соответствие результата поставленной цели.

Знания, умения и навыки не должны быть главной целью образования, это всего лишь средства, направленные на развитие личности специалиста, формирование его конкурентоспособности.

Важным в подготовке специалиста является формирование положительной мотивации познания, сформированность методологических, знаний, способов учебной деятельности, чтобы студент переориентировался от позиции «знающего» к позиции «познающего». А отсюда важное требование научить его учиться, научить культуре учебной деятельности, научить умениям оценочно-рефлексивной деятельности:

а) воспитывать привычки анализировать различные варианты выполнения деятельности с последующим обоснованием выбора наиболее целесообразного и рационального;

б) обучать студентов применению в процессе ответов на вопросы так называемого принципа достаточного основания, утверждающего, что обосновать некоторое утверждение – значит привести убедительные и достаточные аргументы;

в) вырабатывать у студентов в процессе осуществления различных мыслительных операций способность применить в качестве способа обоснования того или иного утверждения прием выведения из этого утверждения различных следствий (а это необходимо делать с точки зрения теории аргументации);

г) развивать у студентов умения рассуждать, строить правильные умозаключения потому что в процессе использования определений студенты зачастую пренебрегают правилом соразмерности определяемого и определяющего понятий, объясняют понятия через себя и т.д.;

д) обучать осуществлению качественной оценки результата решения задачи, овладению методом размерности (например, при решении задач по физике) для контроля правильности полученного результата (студенты часто объединяют разнородные величины в одну, например, идентифицируют массу и вес тела).

Здесь уместно вспомнить высказывание Я.А. Каменского о приоритете самостоятельной, познавательной деятельности учащихся, выражающиеся в тезисе: «Необходимо, чтобы учащие (учителя) поменьше учили, а учащиеся побольше учились».

Очень важным в подготовке конкурентоспособного специалиста является целеположенное воздействие на эмоциональную сферу.

Сегодня специалисты все чаще приходят к убеждению, что рациональность не решает всех проблем человеческого существования, а именно эмоции обеспечивают решение проблем, которые не представляются возможным решить на чисто рациональной основе. Более того, даже в сфере своей компетенции разум нуждается в эмоциональном руководстве.

Не требует особых доказательств то положение, что концепция «эмоционального интеллекта» может быть весьма полезна для разработки вопросов о воспитании интеллигентности и конкурентоспособности специалиста. В самом деле, характерные для интеллигентного человека этико-психологические особенности, связанные с умением «держаться в руках», неизменными проявлениями тактичности и личностной «опорности», ориентацией на утверждение толерантности в коллективе и в неформальных сообществах, рядом других качеств и свойств, способствующих цивилизованному взаимоконтролю в межличностном общении, – все это как раз подпадает под практику эмоционального интеллекта, которое в современной науке получило название «фило-

софія и практика позитивной мотивации». Согласно этому подходу, эмоции и разум не только не противостоят друг другу, но образуют единое нерасторжимое целое.

Подготовка конкурентоспособного специалиста реализуется через новые педагогические технологии, а именно: широкое применение модульной системы обучения, интеграция индивидуальных и групповых технологий, использование технологии модерации, способствующей формированию у студентов дискуссионной культуры, критического и аналитического мышления, внедрение технологии самостоятельной работы. Развитие конкурентоспособности студентов будут способствовать интерактивные методы обучения: дискуссия, мозговой шторм, интервьюирование, инверсия, синектика, метод организованных стратегий. Данные методы обучения активизируют образовательную деятельность студента, ставят его в позицию субъекта. Это значит, что студент прodelывает большой объем работы самостоятельно: ищет, отбирает и анализирует информацию, организует свою учебную деятельность и планирует время. Очень важным моментом здесь является умение представить полученную информацию аудитории, то есть умение организовывать презентацию. Навыки презентации и самопрезентации будут необходимы в дальнейшем, позволят чувствовать себя более уверенным на рынке труда, при собеседовании с работодателем.

Стоит акцентировать внимание, что качество образования, по большому счету, должно оцениваться не только с помощью «педагогических, образовательных параметров (так как они носят промежуточный характер), но и с помощью критериев, находящихся вне сферы образования и коррелирующих с такими глобальными категориями, как жизненный уровень, качество жизни и т.п.» [4, с. 29].

Одним из важнейших условий повышения качества образования в современной школе является аксиологический подход к управлению этим качеством предполагающей последовательную смену акцентов: с образования, формирующего статус полезности (знаниевая парадигма) (умения, знания, навыки и т.п.) на образование, формирующее прежде всего культурно-ценностные приоритеты (культурологическая парадигма).

Российский ученый педагог В.И. Андреев выделяет следующие основания подготовки конкурентоспособного специалиста в университете:

- 1) гарантированное качество образования через творческое саморазвитие и самореализацию;
- 2) обучение в университете должно иметь контекстный характер;
- 3) университетский педагог сам должен быть конкурентоспособным;
- 4) необходимость формирования лидерских качеств у современной студенческой молодежи.

Если это будет реализовываться, то мы в конечном итоге можем гарантировать подготовку конкурентоспособного специалиста.

Конкурентоспособность специалиста обеспечивает ему возможность удовлетворения потребностей:

- а) в симпатии, уважении к нему со стороны коллег и руководства за счет профессионального успеха;
- б) в профессиональном и личностном общении, а также признании за счет высокого профессионального статуса;
- в) в реализации профессиональной компетентности, деловых и личностных качеств;
- г) в профессиональном и личном саморазвитии и самосовершенствовании;
- д) в безопасности за завтрашний день благодаря своей востребованности как специалиста;
- е) в качестве жизни за счет профессиональной оценки нанимателя и стабильной высокой заработной платы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркова, А.К. Психология профессионализма / А.К. Маркова. – М., 1996. – 215 с.
2. Ширококов, С.Н. Оценка качества подготовки конкурентоспособных специалистов: кросс-культурный аспект : учеб. пособие / С.Н. Ширококов ; под ред. В.Г. Пузикова. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. – 96 с.
3. Андреев, В.И. Конкурентология. Учебный курс для творческого саморазвития конкурентоспособности / В.И. Андреев. – Казань : Центр инновационных технологий, 2004. – 468 с.
4. Поташник, М.М. Качество образования: проблемы и технология управления (в вопросах и ответах) / М.М. Поташник. – М. : Педагогическое общество России, 2002. – 352 с.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 20.11.2010

УДК 378.1

З.П. Мельнікава

АСВЕТНА-КУЛЬТУРНЫЯ ТРАДЫЦЫІ ФІЛАЛАГІЧНАГА ФАКУЛЬТЭТА Ё КАНТЭКСЦЕ СУЧАСНЫХ ГУМАНІТАРНЫХ СТРАТЭГІЙ

Філалагічны факультэт – адзін са старэйшых і аўтарытэтных факультэтаў нашай установы, у межах якога ё свой час былі запачаткаваны два іншыя – гістарычны і факультэт замежных моваў. Дасягненні прафесарска-выкладчыцкага і студэнцкіх калектываў з году ё год значныя, вядомыя не толькі ё нашым універсітэце, але ва ўсіх гуманітарна-філалагічных і педагагічных сферах і асяродках Беларусі. Я з задавальненнем падкрэслю, што ні ё адным універсітэце нашай краіны, акрамя Брэсцкага, няма такога філфака, дзе б ствараліся нацыянальныя падручнікі і праграмы, над чым вось ужо каля пятнаццаці год напружана і вынікова працуе калектыв літаратуразнаўцаў і метадыстаў факультэта.

Асветна-культурныя традыцыі факультэта закладзены нашымі настаўнікамі, старэйшымі сябрамі. Слугаванню асвеце, філалогіі, Бацькаўшчыне прысвяцілі сваё жыццё У.А. Калеснік, Я.А. Чарняўская, Г.М. Малажай, А.А. Майсейчык, В.Я. Зарэцкая-Ляшук, І.А. Шумская, М.П. Лукашук, В.М. Емельяновіч і іншыя, якія для сённяшніх студэнтаў сталі ўзнёслымі і прыгожымі легендамі. Яны ўзнялі філалагічна-адукацыйную навуку на высокі прафесійны ўзровень.

Гістарычна-знакавай падзеяй для развіцця і станаўлення навукова-філалагічнай навукі і асветна-культурнай прасторы ё нашай навучальнай установе стаў факт, асабліва важны на той час для рэгіянальнага педінстытута ё Брэсце, што ё 1983-м годзе першым яго прафесарам стаў вучоны-гуманітарый, літаратуразнаўца Уладзімір Калеснік. Больш за трыццаць год (з 1954 па 1988 гг.) ён кіраваў кафедрай беларускай літаратуры, сваім навукова-прафесійным аўтарытэтам уплываў на станаўленне беларускай філалогіі не толькі на факультэце, а ўвогуле на Беларусі. Яго навукова-літаратурныя публікацыі, манаграфіі-даследаванні «Паэзія змагання» (1959 г.), «Час і песні» (1962 г.), «Зорны спеў» (1975 г.), «Ветразі Адысея» (1977 г.) былі выдатным прыкладам для калег і ўзорам для шматлікіх вучняў ужо ё 1950–1970-ыя гады. Як асоба, як навуковец, як выбітны асветнік і культурны дзеяч У. Калеснік вызначальна ўплываў на пашырэнне гуманітарнай сферы ва ўніверсітэце, у горадзе Брэсце і ва ўсім Берасцейскім рэгіёне. Яго пазнейшыя літаратурна-даследчыя кнігі «Лёсам пазнанае», «Тварэнне легенды», «Усё чалавечае» і некаторыя іншыя сталі для ўсяго айчыннага літаратуразнаўства 80–90-х гадоў ХХ ст. узорам навуковай і метадалагічнай кампетэнтнасці. Пры прафесійнай і маральнай падтрымцы У. Калесніка следам за ім філолагамі-беларусазнаўцамі сталі яго маладзейшыя калегі і вучні – А.А. Майсейчык, Г.М. Малажай, В.Я. Зарэцкая, Ц.Б. Ліякумовіч, В.М. Емельяновіч, У.А. Лебедзеў, Ю.В. Паталкоў. Прафесар Уладзімір Калеснік стаў заснавальнікам першай навуковай гісторыка-літаратуразнаўчай школы на філалагічным факультэце. У 1980 – 1990-ыя гады склаліся навуковыя школы яго вучняў: літаратурна-метадычная пад кіраўніцтвам прафесара В.Я. Зарэцкай і лінгва-дыдактычная пад кіраўніцтвам прафесара Г.М. Малажай.

Набыткі навуковых філалагічных школ Брэсцкага ўніверсітэта прызнаны і высока ацэнены на дзяржаўным узроўні. Калектыв выкладчыкаў-літаратараў неаднойчы станавіўся пераможцам рэспубліканскага конкурсу «Нацыянальны падручнік» на стварэнне праграмаў і вучэбных дапаможнікаў па беларускай

літаратуры, што сведчыць пра неаспрэчную прафесійнасць, высокую кваліфікацыю іх аўтараў. Выкладчыкі-філолагі факультэта па даручэнні Міністэрства адукацыі яшчэ ў 1990-ыя гады стварылі цэлыя вучэбна-метадычныя комплексы па роднай літаратуры для вучняў і настаўнікаў школ Беларусі. Зараз працягваецца супрацоўніцтва аўтарскага калектыву з Нацыянальным інстытутам і Міністэрствам адукацыі па далейшым забеспячэнні агульнаадукацыйных устаноў Беларусі неабходнымі вучэбна-метадычнымі выданнямі па беларускай літаратуры. У хуткім часе будзе закончана падрыхтоўка метадычных дапаможнікаў для настаўнікаў «Беларуская літаратура ў 10 класе» і «Беларуская літаратура ў 11 класе», якія з грыфам Мінадукацыі будуць выдадзены ў 2011 годзе. Пospехі і дасягненні сённяшняга прафесарска-выкладчыцкага калектыву сведчаць аб трываласці гуманітарна-асветных традыцый, закладзеных старэйшым пакаленнем навукоўцаў філфака, аб усведамленні адказнасці кожным выкладчыкам за нястомнае павышэнне кваліфікацыі, навукова-дасканалае валоданне прафесіяй.

Азіраючыся на пройдзеныя філфакам этапы станаўлення за 65 год і спрабуючы аналізаваць прычыны і ўмовы набыцця статусу высокакваліфікаванага прафесарска-выкладчыцкага калектыву, неабходна асабліва падкрэсліць, што акрамя асноўнай місіі – якаснай падрыхтоўкі настаўнікаў-філолагаў, педагогаў, гуманітарыяў, лінгвістаў і літаратуразнаўцаў – факультэт стаў знаным у рэспубліцы навукова-асветным і гуманітарным асяродкам.

Паспяховай вучобе, выхаванню грамадзянскасці, любові да прафесіі, цікавасці да шырокіх гуманітарных ведаў многіх пакаленняў студэнцкай і вучнёўскай моладзі спрыяе эфектыўная сістэма ідэйна-выхаваўчай, асветна-культурнай працы, якая творча рэалізуецца праз супрацоўніцтва выкладчыцка-кафедральных калектываў з органамі студэнцкага самакіравання, з перадавымі настаўнікамі-прадметнікамі Берасцейшчыны, з раённымі аддзелаў адукацыі вобласці. Ужо традыцыйным стала правядзенне штогадовых міжнародных студэнцкіх навуковых канферэнцый, выданне па іх выніках зборнікаў навуковых прац маладых філолагаў. Многія рэспубліканскія і міжнародныя канферэнцыі, што арганізуюцца і праводзяцца кафедрамі, таксама прадугледжваюць працу студэнцкіх навуковых секцый. Выкладчыкі факультэта ставяць мэту зацікавіць таленавітую моладзь даследчыцкай працай і далучыць да філалагічных, педагогічных навук.

Эфектыўна і ў вялікім аб'ёме праводзіцца асветна-выхаваўчая і прафарыентацыйная праца пры факультэцкіх «Рускім цэнтры», навуковым цэнтры імя У. Калесніка, вучэбнай фальклорна-краязнаўчай лабараторыі. Гэта стала красамоўным працягам гуманітарных традыцый, закладзеных вучонымі-асветнікамі ў 1970–1980-ыя гады. Па-ранейшаму, на мой погляд, важную, а часта і вызначальную ролю ў жыцці і працы калектыву адыгрывае асоба выкладчыка, які сам павінен быць прыкладам Настаўніка, вучонага, творцы для сучаснай моладзі. Філалагічнаму факультэту ў гэтых адносінах шанцуе: па волі лёсу з 1996-га года на факультэце працуе Мікола Мішчанчук, вядомы беларускі літаратуразнаўца, педагог-метадыст, крытык, паэт, перакладчык, аўтар і сааўтар шматлікіх манаграфій, кніг, артыкулаў, падручнікаў для вучняў сярэдняй школы, студэнтаў-філолагаў, настаўнікаў беларускай мовы і літаратуры. Прафесар М. Мішчанчук пасля пераезду з Мінска ў Брэст хутка стаў аўтарытэтным і вартым прыкладам для калег, любімым выкладчыкам брэсцкіх студэнтаў, арганізатарам многіх навуковых форумаў высокага рангу, паспяховай навукова-даследчай працы. Ён з'яўляецца навуковым кіраўніком многіх магістрантаў і аспірантаў Брэсцкага ўніверсітэта і некаторых іншых ВНУ нашай краіны. На філалагічным факультэце з другой паловы 1990-ых гадоў прафесар М. Мішчанчук працягвае навукова-арганізацыйную дзейнасць, асновы якой былі закладзены

У. Калеснікам, В. Ляшук-Зарэцкай, Г. Малажай, Ц. Ліякумовічам, А. Майсейчыкам. З асобай М. Мішчанчука, яго навукова-даследчай, вучэбна-метадычнай дзейнасцю на факультэце паболела ўніверсітэцкага акадэмізму, прафесійнай філалагічнай дасведчанасці і грунтоўнасці. Менавіта пад кіраўніцтвам прафесара М. Мішчанчука на факультэце на працягу пяці год працаваў адзіны ў Брэсцкім дзяржаўным універсітэце імя А.С. Пушкіна Савет па абароне кандыдацкіх дысертацый, а яго членамі былі выкладчыкі-літаратуразнаўцы факультэта. Вучні і паслядоўнікі прафесара М. Мішчанчука сёння ў пераважнай большасці сталі кандыдатамі філалагічных навук, дацэнтамі і паспяхова працуюць у нашым універсітэце. Гэта С. Шчэрба, Вал. Смаль, Л. Скібіцкая, Н. Дамброўская, К. Сальнікава.

Як вядома, навуковая школа – гэта не толькі вызначанае кола праблем, якія глыбока распрацоўваюцца асобным вучоным і яго навуковым калектывам. Школа – гэта вучні і наступнікі, якія годна працягваюць справу настаўнікаў. Нашыя філалагічныя дасягненні мацуюць і памнажаюць аўтарытэт роднага Брэсцкага ўніверсітэта, а яшчэ, што вельмі важна, разбураюць стэрэатыпнае ўяўленне аб правінцыйнай вучы і ўзроўні развіцця ў ёй навукі.

На жаль, мы сёння перажываем час, калі гуманітарныя навукі, мякка кажучы, запатрабаваныя не ў першую чаргу, хоць многа гаворыцца аб гуманізацыі ўсіх сфер грамадскага жыцця, і найперш – адукацыйнай. Яна, несумненна, павінна мець сацыякультурную мадэль і адкрываць мгчымасці для шырокай гуманітарнай падрыхтоўкі студэнтаў. Аднак часта мы бачам, як гуманітарна-адукацыйнай сферы зусім неапраўдана прапаноўваюцца вытворчыя, тэхнакратычныя падыходы.

У канцы 1980-х гадоў на сустрэчы з берасцейскай моладдзю ў аблвыканкаме У.А. Калеснік паставіў пытанне: «На якім станку робіцца сумленне, пачуццё ўласнай годнасці, гуманістычная ўражлівасць ці хоць бы сціпласць і ветлівасць?..» І сам адказаў: «Такім цудоўным станком з’яўляюцца зносіны. На гэтым станку мы якраз і працуем, і той факт, што мы слухаем адны другіх, не абражаем... даказвае плённасць нашай працы па абнаўленні душ, вызваленні ад няведання, нецярпімасці».

Філфак, як ніякі іншы факультэт універсітэта, балюча адчувае і перажывае рэфармаванне школы, разбуральныя наступствы дзяржаўнага двухмоўя, якое, на жаль, часта ператвараецца ў рускае аднамоўе. Я пераканана, што час неабачліва перакошаных адносін да беларусазнаўства, філалогіі, як увогуле гуманітарных навук, павінен закончыцца. Заўсёды, нават у застойныя савецкія часы, гуманітарыі, як і ўсе вучоныя, шанаваліся. На розных узроўнях ствараліся спрыяльныя ўмовы для развіцця гэтых навук. Ніколі раней грамадства не сумнявалася, што гуманітарыі працуюць на будучыню, фарміруючы светапогляд і светаразуменне пакаленняў моладзі. Пытанні, як выхаваць новыя годныя пакаленні (бо якімі яны будуць, такой будзе і Беларусь), як планаваць будучыню, як выйсці на дабрыню і стваральнасць з драматычнай жыццёвай і грамадскай сітуацыі, паняцці патрыятызму, ахвярнасці, грамадзянскасці, высакароднасці – не такія ўжо і абстрактныя. І найперш гуманітарыі нясуць за гэта высокую адказнасць перад будучыняй.

Мяжа стагоддзяў і пачатак новага, XXI стагоддзя сталі эпохай глабалізацыі, што, на жаль, прывяло да адхілення на другі план культурна-гуманістычных, вечных хрысціянскіх ісцін, універсальных агульначалавечых каштоўнасцей. У наш час на першы план вылучылася прагматыка ў шырокім сэнсе, у тым ліку і навуковая. Сучаснае цывілізаванае грамадства запатрабавала ў першую чаргу хуткаэфектыўныя навуковыя тэхналогіі, прыкладныя дысцыпліны і метадалогіі, што забяспечваюць аператыўныя матэрыяльна-тэхнічныя вынікі.

У складаным мультыкультурным свеце адбываюцца сацыяльныя зрухі, асіміляцыйныя працэсы. У пастчарнобыльскую эру ўзнікла пагроза знікнення

беларускай мовы, а значыць беларускай культуры, этнаса і народа. У новых умовах павінна ўдакладняцца і карэкціравацца парадыгма гуманітарных навук, у тым ліку і філалагічнай, літаратуразнаўчай. На сучасным этапе актуалізуюцца даследаванні беларускай мовы і літаратуры ў сістэме іншых славянскіх моваў, літаратур і культур. Нягледзячы на шчыльную інфармацыйную запоўненасць сённяшняй сацыякультурнай прасторы, літаратура была і будзе заставацца побач з іншымі відамі мастацтва важным складніком духоўнага стану грамадства, неадменным чыннікам гуманітарнага развіцця асобы.

Сёння, магчыма, як ніколі раней, неабходна абгрунтаваць самакаштоўнасць беларускага мастацтва, літаратуры, культуры, традыцыйных духоўных каштоўнасцей беларускага народа, без якіх шмат страціць сусветная мультыкультурная прастора. Айчыннаму літаратуразнаўству неабходна засяродзіцца на распрацоўцы ўніверсальнасці катэгорыі сакральнага ў літаратурна-мастацкай прасторы, на асэнсаванні яго аксіялагічнай сутнасці. Беларуская гуманітарная думка, у тым ліку і літаратуразнаўства, яшчэ не выказаліся вычарпальна аб мультыкультуралізме як філасофскай ідэі прапаганды сацыяльнай салідарнасці. У беларускім грамадстве заўсёды пытанні пашырэння функцыянавання роднай мовы і літаратуры, на жаль, штучна палітызаваліся. Пры сённяшнім двухмоўі на Беларусі, пры дамінаванні рускамоўнай прасторы, відавочна, што ідэя мультыкультурнасці павінна мець нацыянальныя варыянты рэалізацыі, асабліва, калі ўлічыць, што беларуская мова сусветнай арганізацыяй ЮНЕСКА аднесена да асуджаных на знікненне нацыянальных моваў. Магчыма, у якасці альтэрнатывы філасофскай ідэі мультыкультуралізму беларускім гуманітарным варта прапанаваць для рэалізацыі дыскурсы полікультуралізму ці нават дамінантнай беларускакультурнай гегемоніі. Філолагам-літаратуразнаўцам варта звярнуцца на новым навукова-метадалагічным узроўні да малазапатрабаваных у мінулыя дзесяцігоддзі даследчых праектаў літаратура – культура – соцыум, да вывучэння беларускай літаратуры ў сістэме іншых відаў мастацтва, што будзе садзейнічаць актуалізацыі нацыянальных духоўных каштоўнасцяў у сучаснай грамадскай свядомасці. І вельмі важна актыўней і шырэй далучаць студэнцкую моладзь да нацыянальных і агульначалавечых мастацка-культурных здабыткаў, да навукова-гуманітарных даследаванняў, якія маюць для маладых спецыялістаў як прафесійнае так і светапогляднае значэнне – у станаўленні асобы, яе грамадзянскасці і полікультурнасці.

Мяркую, што мы, універсітэцкая супольнасць, адчуваем гэтую і місіюнасць, і адказнасць, бо мы рыхтуем педагогаў і ўвогуле маладых спецыялістаў, якія будуць працаваць з будучымі пакаленнямі. Так, 2010 год аб'яўлены ў свеце годам хрысціянскай культуры, аб чым нават нямногія з нас ведаюць. У нас жа – гэта найперш год якасці. Прышоў час задумацца, што якасць адукацыі і выхавання звязаны з больш актыўным далучэннем маладога пакалення да вечных хрысціянска-культурных каштоўнасцяў. Аб тым, што гэта вельмі патрэбна нашым студэнтам, сведчаць іх зацікаўленыя адносіны да сустрэч з Алегам Бембелем, філосафам, літаратарам, а зараз кніжнікам-асветнікам інакам Мікалаем з Жыровіцкага манастыра. На маю думку, неабходна больш намаганняў прыкладаць на выхаванне ў нашай моладзі і сямейных каштоўнасцяў, нацыянальных традыцый, яны таксама павінны быць з разраду вечных гуманістычных арыенціраў.

Большасць беларускай моладзі, паводле сацыялагічных апытанняў, адчуваюць і лічаць сябе еўрапейцамі. І нашыя, брэсцкія студэнты не выключэнне. Гэта мудра адчула яшчэ на пачатку новага стагоддзя кіраўніцтва нашага ўніверсітэта, трапна сфармуляваўшы важную, сутнасную ідэю жыццядзейнасці нашай установы – універсітэт на захадзе краіны. Сапраўды, мы здаўна еўрапейская нацыя, здаўна

належым да хрысціянскага свету. Мы ўжо сёння павінны звязваць будучыню нашай моладзі, нашай краіны не толькі з Расіяй, але і з еўрапейскай супольнасцю, найперш еўрапейскім славянствам.

Мы працуем на прафесійнасць сваіх студэнтаў і адначасова на будучыню Беларусі. Яна, несумненна, звязана з паважлівым, гарманічным добрасуседствам з Украінай, Польшчай, Літвой, Расіяй, іншымі дзяржавамі, сапраўды – як вольны з вольным і як роўны з роўным. Суверэннітэт дзяржавы – гэтую найвялікшую каштоўнасць – беларусы ўжо ніколі не страцяць. Але ў масава-побытавай свядомасці існуе ўяўленне, што суверэннітэт Беларусі гарантуецца толькі энергетычна-эканамічнымі складнікамі. Нават мы, універсітэцкая эліта і грамадскасць, не да канца ўсвядомілі важную ісціну, сфармуляваную класікамі, беларускімі мыслярамі XX стагоддзя ад Купалы да Быкава, што галоўная ўмова і вырашальны фактар суверэннасці – нацыянальная ідэя, нацыянальная свядомасць. Менавіта гэтая ідэя здаўна была і застаецца гарантам прагрэсу для соцень нацый свету, у тым ліку самых магутных. Нацыянальная ідэя, культура, мова, нацыянальная канцэпцыя агульнажыцця – вось тое, чым мы, беларусы, цікавы свету.

Беручы ўдзел у многіх міжнародных каферэнцыях, кангрэсах, супрацоўнічаючы з калегамі еўрапейскіх універсітэтаў, я мела магчымасць мноства разоў назіраць: беларускі вучоны, інтэлігент, які сярод еўрапейскіх калег замест роднай, беларускай мовы карыстаецца рускай, выклікае, як правіла, іронію.

Варта, згадваючы наш брэнд, – універсітэт на захадзе краіны – актыўней рэалізоўваць яго сутнасць. Ён перспектыўны, за ім – стратэгічны патэнцыял і навукова-гуманітарная будучыня, на якіх ёсць сэнс засяродзіцца ў нашай дзейнасці. Несумненна, што наша ўніверсітэцкая супольнасць, застаючыся інтэлектуальна-прафесійнай элітай, павінна пашыраць і ствараць новую прастору, духоўна-беларускую, носьбітам якой павінен быць кожны з нас – ад прафесара-кіраўніка да студэнта. Нягледзячы на ўзнікненне Палескага ў Пінску і Баранавіцкага ўніверсітэтаў, менавіта Брэст і наш універсітэт быў, ёсць і будзе культурным цэнтрам Палесся. Мяркую, што наша ўстанова павінна ўпэўнена станавіцца навуковым цэнтрам народазнаўства і культуры заходне-палескага рэгіёну Беларусі. У нас у гэтых адносінах многа зроблена, ёсць высокакваліфікаваныя спецыялісты-народазнаўцы, культуролагі.

У сувязі з тым, што мы былі і будзем універсітэтам на захадзе краіны, думаю, нам трэба вярнуць ва ўніверсітэт, на філфак важныя, іміджавыя ўніверсітэцкія спецыяльнасці: паланістыку, украіністыку, магчыма, адрадыць руска-беларускую спецыяльнасць, падумаць аб беларуска-літоўскай (у нашых народаў шэсць вякоў супольнай гісторыі). Паланістыку і ўкраіністыку зусім слушна эканамісты нашага ўніверсітэта называлі «залатымі» спецыяльнасцямі, маючы на ўвазе іх затратнасць. Але ўсім нам вядома, што ёсць каштоўнасці, якія даражэй за ўсякае грашовае вымярэнне. Гэта якраз той выпадак, калі справа датычыцца даражэйшага – статуснасці, міжнароднага аўтарытэту нашага ўніверсітэта. Прышоў час змірыцца з думкай, што на філфаку, як, магчыма, на іншых гуманітарных факультэтах, не будзе шматлюдных студэнцкіх набораў, а будзе, як у многіх еўрапейскіх універсітэтах, філолагаў-славістаў нямнога. Так, напрыклад, у Люблінскім універсітэце, з якім мы маем дамову аб супрацоўніцтве, на другім курсе толькі 5 студэнтаў-беларусістаў, але кіраўніцтва не закрывае беларусістыку.

Думаецца, нам мэтазгодна актыўней дэманстраваць сваю навукова-асветную, універсітэцкую адкрытасць новымі і цікавымі справамі. Наш міжнародны аўтарытэт павінен узрастаць не толькі дамовамі аб супрацоўніцтве з украінскімі, расійскімі, літоўскімі, польскімі універсітэтамі, але найперш канкрэтнай сістэмнай працай: напрыклад, днямі Валынскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Лесі Украінкі ў Брэсцкім

ўніверсітэце імя А.С. Пушкіна, днямі Беластоцкага ўніверсітэта ў нашым Брэсцкім і, адпаведна, днямі Брэсцкага ўніверсітэта ў сваіх партнёраў-універсітэтаў. Замежныя калегі цікавяцца выданнямі, напрацоўкамі вучоных нашага ўніверсітэта. Нам ёсць чым і паганарыцца перад імі. Такое партнёрства, несумненна, дасць пачатак многім сумесным навукова-даследчым праектам і праграмам.

Юбілей, як вядома, нагода не толькі падрахаваць, але і памарыць аб будучыні. Наш універсітэт у апошнія дзесяцігоддзі стаў важным гуманістычна-адукацыйным асяродкам у нашай краіне. Цяжка ўявіць, якім ён будзе праз 20, 50 год, як ацэняць нашыя справы, дасягненні і пралікі наступнікі, што скажуць пра нас. В. Быкаў пісаў: «Жыццё кароткае, і трэба спяшацца рабіць добрыя справы. Не сябе любіць, а бліжняга свайго, чалавека любіць. Каб потым, пасля цябе ўзышла на зямлі зялёная трава памяці. Трава пасля нас».

Усім вам, шаноўным калегам і нашым студэнтам, я жадаю любіць – універсітэт, працу, вучобу, настаўнікаў, студэнтаў, кіраўнікоў і падначаленых, любіць навуку і творчасць, любіць Беларусь.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 03.01.2011

УДК 911. 3(476)

К.К. Красовский

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Демографическая ситуация – одна из важнейших составляющих устойчивого развития государства. На основе статистических данных проведен анализ динамики основных демографических показателей Беларуси в конце XX – начале XXI века. Выявлены неблагоприятные тенденции показателей рождаемости и смертности, половозрастной и брачно-семейной структуры. Обоснована необходимость эффективной долгосрочной научно-обоснованной демографической политики.

Процессы развития человека, природы и общества очень сложны и многообразны. В результате их эволюции и взаимодействия перед человечеством встали многочисленные проблемы, которые вышли за пределы локальных, региональных, национальных границ и приобрели глобальный характер. Решение глобальных проблем в современных условиях стало предпосылкой дальнейшего прогресса человечества. Ориентация общества на улучшение «качества жизни», поиск путей формирования нового «глобального мышления» получает довольно широкое распространение в докладах Римского клуба, целью которого было создание общественного движения для решения глобальных проблем. Сторонники этого направления выход из глобального кризиса видят в нравственном совершенствовании общества, в развитии системы образования, повышении духовности человека и изменении человеческих качеств [1]. Все перечисленные идеи, а также работы многих специалистов во всем мире привели к формированию концепции устойчивого развития как глобальной стратегии поведения человечества. Термин «устойчивое развитие» был впервые представлен Международным союзом по охране природы. В публикации «Наше общее будущее», известной как отчет Комиссии Брунтланд, устойчивое развитие определено как «развитие, которое обеспечивает нужды современного поколения, не подвергая угрозе жизненные потребности будущих поколений» [2]. В основе устойчивого развития лежит идея внутренне сопряженного, комплексного, сбалансированного развития природы, населения и экономики.

Разработка идей устойчивого развития находит свое отражение и в нормативно-правовых документах Республики Беларусь. Ярким тому примером служит разработка Закона Республики Беларусь «О демографической безопасности», принятого Палатой представителей 11 декабря 2001 года и одобренного Советом Республики 20 декабря 2001 года, установившего правовые и организационные основы обеспечения демографической безопасности страны, Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2007–2010 годы, а также Национальных стратегий устойчивого развития. Первая была одобрена постановлением Совета Министров в марте 1997 года. В ней были учтены рекомендации и принципы, изложенные в документах Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992) [3]. Вторая – Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года – одобрена Президиумом Совета Министров Республики Беларусь 22 июня 2004 года. В ней учитываются геополитические, экономические, экологические и демографические особенности развития Беларуси [4].

Современная демографическая ситуация в стране характеризуется процессом естественной убыли населения. Общий коэффициент рождаемости за период с 1990 г. по 2008 г. снизился с 14,0 до 11,1 на 1000 человек. В 2008 году суммарный коэффициент рождаемости (среднее число рождений в расчете на одну женщину репродуктивного

возраста) составил 1,4. Смертность населения Беларуси возрастает. За 1990–2008 годы общий коэффициент смертности увеличился в 1,3 раза, и в 2008 г. составил 13,9 на 1000 человек. Особенностью этого процесса является сверхсмертность мужского населения, при которой смертность мужчин значительно превышает смертность женщин. В 2008 году общий коэффициент смертности мужчин составил 15,6 промилле, женщин – 12,3 промилле. Дифференциация отмечается и в показателях смертности городского и сельского населения. В 2008 году общий коэффициент смертности сельского населения превышал аналогичный показатель для городского населения в 2,16 раза. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в 2008 году по сравнению с 1990 годом сократилась в целом на 0,6 года (у мужчин – на 1,6 года, у женщин – на 0,1 года) и составила в 2008 году 70,5 года – для всего населения, 64,7 года – для мужчин и 76,5 года – для женщин.

В изучении населения региона любого ранга важная роль принадлежит анализу его половозрастной структуры, которая, с одной стороны, испытывает на себе влияние всей совокупности демографических процессов, а с другой – сама воздействует на развитие естественного и механического движения.

Современная половозрастная структура населения Беларуси – результат ее демографического развития на протяжении длительного исторического периода под влиянием сложного комплекса природных, исторических, экологических и социально-экономических факторов. Главная тенденция эволюции возрастной структуры населения во второй половине XX века – его старение. Основная причина – резкий спад числа родившихся, в результате чего уменьшилась доля дотрудоспособных возрастных групп в общей численности населения. В то же время значительно возрос удельный вес послетрудоспособных. Снижению темпов роста удельного веса населения старше трудоспособного возраста на современном этапе в некоторой степени способствовало уменьшение средней продолжительности жизни населения. Если доля людей старше трудоспособного возраста в 1990 году составляла менее 20%, то на начало 2008 г. – более 22%. В результате каждый пятый житель страны находится в пенсионном возрасте. Численность людей этой категории на начало 2008 г. уже превысила численность детей до 15 лет (соответственно 23% и 15,0% в 1990 и 2008 гг.).

Процесс старения затронул как городское, так и сельское население, между которыми наблюдаются значительные отличия в возрастной структуре. Рост доли людей пожилого возраста должен вести к увеличению трудовой нагрузки на трудоспособное население. Однако в связи с низкой рождаемостью этого не происходит, так как увеличивается удельный вес населения в трудоспособных возрастных группах. Доля людей трудоспособного возраста за последние 15 лет увеличилась в среднем на 5% и в городах составляет около 60% общей численности населения, в сельской местности – около 50%. Рост численности населения в пенсионном возрасте требует значительного увеличения расходов на пенсионное обеспечение, на усовершенствование медицинской помощи, на организацию социальной защиты.

Режим возобновления населения непосредственно влияет на его структуру по полу. Значительные нарушения в половой структуре населения страны начались в годы второй мировой войны. И хотя к настоящему времени они практически сгладились и дают о себе знать только в возрастной группе старше 70 лет, все же преобладание числа женщин над мужским населением сохраняется. На начало 2008 года в общей численности населения Беларуси мужчины составляли 47%, женщины – 53%. Это объясняется половозрастной дифференциацией рождаемости и смертности населения. Диспропорция полового состава населения характерна как для населения страны в целом, так и для городского и сельского населения в отдельности. Общая закономерность преобла-

дания женского населения распространяется на все районы и городские населенные пункты Беларуси.

Диспропорции половой структуры населения региона сохраняются во всех возрастных группах, причем с возрастом они увеличиваются. Мужчины имеют численный перевес в возрастной группе до 14 лет, что связано с общей биологической закономерностью, согласно которой мальчиков рождается больше, чем девочек. Начиная с возрастной группы 15–19 лет картина в соотношении мужского и женского населения меняется на противоположную. С возрастом преобладание женщин постепенно нарастает: в послетрудоспособном возрасте женщин в два с лишним раза больше, чем мужчин.

Семейная структура населения Беларуси формируется, прежде всего, под влиянием социально-экономических факторов. Она тесно связана с такими демографическими процессами, как брачность и разводимость. За период с 1990 по 2008 гг. четко прослеживается тенденция снижения количества браков и, как следствие, снижение коэффициента брачности. Причинами уменьшения количества браков и коэффициента брачности является рост числа браков, не зарегистрированных органами ЗАГС, изменение роли и места женщины в современном обществе, ухудшение социально-экономических условий жизни населения.

Разводимость как демографический процесс зависит как от объективных и субъективных факторов, так и от действующих законов о расторжении браков. Динамика количества разводов и общего коэффициента разводимости за период с 1990 по 2008 гг. была достаточно противоречивой. Так, начиная с 1990 г. прослеживается тенденция к увеличению числа разводов, достигшего своего максимума в 1997–1999 гг. (коэффициент разводимости составлял около 3‰). С 2000 года количество разводов и сам коэффициент разводимости стал постепенно снижаться. Существенную роль в этом процессе сыграл фактор уменьшения количества браков.

За данный период времени уменьшился и средний состав семьи. Если в 1990 году он составлял 3,2 чел., то в 2008 г. – менее 3 человек. Увеличилась доля небольших семей, которые состоят из 2–4 человек, сократился удельный вес больших – из 5 и более человек. Сегодня самой распространенной в Беларуси является семья, которая состоит из одной брачной пары и одного ребенка или без детей (простая нуклеарная семья). Растет доля неполных семей (дети остаются с одним из родителей). За последние 15 лет вырос удельный вес детей, рожденных женщинами, не состоящими в зарегистрированном браке. Если в 1990 году этот показатель составил 5,9% от общего числа родившихся, то в 2008 году он вырос почти до 20%. Установка на одно- и двухдетные семьи уже привела к отрицательному естественному приросту. Даже для простого воспроизводства населения каждая брачная пара, способная к деторождению, в среднем должна иметь 2,1–2,2 ребенка.

Одним из самых многоаспектных социальных процессов является миграция населения. Она прямо или опосредованно, а нередко и через некоторый промежуток времени, влияет на все стороны жизни общества. Чем интенсивней протекает процесс миграции, тем больше изменений он приносит в развитие отдельных территорий. Увеличение миграционной подвижности населения Беларуси в послевоенный период является закономерным процессом в условиях индустриализации и урбанизации. В последнее десятилетие XX века значительное влияние на миграционные процессы в стране оказали такие факторы, как обострение межнациональных отношений в регионах бывшего СССР, неблагоприятная экологическая ситуация в результате аварии на Чернобыльской АЭС и социально-экономический кризис, в котором находилась Республика Беларусь.

На протяжении практически всего послевоенного периода на территории Беларуси наблюдался механический прирост населения. В отдельные годы он составлял более 50% всего прироста. Внешние миграционные потоки характеризуются положитель-

ным сальдо – численность лиц, прибывающих в Республику Беларусь, превышает численность лиц, выбывающих из Республики Беларусь. Всего за 1996–2005 гг. миграционный прирост составил 104 тыс. человек. По состоянию на 2008 г. миграционный прирост по сравнению с 2005 г. увеличился более чем в 4 раза, но при этом роль миграционного прироста в смягчении процесса депопуляции постоянно уменьшается.

Для Беларуси характерны прежде всего внутренние мощные внутриобластные и межобластные миграционные потоки, направленные в основном из сельской местности в городскую. Эти миграционные связи характеризуются не только разнообразием направлений, но и различной интенсивностью. При этом 60 процентов населения, выбывающего из сельской местности, составляет молодежь, среди которой доминируют лица женского пола.

Анализ геодемографического развития Беларуси показал, что к концу XX века вследствие снижения рождаемости и роста смертности страна вступила в стадию устойчивой и длительной депопуляции. Отрицательный естественный прирост, прогрессирующий процесс старения привели к суженному воспроизводству населения, отмечается прогрессирующий процесс старения нации, снижение среднего размера семьи, значительное увеличение среднего возраста вступления в брак. Экономический кризис и экологическая катастрофа усилили неблагоприятные миграционные тенденции. Современное состояние демографической ситуации Республики Беларусь представляет потенциальную угрозу устойчивому развитию государства, национальной безопасности страны. Вследствие прогнозируемых тенденций изменения возрастной структуры населения в ближайшие годы следует ожидать некоторого пополнения трудовых ресурсов, а затем – очередного спада численности лиц, вступающих в трудоспособный возраст. Сокращение численности детей и подростков приведет к возникновению проблем формирования трудовых ресурсов, способных воспроизводить и развивать материальный и интеллектуальный потенциал Республики Беларусь, уменьшению объемов подготовки квалифицированных кадров в учреждениях, обеспечивающих получение профессионально-технического, среднего специального и высшего образования.

Поэтому неслучайно в последнее время правительством нашей страны принято ряд законодательных актов о поддержке семьи. Это, прежде всего, льготное кредитование молодых семей, социальная защита женщин, находящихся в декретном отпуске, повышение размера пособий по уходу за ребенком. Эти и другие мероприятия в рамках выполнения Программы демографической безопасности страны будут способствовать оптимизации демографической ситуации в республике.

Чтобы воспрепятствовать негативным тенденциям в воспроизводственных процессах на территории Беларуси, необходима активная и эффективная демографическая политика. Под демографической политикой мы понимаем целенаправленную деятельность государственных органов и иных социальных институтов в сфере регулирования процессов воспроизводства населения. Она призвана воздействовать на формирование желательного для общества режима воспроизводства населения, сохранения или изменения тенденций в области динамики численности и структуры населения, темпов их изменений, динамики рождаемости, смертности, семейного состава, расселения, внутренней и внешней миграции, качественных характеристик населения. При этом необходимо обратить внимание не только на количественные параметры, но и на качественные – физическое, умственное здоровье людей, их социальное благополучие.

Принятые в стране Закон и Программа демографической безопасности при повышении уровня жизни населения должны способствовать выходу республики из демографического кризиса. К сожалению, некоторые меры демографической политики носят разрозненный, централизованный, не учитывающий местных условий характер. В современной действительности при разработке новой Программы демографической

безопасности необходимо разграничить сферы деятельности местных и республиканских органов в области демографической политики. На верхнем уровне должна быть разработана концепция демографического развития республики и научные рекомендации по внедрению ее в жизнь. Местным органам необходимо предоставить возможность решения всех вопросов, касающихся демографической политики, включая вопросы финансирования ее мероприятий из собственного бюджета.

Главнейшими задачами демографической политики государства должны стать обеспечение социально-экономической поддержки семьи, материнства и детства; создание условий для рождения трех и более детей; повышение престижа семьи, уменьшение количества разводов; пропаганда здорового образа жизни в семье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Печчеи, А. Человеческие качества / А. Печчеи ; пер. с англ. – М. : Прогресс, 1985. – С. 289–311.
2. World Commission on Environment and Development (The Brundtland Commission). Our common Future. Oxford Univ. Press. – New York, 1987. – 112 p.
3. Действующее международное право : в 3 т. / сост. : Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова ; МГИМО (У) МИД РФ. – М. : Изд-во Моск. независимого ин-та междунар. права, 1999. – Т. 3. – 832 с. – С. 721–723.
4. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. / Нац. комис. по устойчивому развитию Респ. Беларусь ; редкол. : Л.М. Александрович [и др.]. – Минск : Юнипак, 2004. – 202 с.

Krasovsky K. Demographic Aspect of Sustainable Development of the Republic of Belarus

Demographic situation is one of the most important components of a state's sustainable development. Analysis of the main demographic criteria of Belarus at the end of the 20-th. – beginning of the 21-st. centuries has been conducted on the basis of statistical data. Unfavorable tendencies of birth and death rates, age-sex and matrimonial structures have been detected. The necessity for conducting an effective long-term scientific-grounded demographic policy has been proved.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 20.11.2010

УДК 004.9+378.147

А.В. Чичурин

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ СИСТЕМ КОМПЬЮТЕРНОЙ МАТЕМАТИКИ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ОГРАНИЧЕННЫХ ЗАДАЧ КОСМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ И В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматриваются вопросы использования систем компьютерной математики в трех специальных курсах, которые читаются на математической факультете. Обсуждается целесообразность выбора системы *Mathematica*, а также использование этой системы при решении новых ограниченных задач космической динамики. Приводятся примеры эффективного использования визуализации и анимации системы компьютерной математики *Mathematica*.

Не вызывает сомнений, что сохранение и совершенствование уровня вузовской математической подготовки в Беларуси – задача первостепенной важности. В математике – науке и дидактике – одинаково значимы интуитивно-содержательная и абстрактно-логическая составляющие, индуктивный и дедуктивный способы формирования и развития знания. Также весьма важно гармоничное сочетание дискретного и непрерывного в изучении математики и в понимании ее характера. Моделирование – универсальный метод научного познания. В математике моделирование проявляется в построении примеров и контрпримеров понятий и теорий. Освоение модельных примеров основополагающих математических теорий – отправной и важнейший акт обучения математике, это предметный фундамент, на котором стоит весь курс математики и отдельные его части. И здесь важную роль играют современные системы компьютерной математики [1; 2].

Компьютерная математика – это современная область науки, которая возникла на стыке математики и информационных технологий. Ее предметом является осуществление символьных и численных вычислений, а также визуализация и анимация с помощью компьютера. Наиболее известными системами компьютерной математики являются *Mathematica* [3], Maple, MathCAD, MathLAB, Derive. Заметим, что математические системы развиваются в направлении интегрирования друг с другом. Интенсивно идет оснащение математических систем средствами для работы в Internete.

На математическом факультете УО «БрГУ имени А.С. Пушкина» применение систем *Mathematica* и Maple, изучение их возможностей и использование в учебном процессе было начато с 2000 года. В научных исследованиях, проводимых на факультете, эти системы стали использоваться по крайней мере на 5 лет раньше. Первый русскоязычный учебник в Беларуси по системе *Mathematica* «Применение системы *Mathematica* к решению обыкновенных дифференциальных уравнений» был написан в Бресте в 1998 году и издан в издательстве БГУ (г. Минск) в 1999 году [4]. В 2005 году с учетом новой версии *Mathematica* 5.0 он был дополнен и представлен в форме интерактивного учебника на компакт-диске как набор документов типа *Notebook*, получаемых при работе с пакетом *Mathematica* 5.0 [5].

Выбор изучения этой системы был связан со следующими обстоятельствами. Система *Mathematica* изначально была лидером среди систем компьютерной алгебры. Версии *Mathematica* 5.1, 5.2, самые известные и распространенные среди пользователей системами этого класса, были направлены на сохранение этого лидерства. Новейшие же версии *Mathematica* 6.0 и 7.0 содержат огромное число новаций, которые касаются интерфейса документов системы, анимационных, визуализационных, аналитических и

численных возможностей, включают большой набор содержательных полезных функций. Следует отметить также высочайшую скорость вычислений последних двух версий и новую парадигму вычислений [1; 6].

Интерес к использованию современных систем компьютерной математики в научных исследованиях и в образовании проявился с момента создания математического факультета в 1995 году. Вот названия лишь нескольких конференций, связанных с системами компьютерной математики, которые проводились на математическом факультете: международная математическая конференция «Дифференциальные уравнения и Системы Компьютерной Алгебры» (19–22 сентября 2000 года); международная математическая конференция «ЕРУГИНСКИЕ ЧТЕНИЯ – VIII» (20–23 мая 2002 года) (включала в себя секцию «Системы компьютерной алгебры и их приложения в теории дифференциальных уравнений»); международная научная конференция «Applications of the «Mathematica» System to the Social Processes and Mathematical Physics» (3–6 июня 2003 года); международная математическая конференция «Дифференциальные уравнения и Системы Компьютерной Алгебры» (DE&CAS'2005, 5–8 октября 2005 года).

По результатам работы этих конференций были изданы сборники материалов и статей. Ежегодно на протяжении последних 10 лет на факультете проводится студенческая научная конференция, последние три года под названием «Современные проблемы математического моделирования и новые образовательные технологии в математике» в формате республиканской конференции, где присутствует секция «Системы компьютерной алгебры и их научные приложения». По результатам работы этой конференции также издаются сборники материалов докладов участников.

В настоящее время на математическом факультете Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина читается специальный курс «Системы компьютерной математики» (объем курса – 44 часа: 28 часов лекционных + 16 часов лабораторных для специальности 1-02 05 03-02 Математика. Информатика, 5-й курс), а также две дисциплины по выбору «Использование систем компьютерной алгебры при решении задач» (объем курса – 46 часов: 28 часов лекционных + 18 часов лабораторных для специальности 1-31 03 03-01 Прикладная математика (научно-производственная деятельность, 3-й курс), «Математические модели и их решение с использованием систем компьютерной математики» (объем курса – 34 часа: 18 часов лекционных + 16 часов лабораторных для специальности 1-02 05 05-01 Информатика. Иностранный язык, 2-й курс).

Эти дисциплины включают в себя краткое описание основных численных, аналитических и графических возможностей системы *Mathematica* 6.0, а также ряд демонстрационных проектов математического и естественнонаучного характера, часть из которых размещена разработчиками и пользователями этой системы на сайтах фирмы-разработчика.

Приведем одно из приложений, которое рассматривается в спецкурсе и двух упомянутых выше дисциплинах по выбору. Оно связано с поиском решений новых ограниченных задач космической динамики, предложенных московским профессором Е.А. Гребениковым [2; 7] и парижским профессором Б. Эльмабсуттом [8]. В этих работах всесторонне раскрывается мощь и эффективность, а также уместность использования систем компьютерной математики. В качестве такой системы используется система *Mathematica*.

По аналогии с классической проблемой гамильтоновой космической динамики, названной К. Якоби и А. Пуанкаре [9], «ограниченная задача трех тел», модели Гребеникова–Эльмабсутта получили название «ограниченных задач многих ($n > 3$) тел» [2]. В этих моделях гравитационное поле создается телами, образующими правильные многоугольники, вращающиеся вокруг центрального тела, и в таком гравитационном поле исследуется движение пассивно гравитирующей массы. Описывающие такие модели,

системы дифференциальных уравнений являются существенно нелинейными и поэтому их интегрирование «в квадратурах» абсолютно бесперспективно. В таких случаях А. Пуанкаре [9] рекомендовал исследовать проблему существования стационарных решений (точек равновесия). Эта проблема, как показали современные авторы, сводится к решению весьма сложных систем нелинейных алгебраических уравнений, которые раньше не были известны в математической литературе. Найти точное решение этих алгебраических систем в аналитической форме невозможно из-за их существенной нелинейности. Используя же систему *Mathematica* [3; 6] можно найти координаты точек равновесия с произвольной точностью.

Первоначально рассматриваются задачи одного и двух тел, которые допускают аналитическое решение [2]. Затем формулируются и описываются ограниченные задачи для n тел с полной и неполной симметриями, а также программы в системе кодов СКА *Mathematica*, позволяющие построить графики рассматриваемых моделей. В частности, исследуется вопрос о существовании точных гомографических решений ограниченных задач космической динамики на примере задачи 14-ти тел с полной и неполной симметриями [2; 10]. Приведены компьютерные алгоритмы и программы, позволяющие найти положения равновесия в ограниченных задачах 14-ти тел, а также построены их графики для различных значений параметров.

Система *Mathematica* позволяет изучать визуальное динамические процессы, то есть позволяет осуществлять процессы визуализации и анимации. Поэтому при изучении соответствующих вопросов в спецкурсах приводится программная реализация движения космических тел в реальном масштабе времени при интерпретации симметрических решений в проблеме 13-ти тел, а также при движении точки с бесконечно малой массой в соответствующем симметричном гравитационном поле [11]. Для понимания визуализационных инструкций системы *Mathematica* в лабораторных работах содержатся теоретические сведения, поясняющие и дополняющие материал, связанные с построением плоских и пространственных кривых, поверхностей, методы решения нелинейных алгебраических и дифференциальных уравнений, а также элементы программирования, необходимые для понимания изучаемых модулей, процедур и программ [6; 10]. Ниже приведем примеры эффективного использования визуализационных и анимационных возможностей системы.

Пример 1. При визуализации частных решений в ограниченной однокольцевой задаче тринадцати тел [2; 10] получаем следующий рисунок 1, где фазовые траектории движения 12-ти тел (P1-P12) вокруг центрального тела P0 представляют собой при выбранных начальных условиях кривые второго порядка (эллипсы).

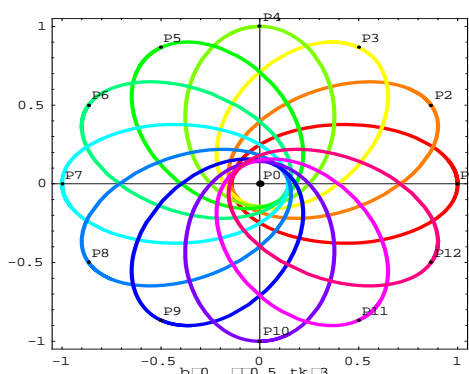

Рисунок 1

Пример 2. Для анимации движения, рассматриваемого в примере 1 была использована функция *AnimatedSymSol* [$m_0, m, f, a, b, c, n, tk, pn$] [2]. В случае $n=13$ приведем динамику движения всей системы точек с помощью конкретной функции

AnimatedSymmSol [2; 10] (при этом количество изображений задается параметром pn , ω – угловая скорость вращения, t – время, прошедшее с момента движения, tk – общее время движения). Ниже приводится 4 графика (моменты движения) для различных значений времени $t=0.33$, $t=0.67$, $t=1.27$, $t=1.67$ соответственно (рисунок 2).

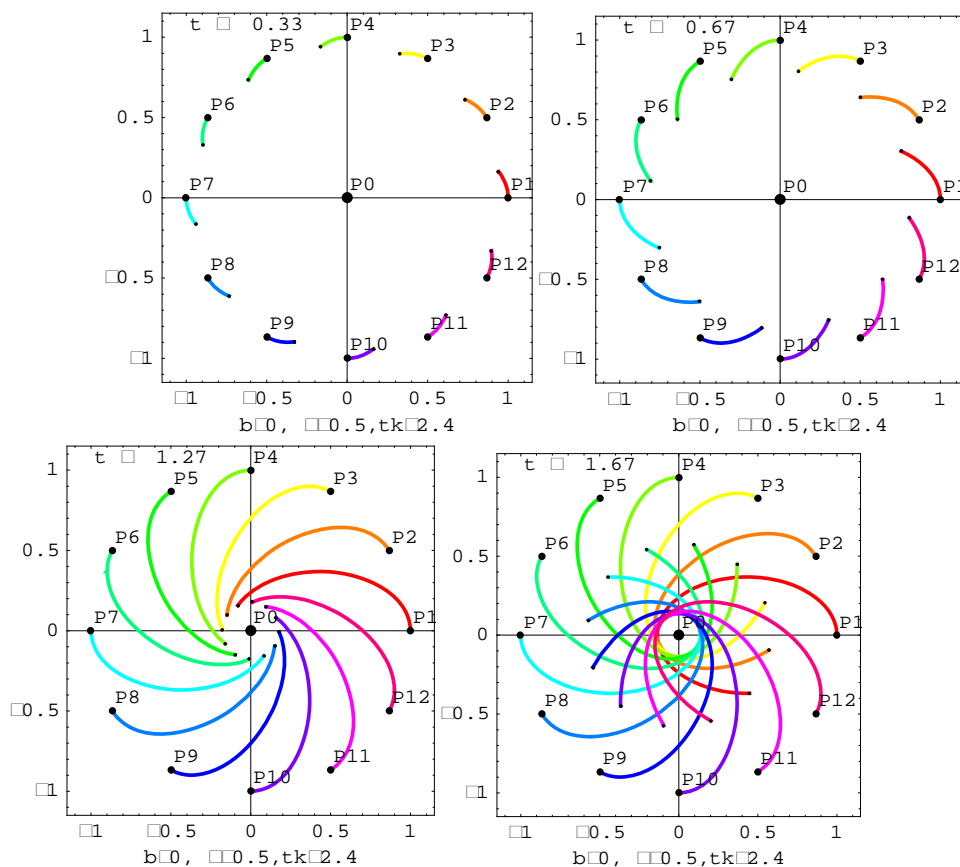

Рисунок 2

Пример 3. Для $n=13$ используя модуль *PointsOfEquilibrium* [2; 10] построим графики двух кривых, точки пересечения которых соответствуют точкам равновесия и построенный график даст возможность определить области, содержащие точки равновесия (рисунок 3).

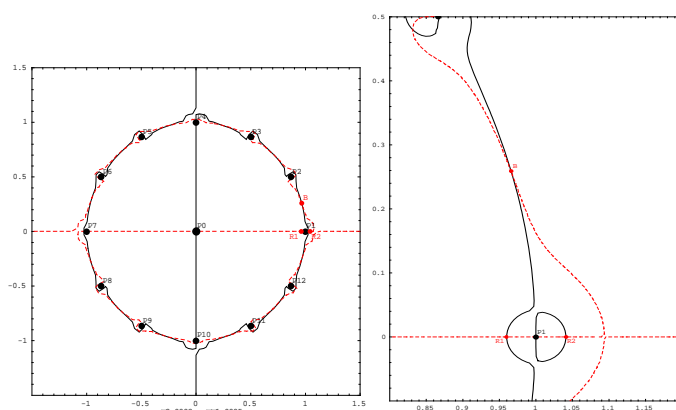

Рисунок 3

Рассмотрим следующий пример [2; 10; 11], иллюстрирующий очень «чуткую» зависимость характера устойчивости положения равновесия от расстояния от центрального тела до тел, находящихся в вершинах правильного 12-угольника.

Пример 4. Используя модуль `AnimatedZeroMassSol` для анимации движения тела с бесконечно малой массой в гравитационном поле создаваемом конфигурацией 13-ти тел P0-P12 (рисунок 3), убедимся в устойчивости биссекториального положения равновесия В (точка между телами P1 и P8).

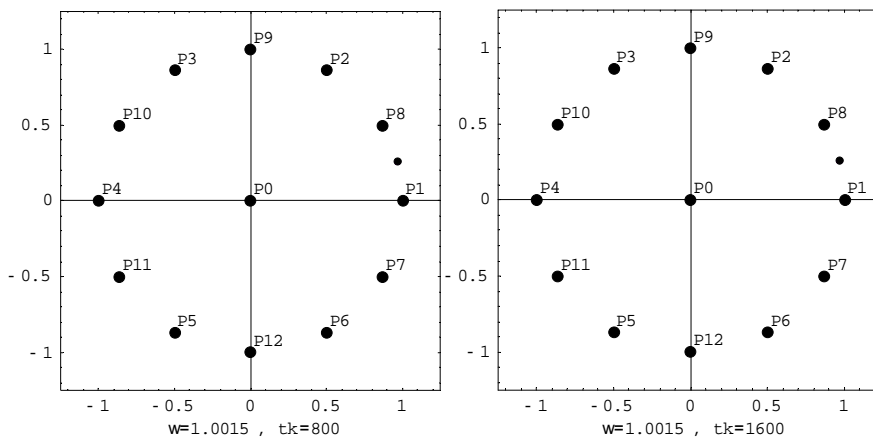

Рисунок 4 – Устойчивая биссекториальная точка В для $m_1=0.003$ и $\alpha=0.9999999$

Из полученных графиков (рисунок 4) видно, что при времени $t=1600$ точка P не покидает положение равновесия В. Это подтверждает аналитические выкладки о том, что положение равновесия В является устойчивым.

Пусть теперь значение $P0P1$ равно 0.9999. Оставим ту же массу $m_1=0.0003$. Исследуем характер устойчивости точки В в этом случае. Используя тот же модуль `AnimatedZeroMassSol`, убедимся в неустойчивости нерадиального положения равновесия В. Действительно, получаем (рисунок 5), что точка В покидает свое положение уже при $t=8$.

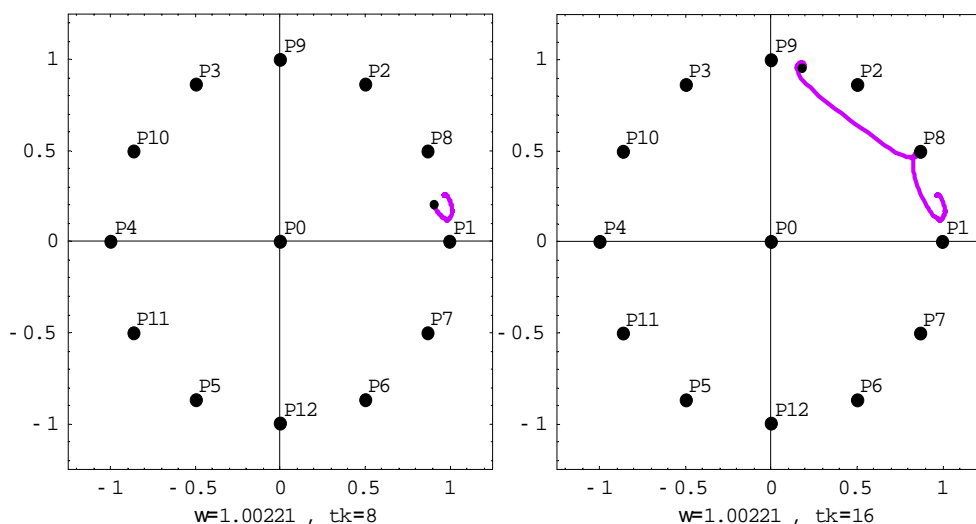

Рисунок 5 – Неустойчивая нерадиальная точка В для $m_1=0.003$ и $\alpha=0.9999$

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ruskeepää, Heikki. *Mathematica Navigator: Mathematics, Statistics, and Graphics* / Heikki Ruskeepää. – Burlington, San Diego, London : Elsevier. – 3rd ed. – 2009. – 112 p.

2. Гадамский, Л. Построение математических моделей для задач космической динамики в системе компьютерной алгебры *Mathematica* / Л. Гадамский, И.Р. Ковальчук, А.В. Чичурин. – М. : МАКС Пресс, 2007. – 112 с.
3. Wolfram, Stephen. The *Mathematica* Book, Fifth Edition / Stephen Wolfram. – Media, 2003. – 1488 p.
4. Прокопеня, А.Н. Применение системы *Mathematica* к решению обыкновенных дифференциальных уравнений / А.Н. Прокопеня, А.В. Чичурин. – Минск : БГУ, 1999. – 265 с.
5. Прокопеня, А.Н. Применение системы *Mathematica* к решению обыкновенных дифференциальных уравнений : интерактивный учеб. / А.Н. Прокопеня, А.В. Чичурин. – Минск : БГУ, 2005.
6. Wolfram, S. Web Resources [Electronic resource] / ed. S. Wolfram. – Champaign, 2010. – Mode of access : www.wolfram.com. – Date of access : 01.12.2010.
7. Гребеников, Е.А. Существование точных симметричных решений в плоской ньютоновой проблеме многих тел / Е.А. Гребеников // Матем. моделирование. – Т. 10. – 1998. – № 8. – С. 74–80.
8. Bank, D. Configurations polygonales en equilibre relative / D. Bank, B. Elmasout // C.R. Acad. Sci. Serie II b. – 2001. – Vol. 329. – P. 243–248.
9. Абалакин, В.К. Справочное руководство по небесной механике и астродинамике / В.К. Абалакин [и др.] ; под общ. ред. Г.Н. Дубошина. – М. : Наука, 1976. – 854 с.
10. Гребеников, Е.А. Анимация графической информации в ограниченных ньютоновых задачах многих тел / Е.А. Гребеников [и др.] ; – М. : ВЦ РАН, 2006. – 44 с.
11. Гадамский, Л. Анимация графической информации в ограниченной задаче 14 тел с неполной симметрией / Л. Гадамский, А.В. Чичурин // Веснік Брэсцкага дзярж. ун-та. Сер. прыродазнаўчых навук. – 2009. – № 1 (32). – С. 17–28.

Chichurin A.V. The Use of Modern Systems of Computer Mathematics for the Study of the Restricted Problems of Cosmic Dynamics in the Educational Process

The article covers the use of the computer system mathematics at teaching the effective courses in the three specialty at the faculty of mathematics; the expediency of the choice of the *Mathematica* system is discussed; one of the applications with is connected to new restricted problems of cosmic dynamics. The examples of the effective use of visualization and animation capacities of the systems of computer mathematics are provided.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 03.01.2011

УДК 796.0

А.В. Шаров, Н.И. Приступа

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫМИ И ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫМИ НАГРУЗКАМИ

В статье анализируется контроль за интенсивностью нагрузки в тренировочном процессе по показателю частоты сердечных сокращений. Наиболее проблематичен контроль зон интенсивности тренировочных нагрузок. Это вызвано тем, что основные изменения аэробной производительности происходят в диапазоне от 75 до 90% от максимальной ЧСС. Коррекция нагрузок по текущему и срочному контролю проводилась на основе симпатического и парасимпатического статуса организма. Приводятся практические примеры определения оптимальной интенсивности нагрузки для бегунов. Нагрузка представлена диапазоном из 8 классов функционального воздействия.

Актуальность. В настоящее время все больше специальных изданий по физкультуре отмечают, что занятия физическими упражнениями в большинстве своем не помогают людям сохранять и укреплять здоровье. Причем не только в спорте, но и в подавляющем большинстве случаев при занятиях физкультурой. А все потому, что решать свои частные проблемы почти все начинают без учета довольно общих проблем. Нет, не мирового масштаба, а своих личных. Решается это в рамках общих физических упражнений (ОФП), которые являются не только основой всей системы физкультуры и спорта, но и здоровья. Для примера, почему так много людей начинают заниматься физкультурой для коррекции фигуры и прекращают их, так ничего и не добившись? Это происходит потому, что в подавляющем большинстве случаев не имеют таких качеств, как выносливость, без которого лишние килограммы жира никак не сжечь [5].

Среди множества определений функционального состояния организма применительно к проблемам спортивной тренировки и оздоровления наиболее практичен подход, основанный на представлениях теории адаптации и учения о гомеостазе. Организм человека необходимо рассматривать как динамическую систему, которая непрерывно приспосабливается к условиям окружающей среды путем изменения уровня функционирования отдельных систем и органов, и соответствующего напряжения регуляторных механизмов [1]. Как известно, при воздействии факторов, имеющих стрессорный характер, возникает общий адаптационный синдром [12], который рассматривается как неспецифический ответ организма и сопровождается напряжением регуляторных систем, направленных на мобилизацию функциональных резервов. В тех случаях, когда окружающие условия среды требуют от организма повышенных усилий, проявляется функциональное напряжение, умеренное, значительное или резко выраженное. Состояния функционального напряжения относят к так называемым «донозологическим» и являются пограничными между нормой и патологией. Они предшествуют развитию болезни и указывают на снижение адаптационных возможностей организма [3]. Объективно все восстановительные процессы в организме осуществляются за счет аэробного восстановления, что и предопределяет важность применения упражнений данного характера [5].

Для спортивной тренировки и оздоровления развитие учения о донозологических состояниях представляет большой научный и практический интерес. В.В. Парин с соавторами [10] выдвинули концепцию о системе кровообращения как индикаторе адаптационных реакций целостного организма. Дефицит энергетического обеспечения клеток и тканей является пусковым сигналом, запускающим всю цепь регуляторных приспособ-

соблений [12]. Переход от неустойчивого механизма кратковременной (срочной) адаптации к устойчивому механизму долговременной адаптации связан с усилением мощности клеточных систем синтеза белков и нуклеиновых кислот и обеспечивается увеличением их митохондриального аппарата, который и обеспечивает аэробные функции организма. Обеспечивается это вегетативным гомеостазом, который зависит от состояния более высоких уровней регуляции и отражает результаты адаптивного поведения всего организма. Для оценки состояния симпатического и парасимпатического отделов вегетативной нервной системы, подкоркового сердечно-сосудистого центра, а также высших вегетативных центров получил применение анализ вариабельности сердечного ритма [10]. Этот неинвазивный и весьма информативный метод в настоящее время завоевал широкое признание постоянном мониторинге тренировочного процесса как в нашей стране (Система «Вектор-4»), так и за рубежом (Система «Polar» и др.) [17].

Наряду с общеизвестными на Западе методами анализа [16] у нас применяют комплексную оценку вариабельности ритма сердца, не имеющую аналогов в мировой практике. При этом по определенному набору показателей формируется заключение о степени напряжения регуляторных систем (показатель активности регуляторных систем – ПАРС). При вычислении ПАРС формируется 10-балльная шкала значений. При этом используются данные статистического автокорреляционного и спектрального анализа, а также данные вариационной пульсометрии [2].

Проблематика. Литературный анализ показал, что способы количественной оценки интенсивности аэробных нагрузок идентифицировались в соответствии с педагогическими критериями (скорости передвижения или процентного отношения от максимальных значений интенсивности) и физиологической напряженности работы (по частоте сердечных сокращений – ЧСС или концентрации лактата крови) или учитывали оба критерия [1–4]. Развитие «методологических основ циклической нагрузки» определилось двумя основными направлениями оптимизации интенсивности: а) за счет уточнения «зон относительной мощности»; б) в поисках наилучшего способа количественной оценки интенсивности. Такая оценка возникла для идентификации зон при практической тренировочной работе, а также оздоровлении и восстановлении функций организма. Исследования констатируют, что применяемые величины параметров и объемов тренировочной нагрузки носят во многом эмпирический характер [6].

Новизна исследования. Учитывая большой разброс в трактовке классов аэробных нагрузок по интенсивности их проведения и применении их при восстановительных и оздоровительных, нами решено провести исследования современных способов организации контроля за восстанавливающими и оздоравливающими нагрузками и предложить на основе имеющихся литературных данных и собственных изысканий управляемые формы на основе текущего и оперативного контроля работ данного класса.

Цель. Определить эффективность применения современной системы автоматического обсчета показателей частоты сердечных сокращений для выявления ранних признаков переутомления у спортсменов-бегунов на средние и длинные дистанции, а также при применении бега в качестве оздоровительного средства.

Методика. Практическая обработка методик биоуправления физическими нагрузками проводилась нами с помощью программно-технического комплекса «Вектор» (производство УП «Медиор», г. Минск, 1997 г., НИР № гос. рег. 1997157). В состав комплекса входит комплект портативных микропроцессорных приборов с различными типами кардиодатчиков для тестирования и кардиомониторинга состояния спортсменов, персональный компьютер и программное обеспечение для обработки и документирования данных. Обновленная в 2006 г. модель портативного прибора «Вектор-4» обеспечивает возможность биоуправления физическими нагрузками спортсмена по ЧСС. Программное обеспечение системы «Вектор» функционирует в операционной

среде MS «Windows-98» и выше. При анализе нами использовался раздел «Просмотр данных»: рассмотрение ранее полученных материалов и их сравнение с результатами последней тренировки. Для текущего анализа использовался раздел «Ортопроба» с автоматическим анализом показателя активной ортопробы.

Результаты исследований. В условиях целостного организма каждый поведенческий акт как реакция на воздействие окружающей среды включает соматические, симпатические и парасимпатические компоненты. Практически каждый орган имеет двойную иннервацию. Совместная симпатическая и парасимпатическая регуляция ряда функций носит реципрокный характер, т.е. повышение активности симпатической системы тормозит противоположные по эффекту парасимпатические влияния. Высшие вегетативные центры (гипоталамус и лимбическая система), совместно с корой больших полушарий мозга не только «определяют» вегетативный «профиль» индивидуума, уровень активности симпатической и парасимпатической систем [8].

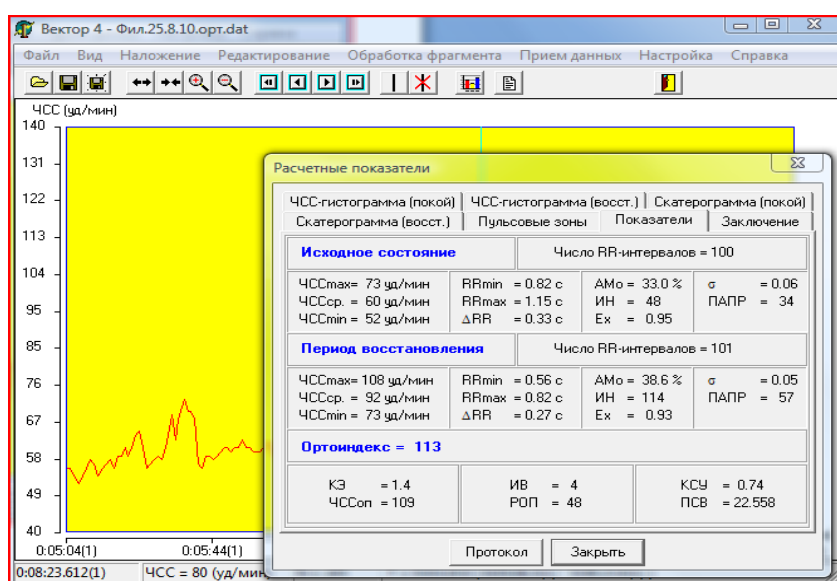

Рисунок 1 – Анализ активной ортопробы с помощью портативного прибора «Вектор-4»: «Обработка данных», «Обработать как», «Ортопроба»

Особенно эффективно использование данного показателя при проведении ортопроб. На рисунке 1 представлена кардиоритмограмма активной ортопробы, подготовленная для обсчета данных. Такой подход позволяет анализировать необходимые фрагменты при записи, где имеются артефакты исследования. На вкладке рисунка представлен анализ ортопробы в режиме «Показатели». Для качественного анализа используется окно «Заключение» с выводением записи «Состояния покоя» и «Реакция на пробу». При необходимости можно сравнить данные с показателями скатерограмм.

Таблица 1 – Функциональные значения механизмов адаптации в донозологической диагностике [2; 3; 9; 11]

Оценка в баллах	Оценка функционального состояния
1–2	Состояние удовлетворительной адаптации к условиям окружающей среды. Достаточные функциональные возможности организма. Гомеостаз поддерживается в физиологических пределах.

Продолжение таблицы 1

3-4	Состояние напряжения адаптационных механизмов. Функциональные возможности организма не снижены. Гомеостаз поддерживается благодаря определенному напряжению регуляторных систем.
5-6	Состояние неудовлетворительной адаптации к условиям окружающей среды. Функциональные возможности организма снижены. Гомеостаз поддерживается благодаря значительному напряжению регуляторных систем.
7-8	Значительное снижение функциональных возможностей организма. Состояние дизадаптации с явлениями перенапряжения и истощения регуляторных систем (преморбидные состояния). Гомеостаз поддерживается благодаря включению компенсаторных механизмов
9-10	Резкое снижение функциональных возможностей организма. Гомеостаз нарушен, Срыв (полном) механизмов адаптации. Развитие патологических состояний (заболеваний).

Анализ данных проделанных восстановительных тренировок и оздоровительных занятий проводится в режиме «Открыть файл ЧСС». Активация соответствующего файла позволяет сделать просмотр записанной работы – рисунок 2. Нажатием «Расчет показателей» или прямо на второй строке нажатием значка с диаграммой появляется окно с расчетными показателями или графиками – вкладка на рисунке. При необходимости активизируются показатели индивидуальных зон интенсивности, скатерограммы, которые соотносятся с характером выполняемых работ.

Очень важно определить физиологически значимые изменения ЧСС и вариабельности сердечного ритма, отражающие течение процесса адаптации организма к условиям тренировки спортсменов. Здесь важно оценить функциональные резервы организма. Колебания показателей ЧСС и вариабельности сердечного ритма являются чувствительным индикатором адаптационных возможностей системы регуляции кровообращения. Процесс адаптации протекает нормально в случае, если не выявляются признаки снижения функциональных резервов организма.

Весьма наглядной и информативной является оценка функционального состояния по значениям ПАРС. Ухудшение функционального состояния организма характеризуется увеличением ПАРС. При проведении тренировок в пределах физиологической нормы величина ПАРС не превышает 2–3 баллов. Увеличение её до 4–5 баллов указывает на состояние напряженной адаптации и свидетельствует о недостаточной эффективности профилактических мероприятий. Дальнейшее увеличение данного показателя свидетельствует о неудовлетворительной адаптации (таблица 1). Такой подход реализован в системе «Вектор-4» через качественный анализ ортопробы в режиме «Заключение». Зная о состоянии человека даются рекомендации по применению соответствующих тренировок, что определяет стратегию контроля «текущего состояния» и характеризует ход адаптационного процесса.

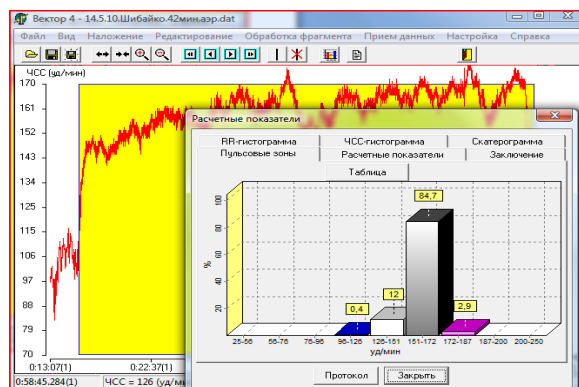

Рисунок 2 – Анализ проделанных тренировок по показателям ЧСС с помощью портативного прибора «Вектор-4»

На основе многочисленного анализа работ разного характера (всего около 2 тысяч исследований) нами была предложена характеристика состояний организма при адаптации к тренировочной деятельности [13]. Анализ характеристики тренировочных нагрузок и периода отдыха показывает, что весь основной диапазон воздействий относится к зоне ЧСС от 40 до 200 уд/мин.

Частота выше 200 уд/мин может относиться к гипермаксимальной и вызывать острые и хронические патологические состояния. ЧСС, приближенная к 40 уд/мин и ниже, соотносится с гиперсимпатической и может в ряде случаев свидетельствовать о преобладании парасимпатической модуляции, которая отрицательно влияет на симпатическую, заглушая ее. Усредненный показатель разделения зон преобладания симпатической (возбуждающей) активности и парасимпатической находится на ЧСС в 130 уд/мин и соотносится с зоной аэробного порога (АЭП).

Симпатическая модуляция – показатель AM_0 последовательно усиливает режимы, которые трактуются нами следующим образом:

1. Максимальный: ЧСС – 200 уд/мин, AM_0 – 90–100%, $\Delta R-R$ – 0,03–0,05 с, продолжительность воздействия (П) – < 40 с, восстановление (В) – 5–7 суток >.

2. Анаэробный: ЧСС – 190 уд/мин, AM_0 – 85–95%, $\Delta R-R$ – 0,05–0,07 с, П – по мощности механизма (М) – 20–60 с, по емкости механизма (Е) – 1–3 мин, В – 24–48 ч >.

3. Максимального потребления кислорода (МПК): ЧСС – 180 уд/мин, AM_0 – 75–85%, $\Delta R-R$ – 0,06–0,10 с, П – (М) – 4–7 мин, (Е) – 7–15 мин, В – 24–48 ч.

4. Темповый (АнП): ЧСС – 170 уд/мин, AM_0 – 70–80%, $\Delta R-R$ – 0,07–0,12 с, П – (М) – 10–20 мин, (Е) – 20–40 мин, В – 24–48 ч.

5. Пороговый (от АЭП до АнП): ЧСС – 130–170 уд/мин, AM_0 – 60–75%, $\Delta R-R$ – 0,08–0,15 с, П – а) 30–60 м, б) 60–90 м, в) > 90 мин, В – 12–24 (48 ч).

6. Аэробный (на уровне АЭП): ЧСС – 105–130 уд/мин, AM_0 – 50–60%, $\Delta R-R$ – 0,10–0,25 с, П – 1 час, В – 6–12 ч.

7. Умеренных нагрузок (ниже АЭП): ЧСС – 90–130 уд/мин, не учитывается (может выступать как дополнительная к усилению восстановительных и оздоровительных мероприятий).

Парасимпатическая модуляция – показатель $\Delta R-R$ – усиливает восстановительные процессы, которые можно трактовать таким образом:

1. Патологического состояния: ЧСС – 90 уд/мин, $\Delta R-R$: релаксации (Р) – 0,10–0,15 с, отдыха (О) – 0,10–0,12 с.

2. Неудовлетворительного: ЧСС – 80 уд/мин, $\Delta R-R$: (Р) – 0,15–0,20 с, (О) – 0,12–0,15 с.

3. Удовлетворительного: ЧСС – 70 уд/мин, $\Delta R-R$: (P) – 0,20–0,25 с, (O) – 0,15–0,18.
4. Хорошее: ЧСС – 60 уд/мин, $\Delta R-R$: (P) – 0,25–0,30 с, (O) – 0,18–0,20 с.
5. Отличное: ЧСС – 50 уд/мин, $\Delta R-R$: (P) – 0,30–0,50 с, (O) – 0,20–0,25.
6. Гипервосстановления: ЧСС – 40 уд/мин, $\Delta R-R$: (P) 0,50 с, (O) – 0,25 с.

Амплитуда моды как отражение симпатических влияний находится в пределах 20–50% при релаксации и 30–60% при отдыхе с небольшой тенденцией снижения. Превышение вариативности говорит о слабости парасимпатических влияний, а иногда – срыве адаптации как при значениях ниже 0,10, так и при превышении выше 0,50 с.

Обсуждение результатов. На биологическом уровне основу здоровья составляет гемостаз, т.е. способность организма поддерживать постоянство внутренней среды вопреки внешним воздействиям. Согласно этому принципу, здоровье сохраняется, если поддерживается постоянство всех параметров внутренней среды. Если гемостаз нарушается, здоровье ухудшается и развивается болезнь. Таким образом, здоровье управляется системой обратных связей, обеспечивающих контроль за внутренней средой организма и поддерживающих её постоянство, несмотря на изменения внешней среды [5]. Считается, что тестируя проявления и состояния сердечно-сосудистой выносливости (способность сердца и легких перекачивать кровь и насыщать кислородом все тело), мышечной тренированности (сила и выносливость мышц); гибкости (способности суставов осуществлять движения в большом диапазоне без болевых ощущений), состав тела (какую часть тела составляет жир) – можно измерить «персональное здоровье», которое напрямую связано с режимом (характером) тренировок, что получило название «тренированность здоровья». Причем наиболее важным компонентом является аэробная выносливость [5]. Подводя итоги тренировки в видах спорта с преимущественным проявлением выносливости С.М. Гордон [6] указывает, что данный процесс строился на педагогических принципах закономерного соотношения между различными упражнениями и возникающими эффектами от их применения. Очевидный прагматизм такого подхода выразился в конечном итоге, как определяется некоторыми авторами [4; 16], методологическим застоєм теории спортивной тренировки. В современном исполнении педагогическая методика тренировки практически отработала все имеющиеся варианты, как в организации, так и в выборе средств и методов [4, с. 14]. Основным аспектом может быть найден в нетрадиционных методиках и возможностях оптимального управления ходом функционального развития организма [12]. Основным системным подходом методики тренировки можно считать возможности управления в этапном, текущем и срочном мониторинге коррекционных воздействий предложенных программ и планов. В этом плане использование симпатических и парасимпатических влияний на ход адаптационного процесса может быть тем фактором, который наиболее существенно дополняет сложившуюся систему тренировки. Современная система тренировки была ориентирована на показатели средней частоты сердечных сокращений. Функциональный рост определялся по урежению показателя в покое и уменьшению ее в ответ на стандартную нагрузку. А простейший ход текущего мониторинга определялся следующими рекомендациями. Если утром после пробуждения ЧСС снижалась или оставалась на уровне предыдущих дней, то тренировку проводили по намеченному плану. При повышении ЧСС на 5 уд/мин рекомендуется снижать объем работы на 30–50%, а при повышении на 10 уд/мин планировался день отдыха. Такой подход часто отмечал уже хронические моменты перетренированности [6]. В большинстве случаев прекращают оздоровительные занятия те люди, которые в результате неправильной тренировки не смогли выработать ощущения оптимальности воздействия. Пороговой величиной интенсивности нагрузки, обеспечивающей минимальный оздоровительный эффект, принято считать работу на уровне 50% от МПК или 65% от максимальной возрастной ЧСС

(соответствует пульсу около 110 уд/мин для начинающих и 130 уд/мин для подготовленных бегунов). Тренировка при ЧСС ниже указанных величин малоэффективна для развития выносливости, поскольку ударный объем крови в этом случае не достигает максимальной величины и сердце не до конца использует свои резервные возможности. Максимальная ЧСС, допустимая у людей среднего возраста в процессе занятий оздоровительной физкультурой и обеспечивающая максимальный тренировочный эффект, соответствует интенсивности 80% МПК или 85% ЧСС (макс), что соответствует пульсу около 150 уд/мин. Увеличение ЧСС выше указанной величины нежелательно, так как означает переход в зону смешанного аэробно-анаэробного энергообеспечения (допустимо только для некоторых хорошо подготовленных бегунов). Следовательно, диапазон безопасных нагрузок, оказывающих тренирующий эффект в оздоровительной физкультуре, в зависимости от возраста и уровня подготовленности может колебаться от 120 до 150 уд/мин [5]. Методология современных разработок (системы Polar Precision Performance, 1999; «Вектор-4», 2000) показывает высокую эффективность и необходимость индивидуального компьютерного моделирования, тренировки и контроля хода тренировочного процесса по показателям ВСР. В данных методиках указывается на необходимость мониторинга хода адаптационного процесса, подчеркивается, что адаптация характеризуется снижением ЧСС в покое и увеличением вариабельности. Наиболее продуктивно используются показатели ортопробы каждые 2–3 дня.

Ранее нами было выявлено, что именно недостаточно эффективный характер применения аэробных тренировок в большей мере и является тем фактором, который не позволяет спортсменам прогрессировать в видах спорта на выносливость, а также применять малоинтенсивный бег в качестве оздоровительного средства [14].

Выводы

1. Использование неинвазивных методик кардиоуправления по показателям симпатического и парасимпатического состояния управляющих систем организма позволяет проводить программы восстановления и оздоровления и актуальны при оценке индивидуальных возможностей организма оптимально формировать долговременную адаптацию к экстремальным воздействиям (соревнованиям).

2. Методика кардиомониторинга с помощью системы «Вектор-4» позволяет организовать срочные и текущие коррекции тренировочных программ и планов как основных механизмов в управляемой тренировке. Эффективность такого процесса определяется предваряющими коррекциями на основе автоматизированных ортопроб и текущими изменениями применяемых средств на основе анализа проделанных работ.

3. Ориентация на аэробный характер нагрузки по показателям частоты сердечных сокращений должна учитывать полный мониторинг данной переменной функционального состояния организма. Для спортсменов низкой квалификации характерно отсутствие поддерживающей и восстанавливающей направленности тренировок в данных режимах тренировки. Применение компьютерного обсчета данных позволяет реально выявлять пропорциональный вклад различных источников энергообеспечения и предупредить явления перетренированности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авцын, А.П. Адаптация и дизадаптация / А.П. Авцын // Клиническая медицина. – 1974. – № 3. – С. 3–13.
2. Баевский, Р.М. Математический анализ сердечного ритма при стрессе / Р.М. Баевский, О.И. Кириллов, С.З. Клецкин. – М. : Медицина, 1984. – 225 с.

3. Баевский, Р.М. Оценка адаптационных возможностей организма и риск развития заболеваний / Р.М. Баевский, А.П. Берсенева. – М. : Медицина, 1997. – 236 с.
4. Верхошанский, Ю.В. Актуальные проблемы современной теории и методики спортивной тренировки / Ю.В. Верхошанский // Теория и практика физической культуры. – 1993. – № 8. – С. 21–28.
5. Волков, В.Н. Теоретические основы и прикладные аспекты управления состоянием тренированности в спорте. / В.Н. Волков. – Челябинск : Факел, 2001. – 252 с.
6. Гордон, С.М. Тренировка в циклических видах спорта на основе закономерных соотношений между тренировочными упражнениями и их эффектом : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра пед. наук / ГЦОЛИФК / С.М. Гордон. – М., 1988. – 48 с.
7. Дембо, А.Г. Спортивная кардиология: Руководство для врачей / А.Г. Дембо, Э.В. Земцовский. – Л. : Высшая школа, 1990. – 352 с.
8. Жемайтите, Д.И. Вегетативная регуляция синусового ритма сердца у здоровых и больных / Д.И. Жемайтите // Анализ сердечного ритма. – Вильнюс, 1982. – С. 22–32.
9. Меерсон, Ф.З. Адаптация, стресс и профилактика / Ф.З. Меерсон. – М. : Наука, 1981. – 286 с.
10. Парин, В.В. Достижения и проблемы современной космической кардиологии / В.В. Парин, Р.М. Баевский, О.Г. Газенко // Кардиология. – 1965. – №1. – С. 3–12.
11. Платонов, В.Н. Подготовка квалифицированных спортсменов / В.Н. Платонов. – М. : Физкультура и спорт, 1986. – 286 с.
12. Селье, Г. Очерки об адаптационном синдроме / Г. Селье. – М. : Медгиз, 1960. – 260 с.
13. Селуянов, В.Н. Развитие теории физической подготовки спортсменов в 1960–1990 гг. / В.Н. Селуянов // Теория и практика физической культуры. – 1995. – №1. – С. 49–54.
14. Шаров, А.В. Использование портативной системы «Вектор-4» для коррекции оздоровительного бега / А.В. Шаров, А.И. Шутеев, Ф.К. Гоголюк / Здоровье студенческой молодежи: достижения теории и практики физической культуры на современном этапе : материалы V Междунар. науч.–практ. конф., г. Минск, 21–22 дек. 2006 г. / Бел. гос. Ун-т им. М. Танка ; редкол. : В.А. Соколов [и др.] ; науч. ред. В.А. Соколов. – Минск : БГПУ, 2006. – С. 62–63.
15. Heart rate variability. Standards of Measurement, Physiological Interpretation and Clinical Use // Circulation. – 1996. – V. 93. – P. 1043–1065.
16. Polar Precision Performance™ Software for Windows(R) Version 2 / User's Guide. GBR 187070.E. 5–th Ed. – 1999. – 150 p.

Sharov A.V., Pristupa N.I. Modern Approaches to Management Individualization of Improving and Regenerative Loadings

In the article the control over intensity of loading in training process on a parameter of heart rate is analyzed. Definition of zones intensity of training loadings is most problematic. It is caused by that the basic changes of aerobic productivity occur in a range from 75 up to 90 % from maximal heart rate – MHR. Thus, for sportsmen the definition of the given parameter is important. Correction of loadings under the current and urgent control was done on the basis of the sympathetic and parasympathetic status of an organism. Practical examples of definition of optimum intensity of loading for runners are given. Loading is submitted by a range from 8 classes of functional influence.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 27.11.2010

УДК 140.8

Я.С. Яскевич

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ПРАВСТВЕННЫЕ ИМПЕРАТИВЫ

Выявляется динамика и междисциплинарные стратегии социальной философии и социально-гуманитарного знания, раскрываются механизмы кризиса современной либеральной демократии и тенденции нравственно-антропологического поворота. Показывается, что в современных условиях необходимы новые формы и процедуры демократии, учитывающие глобализационно-цивилизационные повороты современного человечества и одновременно классические принципы демократии.

Введение

В современных социально-гуманитарных науках сегодня формируется инновационная модель глобальной философско-методологической рефлексии, связанной с включением в ее арсенал идеалов гуманизма, плюрализма, холизма, толерантности, диалога, синтеза и взаимообогащения. Процесс демократизации государственной, правовой и политической систем национальных государств сопровождается качественными изменениями целей, задач и функций отдельных социально-гуманитарных наук, изучающих эти процессы, с одной стороны, и обновлением ранее существовавших органов власти и управления, реформированием избирательной системы, сочетанием гражданских и политических отношений, плюрализма и гласности, преодолением бюрократических установок, развитием местного управления и самоуправления, с другой стороны. Рассмотрим, как осуществляются нравственные повороты в современном социально-гуманитарном знании и каким образом социально-философская рефлексия оценивает происходящие в современной демократии перемены, направленные на включение в ее арсенал идеалов гуманизма, нравственности, толерантности, справедливости. Импульс такого нравственного поворота исходит из революционного по своему существу развития современных социально-политических процессов.

В качестве альтернативы современному техногенному обществу на XXII Всемирном философском конгрессе (Сеул, август, 2008) названо нравственное общество, где все его члены следуют правилам и нормам общественной морали (Jean Goffi), ибо индивидуальный и групповой эгоизм подрывает сегодня стабильность развития. М. Parizeau из Канады предложила: «Нужна социальная этика, ограничивающая эгоизм; либеральная демократия должна быть поставлена в этические рамки. Должен существовать моральный кодекс для правящих кругов. Нам нужны общие правила для всего человечества. Для этого нам следует учесть моральные нормы традиционных культур, которые сегодня игнорируются государственными структурами при составлении законов» [1, с. 181]. Именно поэтому актуализируется ценностно-антропологический подход в понимании кризисных ситуаций современной цивилизации и как метод познания, и как стиль современного мышления, ибо сегодня «речь идет о судьбе человека и нашей цивилизации» [2, с. 4].

Социально-гуманитарное знание, ориентированное на постижение «духа», «смысла», «ценностей» по своим целям и задачам, аксиологической и этической направленности имеет свои специфические черты. Это детерминировано, прежде всего, особенностями самого объекта познания – человеческого общества, как сложной само-

развивающейся системы, являющейся не только объектом, но и субъектом познания. *За борьбой идей в данной области всегда стоит столкновение определенных целей, интересов, потребностей, воздействие таких социальных факторов, как господствующее общественное мнение, официальная идеология, политические и мировоззренческие установки.* Неизбежная и острая борьба интересов и устремлений субъектов социально-гуманитарной сферы детерминирует селективную деятельность по выбору тех или иных аргументов при обосновании отстаиваемой концепции и может привести к тому, что в качестве истинной объективной концепции будет обосновываться одно-сторонняя, а порою искажающая социальную действительность. Здесь не обойтись без анализа мотивировочно-целевых предпосылок такой позиции. В связи с этим развитие социально-гуманитарного знания всегда осуществляется в процессе острой полемики, ибо противоречив сам объект, для объяснения закономерностей развития которого создается та или иная теоретическая модель.

Вместе с тем обновление современного естествознания, его открытость, отход от концепции жесткого детерминизма и независимого субъекта, господствующего над миром, фиксация необратимости, вероятности, «свободы выбора», альтернативы, *обогащают и трансформируют само понимание наук о человеке* [3, с. 73–77]. Те идеи, которые получили физико-математическое обоснование в естествознании, с необходимостью входят в социально-гуманитарное знание, *в результате чего человек и общество уже не могут рассматриваться с позиций жесткого детерминизма, единой модели развития, однолинейности, отказа от выбора, альтернативы, случайности, непредсказуемости, а система ценностей, «наработанных» в рамках философско-гуманитарного знания, становится неотъемлемой шкалой и точкой отсчета в естественнонаучном поиске.*

С хронологической и содержательной точки зрения ценностный, антропологический, а затем и лингвистический поворот первоначально осуществился в исторической науке, когда в 80–90-е годы XIX века формировались такие направления как позитивизм, «философия жизни» и неокантианство, надолго определившие развитие как исторической, так и других социально-гуманитарных наук. Крайности и программный характер позитивистской методологии, стремящийся возвести историю в ранг точных наук, попытались преодолеть В. Дильтей, называвший гуманитарные науки «науками о духе» с их особыми тайнами понимания и интерпретацией человеческих страстей, лидеры баденской школы неокантианства В. Виндельбанд, и Г. Риккерт с акцентацией ценностного ракурса рассмотрения исторических событий, а затем и историографическая школа М. Блока, Л. Февра, выразителем которой стал журнал «Анналы».

Школа «Анналов» в своей методологической эволюции прошла несколько этапов в соответствии со сменой основных парадигм и программных установок «анналистов», и что весьма показательно в целом для развития социально-гуманитарного знания [4, с. 64].

Аксиологизация исторической науки, «лингвистический поворот», конструирование междисциплинарных подходов определяют сегодня лицо *историко-методологической рефлексии.* Потребность в «своих» историях, процесс самоопределения, открытие тем и людей, «спрятанных» от истории, интерес к «маленькому» человеку с его системой ценностей привели к становлению новых методов и подходов исторического исследования. Появились такие направления в исторической науке, как история повседневности, гендерная история, устная, демографическая, экологическая история. Привлекательной темой исследования становится постмодернистская версия истории с ее оппозицией «универсализации» истории, идеям и исторического прогресса и акцентацией «фрагментированного дискурса», специфического видения мира как хаоса, лишённого причинно-следственных связей и ценностных ориентиров, «мира децентри-

рованного», иерархически неупорядоченного, получившего определение «постмодернистской чувствительности».

Такого рода антропологические интенции являются *общей тенденцией современных социально-гуманитарных наук, обеспечивая их академическую самостоятельность и в то же время междисциплинарность, появление новых субдисциплин, диалог и интеграцию, аксиологически нравственное наполнение*. Органическая форма взаимодействия исторических, политических, юридических наук еще до их становления и самоопределения была детерминирована необходимостью изучения закономерностей развития общества, человека, государства. Начиная с античной эпохи полисной организации государства в Греции *практическая политика* сочеталась с коллективными решениями государственных дел, законотворчеством народных собраний и судопроизводства, осуществляемых избирательными коллегиями граждан, а позже – народным судом. Дифференциация политической философии и политической науки осуществляется не столько в глубине абстракций, сколько в разделении сфер осмысления многообразных феноменов политики путем их предметной специализации, ибо выполняемые ими социальные, когнитивные, прогностические и критические функции отличаются скорее лишь масштабами. На *эмпирическом уровне* политическая наука занимается анализом организации власти, изучая избирательные процедуры, общественное мнение, пропаганду, работу институциональных структур. Это требует использования специальных методов создания образа политика, корректировки его коммуникативной парадигмы и т.п. На *теоретическом уровне* политическая наука ориентирована на исследование институтов, систем и структур, специфики политического процесса, статуса и динамики демократии и т.д., используя при этом как собственные методы, так и методы смежных дисциплин – исторических наук, психологии политики, теории управления и т.д.

Развитие самого политического знания, настоятельная потребность в рационализации политики потребовали к середине XX в. более конкретного понимания предмета политической науки. В 1948 г. группа экспертов ЮНЕСКО приняла специальную резолюцию, в которой был дан перечень вопросов по четырем направлениям: политическая теория и история политических идей; политические институты; партии, группы, общественное мнение, выборы, информация и пропаганда; международные отношения и внешняя политика. В результате уже в начале 50-х гг. пункты второй и третий стали объединяться под общим названием *«политическая социология»*. Появились четыре главные ветви политической науки: политическая теория, политическая социология, административные науки, международные отношения [6, с. 22]. В последнее время все более привлекательной темой политического дискурса становится проблема взаимоотношения власти и морали.

Ценностные императивы в интерпретации взаимоотношений человека, власти, государства и общества характерны и для *современной юридической науки*, ибо важнейшей характеристикой права, наряду с его онтологическим и гносеологическим измерением, является рассмотрение *права как ценности*, т.е. *аксиологические аспекты права*. Согласно данному подходу, ценность действующего (познавательного) права и реально наличного (фактического, эмпирического) государства определяется по единому основанию и критерию, а именно, с позиций *правовых ценностей (права как ценности)*. Закон (позитивное право) и государство ценны лишь как правовые явления. *Закон (позитивное право) и государство должны быть правовыми*. Правовой закон и правовое государство – это, следовательно, правовые цели и ценности для реального закона (позитивного права) и государства (В.С. Нерсесянц). Сегодня в контексте глобализационных процессов и мирового кризиса актуализируется проблема нравственного измерения и регулирования международного права и международных отношений [7, с. 26].

Взаимодействие права, политики, морали и государства способствует функционированию целостного общественно-политического и правового сознания, формированию демократических ценностей, обоснованию механизмов преодоления социальных последствий экономического кризиса.

Сегодня можно выделить несколько *важнейших тем и направлений*, которые требуют пристального методологического анализа средствами различных социально-гуманитарных наук с *целью формирования механизмов преодоления мирового экономического кризиса, критического переосмысления либеральных стандартов и ценностей, путей демократического развития общества*. Прежде всего, необходимо выявить *динамику ценностного поворота, осуществляемого современным человечеством*, ибо глобальный финансово-экономический кризис во многом является кризисом системы духовных ценностей [8]. Даже экономисты говорят о необходимости освобождения от всевластия рыночной экономики, «инструментализации», прагматизации разума, власти денег, утвердившихся в мыслях, деяниях и умах наших современников. «Мы должны были бы, – пишет известный французский экономист Серж Латуш, – пожелать такого общества, в котором экономика уже не занимала бы место центральной (или единственной) ценности и не была бы последней стратегической целью... Это необходимо не только для того, чтобы не была окончательно разрушена земная среда, но также и прежде всего для того, чтобы вызволить современного человека из физической и нравственной нищеты» [9, с. 96]. Гипертрофированные принципы политического либерализма с ярко выраженными установками рационализма и эгоизма, индивидуальными потребностями, правами и интересами, *оборачиваются атомизацией общества, отрывом человека модерна от целей общества, забвением идеалов коллективизма, маркетизацией духовных ценностей* [11, с. 33].

В соответствии с этим, на фоне господства либеральных ценностей и глобального кризиса актуализируется необходимость системных исследований средствами различных социально-гуманитарных наук проблемы *взаимоотношения индивидуального и общественного, глобального и национального, сохранения национальных приоритетов, исследования феномена глобализации, ее воздействия на национальную культуру, экономику, политику, выявление зависимости национальных экономик от глобальных финансовых рынков и транснациональных корпораций, оптимального характера рыночного регулирования, механизмов формирования экономически единого мира, инвестиционных и товарных потоков*. Процесс глобализации обусловлен свободным движением капиталов и возрастающей зависимостью национальных экономик от глобальных финансовых рынков и транснациональных корпораций, когда стираются географические границы социальных и культурных систем. В эпоху глобализации основными оказываются *транснациональные подходы к организации глобальной системы, в основе которой лежат глобальные тенденции и институты*. Глобализация поэтому свидетельствует не о становлении единой цивилизации, разделяющей пресловутые «общечеловеческие» ценности, а об *экспансии «западной» модели общества и приспособлении мира к ее потребностям* [12, с. 48]. Вместе с тем, глобализация парадоксальным, на первый взгляд, образом повысила ценности самобытности, специфики, неповторимости каждой из объединяющих «единиц». Мировой экономический кризис требует отказаться от откровенного эгоизма развитых стран во имя разрешения собственных стратегических проблем, пересмотра приоритетов «свободного рынка», ориентации на коммерческий успех и выгодность любой ценой и считаться с социокультурными и ценностными приоритетами национальных государств и сообществ.

В условиях глобального кризиса, несомненно, важно искать *механизмы управления глобальными процессами, установления как общеевропейской, так и мировой демократии*, которая бы выступала не просто символом национальных демократий, а про-

явлением воли самих граждан, реального диалога различных интересов, идентичностей, глобальной ответственности, идеалов справедливости для всех и стремления к обеспечению блага для собственного этноса.

В аналитических подходах о переоценке ценностей демократии, отмечают *растущий критицизм в адрес демократии западного (европейского, американского) образца и усиливающееся недоверие населения разных стран мира, включая страны Европы, к либеральным ценностям и моделям демократического развития*. Тенденции сужения базы демократии, ее «удушения» (Б. Барбер) проявляют себя в таких процессах, как недовольство широких слоев населения «опустошением» демократии, ее ритуализацией, отсутствием контроля за социальными процессами (в том числе процессом глобализации) со стороны демократической общественности, слабостью демократии перед лицом все более популярного в Европе фундаментализма разного толка и терроризма. Дается достаточно резкая оценка ошибок экономического и иного либерализма, которые широко используются для критики либеральной демократии как таковой. Там где побеждает ортодоксия свободного рынка, умирает демократия, считает Н. Бирнбаум. Аналитики приходят к выводу, что страны, объявляющие себя или объявленные другими «эталонно-демократическими», отличаются многими плохо совместимыми с демократией и даже антидемократическими пороками управления политической жизнью народа. Наблюдающиеся же в XXI веке явления насильственной, «учреждаемой» через военное вмешательство демократии противоречат самой ее сути, что свидетельствует о «дефиците демократии», «отсутствии демократической субстанции» (Ю. Хабермас), выхолащивании демократических форм, «загрязнении» демократии. Правящие элиты Запада «рекомендуют» некую «эталонную демократию», основанную на ценностях либеральной демократии, навязывая ее, нередко с помощью военной силы, развивающимся странам и новым государствам постсоциалистической системы [13, с. 3–13]. Все чаще исследователи говорят о *диалоге либеральных и традиционных ценностей при обосновании нравственных поворотов в современной демократии*. Альтернативы демократии как своего рода «социальной гигиены», в мире не существует при всех трудностях, противоречиях, имитациях и прямых провалах в развитии демократии в ряде стран. В связи с этим необходимы системные исследования для выявления динамики демократии в современных условиях, *формирования и развития демократических структур гражданского общества, роли национальных государств и государственного регулирования в контексте глобализационных процессов*.

Выводы

Таким образом, становление и развитие современного социально-гуманитарного знания и демократических институтов способствуют построению правового социального государства. Особенно важна активно-преобразовательная научная и политическая деятельность в контексте поиска механизмов преодоления социальных последствий мирового финансового кризиса, нравственной оценки глобализационных процессов и современной демократии, социокультурного и политического самоопределения нашей страны в новой исторической ситуации, обоснования современной парадигмы национального существования, опираясь на собственные традиции и ценности. *Стратегический вектор развития при этом должен соответствовать цивилизационно-культурной и национально-государственной идентичности Республики Беларусь, сохранять и укреплять ее статус в геополитическом и геостратегическом плане, международно-правовой и внутривнутриполитической сферах, опираться преимущественно на собственный капитал и стимулы трансформационных изменений*. В решении такого рода многоплановых задач необходимы междисциплинарные взаимодействия различных социально-гуманитарных наук – истории, юриспруденции, социологии, экономи-

ки, политологии и др., а также диалог этих наук с реальной социально-политической практикой.

Фундаментальным вопросом стратегии национального развития становится вопрос, какое общество мы строим, какой тип государственного устройства, каковы ценностные ориентиры, идеологические приоритеты и цели общества, его общезначимые идеалы и демократические ценности. Сегодня особенно необходима обновленная парадигма общенационального развития, базирующаяся на духовно-нравственных ценностях собственной культуры, ориентированная на стабильность и единство общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мантатов, В.В. Глобализация, устойчивое развитие и общество будущего / В.В. Мантатов // Век глобализации. – 2009. – № 1.
2. О настоящем и будущем (размышления о философии). Беседа Б.И. Пружинина с В.А. Лекторским // Вопросы философии. – 2007. – № 1.
3. Берков, В.Ф. Философия и методология науки / В.Ф. Берков. – Минск, 2004. – С. 73–77.
4. Февр, Л. Бои за историю / Л. Февр. – М., 1991.
5. Фома Аквинский «О принципах государственного правления»; Н. Макиавелли «Государь», 1513; М. Матер «О Светской власти, 1523; г. Моска «Элементы политической науки» 1898; Б. Кроче «Элементы политики», 1925.
6. Решетников, С.В. Методология и методы анализа государственной политики и управления / С.В. Решетников, Н.А. Антанович, Б.Я. Мигас. – Минск, 2001.
7. Яскевич, Я.С. Нравственные приоритеты в контексте динамики общественной морали / Я.С. Яскевич // Наука и инновации. – 2009. – № 12.
8. Яскевич, Я.С. Время кризиса – время надежды и диалога / Я.С. Яскевич. – Минск, 2009
9. Latouche, S. Die Untervernunft der ökonomischen Vernunft / S. Latouche. – Zürich – Berlin, 2004.
10. Мотрошилова, Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов / Н.В. Мотрошилова. – М., 2010.
11. Соколова, Р.И. Человеческий фактор – неучтенный элемент российского государства / Р.И. Соколова // Вопросы философии. – 2009. – № 5.
12. Иноземцев, В.Л. Прогресс и социальная поляризация в XXI столетии / В.Л. Иноземцев // Полис. – 2008. – № 6.
13. Зеленко, Б.И. Демократия и современная Россия: непростое сочетание / Б.И. Зеленко // Вопросы философии. – 2008. – № 5.
14. Западные СМИ о кризисе «эталонной демократии». – М., 2006.
15. <http://www.hudsoninstitute.org>.
16. Blair, T. A Battle for global values / T. Blair // Foreign affairs. – January/February. – 2007.
17. Гаджиев, К.С. Заметки о метаморфозах либеральных ценностей / К.С. Гаджиев // Вопросы философии. – 2008. – № 5.
18. Ницше, Ф. Сочинения / Ф. Ницше. – М., 1990. – Т. 1.
19. Трубецкой, Н.С. Европа и человечество / Н.С. Трубецкой // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М., 1990.
20. О стратегии российского развития. – М., 2003.
21. Красин, Ю.А. Метаморфозы демократии в изменяющемся мире / Ю.А. Красин // Полис. – 2006. – № 4.

Yaskevich Y.S. Social and Humanitarian Knowledge and Modern Democracy: Moral Imperatives

The dynamics, interdisciplinary strategies of social philosophy and socio-humanitarian knowledge are analyzed, the mechanisms of modern liberal democracy crisis and tendencies of morally anthropological changes are revealed. It is shown, that the present situation require new forms and procedures of democracy, which take into consideration global changes of modern society together with classical principals of democracy.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 20.01.2011

УДК 101.1 : 316

Б.М. Лепешко

СОВЕТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА

В статье рассматривается феномен советской цивилизации. Основное содержание статьи связано с характеристикой ряда важнейших методологических вопросов. Это, в частности, связь советского проекта с идеями западных концептуалистов, влияние на развитие советской цивилизации национальной духовной традиции. Большое внимание уделяется современным аспектам темы: значение советской цивилизации для суверенного развития Беларуси, роль социального идеала и его необходимость в рамках современного прагматического, по сути, мышления.

Введение

Можно спорить относительно того, пришло ли время для системного изучения феномена советской цивилизации. Понятна аргументация тех исследователей, которые утверждают: историческая дистанция между такого рода прошлым и настоящим слишком мала для того, чтобы оценки были точными, максимально беспристрастными, а научный поиск мог бы быть верифицируемым хотя бы с точки зрения временных констант.

Но и возражения на такого рода подходы могут быть весомыми. Скажем, то, что советское прошлое на наших глазах превращается в историографический (как минимум) феномен и хорошо бы, пока не поздно, зафиксировать его не только в аспекте психологическом, ментальном, эмпирическом, но и философском, методологическом. Или то, что интерес к СССР и феномену советскости сразу же перерос академические границы и вполне может быть рассмотрен с точки зрения не только нашего настоящего, но и ближайшего будущего. К слову, с этой точки зрения советский опыт есть предпосылка реализации прогностических функций науки. По аналогии можно вспомнить известную ремарку О. Шпенглера, утверждавшего, что история Древнего Рима и Древней Греции есть парафраз развёртывания современной истории, надо лишь научиться читать этот свиток. Те же слова можно отнести и к советской истории, о чём будет сказано ниже.

К этому можно добавить то соображение, согласно которому советское прошлое актуализируется на наших глазах. К нему апеллируют, как к аргументу, его привлекают, как доказательство или опровержение, его вспоминают и с точки зрения реалий современной политической борьбы, и в аспекте психологической поддержки целого поколения людей, которые жили в эту эпоху и предпочитают говорить о ценностях этой эпохи, а не о её недостатках – кстати, понятная с человеческой точки зрения позиция. В каком-то смысле можно даже говорить о современности советского миропонимания, советской философии жизни: живы и здравствуют многие носители этих ценностей, достаточно уверенно по некоторым параметрам чувствует себя известная методология, марксизм-ленинизм, можно говорить и соответствующей социальной практике, в том числе на примере развития суверенной Беларуси.

В данном контексте само понятие «цивилизация» отдельно не анализируется, не рассматривается – это тема отдельного разговора. Можно лишь сказать, что правомерность употребления данного термина применительно к советской истории обусловлена рядом факторов. Во-первых, это понимание уникальности этого исторического, государственного, философского, ментального феномена. Во-вторых, мы можем достаточно чётко зафиксировать временные, смысловые, философско-психологические, политические и иные границы существования этого явления и его

существенные черты. В-третьих, понятие «цивилизация» здесь может быть рассмотрена достаточно широко и автор не считает себя связанным каким-то одним её толкованием.

В предлагаемой читателю статье речь пойдёт лишь о некоторых методологических подходах к пониманию феномена советской цивилизации. Не вызывает сомнений то утверждение, что мы накануне появления монографий, диссертаций, предметом которых станет советская цивилизация. Интерес к теме велик и он будет удовлетворён. Но прежде, чем будут рассмотрены конкретные вопросы, обращено внимание на детали, имеет смысл остановиться на некоторых общефилософских моментах, попробовать определить тот базис, на основе которого изучение данного явления может быть и реальным, и плодотворным. И, в этой связи, первый вопрос может звучать так: так чей же это проект, СССР, каких универсальных умов, кто может претендовать на лавры теоретических предтеч этого феномена?

СССР как западный проект

Можно даже сказать, что это европейский проект, поскольку именно европейская интеллектуальная традиция заложила основы советского миропонимания и соответствующий теоретический базис. Надо лишь сразу же особо подчеркнуть: речь идёт именно о теоретических, концептуальных вещах и процессах, поскольку на уровне индивидуальном, уровне личных исканий, да и уровне народных утопий в целом данная традиция была распространена повсеместно, и здесь критерий «Запад – Восток» не работает. Легенды о «золотом веке», уравнильные проекты такая же принадлежность всех стадий развития человеческого общества, как и протест против любых форм эксплуатации. Здесь и сочинения Лао-Цзы, и социальное учение раннего христианства, и дискуссии древнегреческих мыслителей вокруг проблем имущественного неравенства, и ереси, и устное народное творчество, и уравнильный коммунизм анабаптистов.

Пожалуй, первой литературной утопией, которая несла в себе черты концептуальности, и дала имя всей домарксовской традиции, было одноимённое произведение Томаса Мора. Для нас важна констатация не только того факта, что английский канцлер XVI века провозгласил важность преобразований как в сфере потребления (о чём говорилось и ранее), но и в сфере производства. Для нас принципиально важно то, что Т. Мор выдвинул социальный идеал, близкий гуманистическим традициям и этому идеалу дал концептуальное обоснование.

Вообще говоря, мало обращают внимания на тот аспект учения Т. Мора, где идёт речь о социальном оптимизме, возможности реализации гуманистического идеала. Утопизм – это ведь больше в части средств, а вот в части идеала, как показала дальнейшее интеллектуальное развитие, можно и нужно спорить. Отвлекаясь, заметим, что как раз сегодня, в период господства «людей дела», прагматиков наиболее остро стала ощущаться важность и необходимость именно идеальных умпостроений. Потребность в «золотом веке» – это ведь вовсе не принадлежность исключительно прошлых веков. Не надо думать, что мысли о гармоничном и гуманистическом мире есть принадлежность только тех цивилизаций, которые боролись за выживание и страдали сверх меры от угнетения и рабства разных форм. «Золотой век» – это и форма поиска идеала нынешним поколением, которое выражает неудовлетворённость не уровнем материального потребления, а «погребением» идеальных форм жизни под этим самым материальным потреблением. Перефразируя известную фразу, можно сказать: нынче материальные богатства полились таким потоком, что впору вспоминать известную историю про дедушку Ноя и его поиски спасительного Арарата. То есть, идеальные конструкции, проекты будущего могут рождаться не только на основе ничтожности средств производства и тяжелейшей борьбы за выживание, но и в качестве альтернативы удушающим объятиям общества потребления.

Конечно же, говоря об СССР как западном проекте, имеются в виду не только Томас Мор, не только К. Маркс и Ф. Энгельс, выдающиеся представители западного способа мышления, западной философской, экономической, исторической традиции. Имеется в виду тот факт, что советский проект вызревал в ходе многовекового развития (и не только интеллектуального), что он воплощал в себе высокое качество общественно-политической мысли, что он явился воплощением совокупных усилий многих универсальных умов человечества. Достаточно вспомнить в этом контексте известное замечание Ф. Энгельса, который писал: «Немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна – трёх мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времён и которые гениально предвосхищали бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно...» [18, с. 498–499]. О каких, интересно, идеях речь идёт, прежде всего?

Это, в частности желание великих утопистов, освободить всё человечество, а не какую-то одну группу людей. Это идея общественной закономерности и противоречивости общественного процесса, понимание труда как первой потребности человека, преодоление противоположности между умственным и физическим трудом и т.д. Но хотелось бы обратить внимание не только на эти, достаточно известные характеристики. Для нас важен методологический аспект проблемы. Обратимся к конкретному примеру. Фридрих Энгельс, характеризуя в одной из своих работ («Развитие социализма от утопии к науке») взгляды Ш. Фурье, писал, что французский социалист беспощадно вскрывает всё материальное и моральное убожество буржуазного мира и сопоставляет его с заманчивыми обещаниями прежних просветителей об установлении такого общества, где будет господствовать только разум. То есть, высказывает мысль такого порядка: сам по себе идеал, даже рационалистический (всесилие разума), сталкиваясь с действительностью, может обнаружить свои концептуальные недостатки. Другими словами, разум не всесилен. Если мы эту мысль, эту констатацию классика марксизма перенесём (экстраполируем) в нашу сегодняшнюю жизнь, если мы попробуем использовать этот подход в качестве методологического ключа, то обнаружим немало интересного. Скажем, обнаружим парадокс такого рода: новое поколение нынешних свободных людей, которое не знало ни господства моноидеологии, ни сталинских репрессий, ни «удушающих объятий» пионерских и комсомольских организаций, а зрело и развивалось на прекрасных и высоких идеалах либеральной идеологии, может тяготеть к экстремизму и ксенофобии, чему мы были свидетелями, в частности, в декабре 2010 года. В Москве, на Манежной площади тысячи молодых людей протестовали против того состояния российской действительности, которое они считали несправедливым, не имеющим ничего общего ни с либеральными идеалами, ни с какими бы то ни было идеалами вообще.

Конечно, параллель между преклонением просветителей перед всемогуществом разума и нацистскими лозунгами вырвавшихся на оперативный простор молодых людей, подогревающих себя ксенофобскими высказываниями, может показаться надуманной. Однако суть в данном случае не только в параллелях, но и в той простой констатации, согласно которой идеалы тогда чего-то стоят, когда сопровождаются соответствующим социальным инструментарием. То есть работой в массах, решением простых и понятных большинству населения задач, пониманием иерархии предпочтений и следование ей и т.д.

Когда мы говорим о связи советского опыта с западной интеллектуальной традицией, то имеем в виду, прежде всего, универсализм идеи социальной справедливости, требования отмены частной собственности, лозунга социальной справедливости. Весь вопрос стоял в плоскости придания этим вечным идеям статуса научности, что и было предложено К. Марком и Ф. Энгельсом в известной теории. Здесь сразу же возник-

кает такой вопрос: можно ли советский опыт назвать следствием немецкой традиции или интеллектуальной традиции Франции, это результат усилий английских авторов или американских деятелей эпохи Гражданской войны за независимость и последующего развития страны? Очевидно, нет. Заслуга Ф. Энгельса и К. Маркса состояла в том, что они предложили вариант развития социальных событий исходя из накопленного интеллектуального опыта и соответствующей практики всей западной цивилизации. И ведь суть в том, что этот проект стал реальностью. Что бы и как не происходило в дальнейшем (гибель СССР), но не надо отрицать главного: опыт реализации той великой мечты, над деталями и средствами достижения которой бились самые светлые умы человечества, стал реальностью после 1917 года. То есть, упрощая ситуацию, можно констатировать: в главном и Томас Мор, и Роберт Оуэн, и Гракх Бабёф были правы. Идеи социальной справедливости, основанные на ликвидации частной собственности (её ограничении), разрушении основ эксплуатации в сфере производства и несправедливостей в сфере потребления, гармонизации общественных отношений могли быть реализованы на практике, и были реализованы на практике. Вне зависимости от дальнейшей судьбы и этих идей и соответствующей практики.

Здесь, кстати, есть и такой интересный момент. Если предположить, что советская цивилизация была выпестована западной цивилизацией, то не следует ли из этого, что гибель СССР предвещает гибель и западной цивилизации? Идея не столь фантастическая, как это может показаться на первый взгляд. Ведь вся отечественная, интеллектуальная традиция вплоть до XIX века выросла из достижений западной мысли. И мы эту самую мысль доводили до самой высокой степени концентрации. Вспомним декабристов, поколение Отечественной войны 1812 года – они возрастали на идеях французского просветительства и Вольтер, Дидро были их кумирами. А концентрированным воплощением этих идей стал 1825 год, известные события на Сенатской площади. Вспомним последующую генерацию узкого круга «архивных юношей» (А. Пушкин), здесь уже правили бал Кант, Гегель, Шеллинг, позже Фейербах, словом, господствовала немецкая философская традиция. Правда, именно в это время появился и Пётр Чаадаев, который сказал одно из первых самостоятельных слов на ниве отечественной, интеллектуальной традиции, но это уже несколько иная тема. Поэтому нет ничего удивительного в том, что выдающийся русский мыслитель Г. Плеханов в иных исторических условиях «заболел» марксизмом, стал верным адептом этой теории, сделал очень многое для её популяризации в нашей стране. Владимир Ленин в этом смысле был «сыном» Г. Плеханова, хотя стоит оговориться, что Георгий Валентинович писал после революции 1917 года, что если В. Ленин и является, его сыном, то незаконнорождённым. Речь шла, конечно, о тактических разногласиях в русской революции. Таким образом, западное влияние, как минимум, очевидно и связь русской революции начала XX века с соответствующей западной практикой сомнений не вызывает. Но как здесь быть с традицией национальной? Отвечая на этот вопрос, мы подходим к следующей проблеме: действительно, а какова роль в исследуемом нами процессе национальных мыслителей?

СССР и национальная духовная традиция

Конечно, утверждать, что Владимир Ленин, его идеи и соответствующая социальная практика находились в русле столбовой дороги духовных исканий наших предков, было бы, наверное, слишком смело. И здесь главным является тот факт, что основным лейтмотивом русских духовных исканий с начала XIX века были не только поиски социальной справедливости, искания правды, но поиски социальной истины с точки зрения таких ценностей, как религия (как высшая ценность) и ненасильственные действия как средство достижения цели. Вот по этим двум основным пунктам В. Ленин и его дело плохо вписывается в национальную, интеллектуальную традицию.

Отвлекаясь, заметим: когда-то был популярным вопрос: ответственен ли мыслитель за то, что его идеи после его ухода из жизни, в иные эпохи могут быть использованы против человечности? Классический пример – Ф. Ницше и идеология нацизма, заимствование идей великого немецкого мыслителя идеологами ведомства Геббельса. В этой связи может быть поставлен вопрос и такого рода: виноват ли Карл Маркс (западная цивилизация) в том, что в советскую эпоху (30-е годы XX века) его идеалы и мысли были интерпретированы столь пагубно? Мне хотелось бы поставить этот вопрос, эту аналогию ещё и вот в каком смысле: как сопрягаются эти две ветви русской философской традиции: одна, скажем (условно) соловьёвская (от Вл. Соловьёва, самого крупного нашего мыслителя-идеалиста) и другая – ленинская. И кто, и за что несёт историческую ответственность? Скажем, Ленин ответственен за деяния своих последователей? Но мало того, вопрос может быть поставлен и шире: а духовные отцы из лагеря либералов, из стана философского идеализма несут ли ответственность за то, что произошло в XX веке? Вопрос не случаен: тот же Н. Бердяев, рассуждая о причинах великого переворота начала XX века в России, рассуждал именно об ответственности деятелей своего круга в произошедшем.

Ведь не откровение тот факт, что главные достижения великой национальной культуры второй половины XIX – начала XX века были связаны вовсе не с марксизмом, вовсе не с плехановскими идеями о базисе и надстройке, материалистическом понимании истории и широко известными идеями Владимира Ленина. Главные достижения, которые лежат в основе нашей национальной духовной традиции, были выработаны Ф. Достоевским и Л. Толстым, Вл. Соловьёвым и Н. Бердяевым, П. Флоренским и В. Розановым, собственно, список этих выдающихся имён известен и не нуждается в комментировании. Но почему же тогда на острие общественного интереса, в эпицентре политических изменений встала фигура Ленина? Это что, историческая случайность? Игра некоего глобального марксистского разума? Может, истоки произошедшего (исторический выбор народа, революция) надо искать в психологии масс, ментальности?

Методологически основным здесь должно быть, на наш взгляд, следующее положение. Национальная духовная традиция была вся основана на напряжённом поиске правды, напряжённом поиске справедливости, истины. Это было свойственно литераторам, философам, в целом всем деятелям отечественной культуры. Общеизвестно: духовные, интеллектуальные искания постоянно исходили из приоритета «вечных истин», из поиска тех идеалов, которые примирят большинство. Да, мыслители могли говорить о «правде революции», но они никогда не призывали революцию, никогда не были сторонниками жёстких мер, никогда не говорили о возможности насильственного изменения действительности. Но вот слова о правде и справедливости были общими. Вот здесь, на наш взгляд, произошло своего рода «смыкание», переплетение тех идей, которые высказывались под флагом столь популярного в начале прошлого века «экономического материализма» и отрабатывались целой плеядой великих идеалистов. Во всяком случае, общественное сознание было готово принять такого рода связь и приняло её как данность.

Возьмём творчество Владимира Соловьёва. Общеизвестны его основные идеи: Царство Божье на земле, всемирная теократия, идея всеединства (соборности), «снямающая» все возможные противоречия и т.д. Но в основе теоретических построений этого великого идеалиста всё та же правда, всё та же справедливость, всё тот же вечный поиск истины. Или Василий Розанов. Да, эпатажные откровения «Опавших листьев» и «Мимолётного», да, «Бородатые Венеры древности», но и в то же время – напряжённые поиски социального идеала. Конечно, отношение Владимира Соловьёва и Василия Розанова к своим оппонентам было разным. Великий русский систематик, идеалист был, скорее, близок ко Льву Толстому с его непротивлением злу насилием, достаточно

вспомнить в этой связи его известный призыв к новому царю пощадить убийц монарха предыдущего, Александра II. Или осуждение им А. Пушкина в известной статье за то, что поэт всё же хотел стрелять в своего противника, был готов и убивать, а это не христиански. Василий Розанов занимал более жёсткую позицию. Вспомним, как он призывал «вывести из-за стола» (исключить из зоны общественного внимания) всех демократически настроенных писателей, даже Николая Чернышевского. Вывести грубо, как «навопявшего в комнате конюха». Но, по сути, по базисным своим идеям, основным категориям учения они стремились к тому же, о чём говорил и Владимир Ленин с присными: в основе нашего настоящего и будущего именно, правда, справедливость. В этом аспекте советская цивилизация восприняла как базисные, основополагающие те ценности, которые были выработаны не только марксистской традицией, традицией народовольческой и далее, по нисходящей линии, вплоть до исторически первых выступлений крестьян против поработителей. В этом кроется и секрет «органичности» советской цивилизации для многих людей. «Своим» был не только Владимир Ленин, не только Степан Разин и Емельян Пугачёв. Своими были и Лев Толстой, и Фёдор Достоевский, и Антон Чехов. Как ни парадоксально, противоречия между Владимиром Лениным и, скажем, Львом Толстым в одном, как минимум, пункте не было, хотя один из них был убеждённым атеистом, революционером, готовым к насильственным действиям, а второй – национальный Будда, призывающий к новой религии и новому миру, без насилия и крови. Пункт этот – всё та же, правда, всё та же справедливость. Но это – важнейший для национального сознания пункт.

Надо признать прямо и иное: величайшее зло, величайшая несправедливость заключалась в том, что остальные «пункты», пункты идейных, философских разногласий превратились в тексты приговоров, когда реальных, когда метафизических, но от этого не менее страшных. Забыть, где находятся могилы Василия Розанова, Константина Леонтьева, хуже того, сронять их с землёй, сгноить в лагерях Павла Флоренского, вычеркнуть из программ университетов Соловьёва, Бердяева, Иванова, Мережковского – это, вне сомнений, преступление, тяжкий грех. И здесь сложно, невозможно говорить о единстве духовных традиций.

Таким образом, можно констатировать: советская цивилизация вовсе не была проектом, привнесённым в нашу жизнь исключительно с запада и не имеющим ничего общего с нравственными, духовными, интеллектуальными исканиями национальных мыслителей. Это был и национальный проект, неразрывно связанный с национальным пониманием ценностей, приоритетов. Вот, скажем, простой вопрос: почему народное сознание после известных событий начала XX века (Октябрьская революция) готово было безоговорочно принять немцев Маркса, Энгельса в качестве «своих» духовных отцов и никто из революционеров никогда и ничего не заявлял о непримиримости с их немецкостью, никто не говорил о них как об инородцах? Ведь ещё недавно в окопах воевали, с этими самыми немцами. Это произошло, том числе и потому, что нашему народу действительно свойственен мессианизм особого рода, мессианизм, основанный на идее, цели решать именно общечеловеческие задачи, а не задачи узко национальные и потому эгоистические. Вспомним, например, известные призывы в этой связи Фёдора Достоевского, который писал в одной из статей в 1861 году: «Русский человек сочувствует всему человеческому вне различия национальности, крови и почвы. Он находит и немедленно допускает разумность во всём, в чём хоть сколько-нибудь есть общечеловеческого интереса. У него инстинкт общечеловечности. Он инстинктом угадывает общечеловеческую черту даже в самых резких исключительностях других народов» [2, с. 38–39]. А теперь вспомните ключевые фразы многих национальных марксистов о том, что у них «нет отечества», что пролетарский интернационализм это новый принцип человеческого общежития, что Россия призвана воплотить в своей истории лучшие

черты предыдущего развития и идти дальше – нет ли чувства, что слова разные, а суть, как минимум, близка?

Когда мы утверждаем, что советская цивилизация генетически выросла не только из западной, но и национальной духовной традиции, то тем самым и определяем и противоречия этой цивилизации, её парадоксальность, невозможность определить её сущность в категориях одной методологии. Можно ли с точки зрения канонов западной рационалистической методологии определить, квалифицировать и систематизировать дела и поступки советских людей, их самопожертвование, их идеализм, следование идеалистическим умопостроениям? Как, скажем, с этой точки зрения квалифицировать жизнь Павла Корчагина из романа Н. Островского «Как закалялась сталь»? Хотя – попытки известны. Одна из британских энциклопедий так охарактеризовала сюжетную линию романа: «это книга о коммерческом и жизненном успехе молодого калеки». Но – поколение советских людей разве согласится с таким определением? Вряд ли. С другой стороны, как «вписать» в схемы, догмы марксистской методологии то, что никак туда не вписывается: новую экономическую политику 20 годов, политику в военной сфере (военспецы), «примирение» с государством и чиновничеством старой России и т.д. Или всё это определить по ведомству творческого развития марксизма?

Общеизвестно, что и К. Маркс, и Ф. Энгельс, да и сам В.И. Ленин были уверены: новая цивилизация возникнет в развитых капиталистических государствах Европы, во Франции, в Германии. А всё произошло в полуазиатской России. Рождения цивилизации в спроектированном западными теоретиками «чистом виде» быть, очевидно, не могло. А то, что события революционного характера произошли в стране с сильными традициями «общечеловечности», борьбы за истину и правду лишь придали новому государственному устройству те формы и ту сущность, основные черты которой развивалась весь XX век. Здесь же, в этом контексте для нас особый интерес представляет такая тема, как судьба белорусской государственности в составе СССР.

СССР и Беларусь

Будем реалистами: белорусское государство, БССР было во многом рождено Великой Октябрьской социалистической революцией. Если бы Российская империя не ветшала столь быстро и столь же быстро не исчезла с исторической арены, национальному самосознанию, национальным государственным силам понадобился бы, очевидно, длительный период для решения важнейшей национальной задачи – строительства суверенного государства. В этом смысле советская цивилизация «выносила» в себе белорусскую государственность, более того, она способствовала развитию многих её сущностных черт в тот, начальный период своего появления на свет.

Если обратиться к методологическим параметрам изучения вопроса, то здесь, на наш взгляд, важно сосредоточиться на некоторых проблемах, и первую из них можно обозначить так: были ли, существовали ли альтернативы именно сложившимся формам национального развития? Это тем более важно, что достаточно часто апеллируют к опыту Белорусской народной республики (БНР), называя этот опыт опытом первой реальной государственности. Сразу же хотелось бы оговориться: стоило бы приветствовать, стоило бы лишь радоваться тому, что национальная государственность возникла не в 1991 году, а почти на век раньше. Но столь же важной является мысль о важности исключения из нашего научного оборота мифологических сюжетов. Принципиальным в этом контексте является не перечень объективных и субъективных причин, которые привели, например, к краху БНР, не предпосылки массовой советизации наших земель в первой четверти прошлого века, а реальное положение вещей. Можно сколько угодно и как угодно рассуждать о том, почему получилась так, а не получилось эдак, но исто-

рическая реальность всегда выше любых метафизических, да и историографических спекуляций.

К слову, этот же подход, может быть, применим к событиям, связанным с гибелью СССР. Сегодня нет недостатка в разного рода версиях, гипотезах случившегося в декабре 1991 года, причём очень убедительных версиях и гипотезах. Но все они имеют смысл в очень узких пределах эвристического поиска, когда интерес представляет лишь некий набор эпистемологических рассуждений. Суть вопроса это несколько не меняет: СССР «умер», а это значит, что в момент его ухода все мыслимые альтернативы развития тут же перешли в разряд научной или околонучной фантастики.

Иногда можно услышать мнение и такого порядка: тот или иной феномен изучается в аспекте альтернативности с целью извлечения неких выводов для того, чтобы не повторять те или иные непродуктивные (ошибочные) действия в дальнейшем. Иллюзорная надежда и вовсе не потому, что «история учит тому, что ничему не учит». Ведь если история учит тому, что ничему не учит, то она уже чему-то учит. Но главное не в парадоксах и софизмах, а в том, что есть осуществлённый исторический процесс. А вот это и есть альфа и омега любых исторических реминисценций. В этом контексте советский путь белорусской государственности на первых этапах её жизни определяет и пути исследования этого феномена, и его оценки, и основные методологические подходы. Здесь диалектика двоякого рода. С одной стороны, есть та реальность, которая определяет наши подходы к её изучению. С другой стороны, мы вовсе не находимся в плену у этой реальности. Мы можем позволить себе выбор тем, методик, методов изучения этой реальности, осознавая свою принадлежность этой же эпохе.

Есть и ещё одна важная проблема. Её можно обозначить в виде диалектики общего и особенного в строительстве государства, как общего, федеративного государства, так и государства национального. Или, иными словами: строительство союзной государственности способствовало развитию национальной государственности или же затрудняло её? Каковы были особенности этого строительства, о какой специфике можно вести речь? Представляется, что один из ответов на эти непростые вопросы может иметь такой вид: это был неоднородный, противоречивый процесс, в котором имели место отступления от классического марксистского понимания, было то, что можно назвать теоретическим развитием темы, но общий итог этого развития был, вне сомнений, позитивным.

Не надо забывать, что формирование белорусской государственности в рамках СССР осуществлялось, фактически, с нуля. Как в теоретическом, так и в практическом плане. Национальные кадры только-только стали заявлять о себе, те группы прогрессивно мыслящей национальной интеллигенции, которые заявляли о себе в конце XIX века, были малочисленны, неорганизованны, не представляли, из себя реальной национальной силы. Тот бурный рост национального самосознания, чему мы были свидетелями в первой четверти прошлого века, был во многом следствием раскрепощения масс, раскрепощения национальной интеллигенции и потому столь быстро появились её первые реальные плоды (белоруссизация, появление первого национального университета, правда, позже, реальные достижения литераторов, деятелей культуры в целом). То есть, процесс создания и развития советского государства, формирование советской цивилизации означал и появление, первые ростки цивилизации национальной. Это был единый процесс.

Вместе с тем, нельзя не говорить и о том, что советская цивилизация, обладающая несомненным приоритетом перед цивилизацией национальной (в данном контексте – белорусской) способствовала не только росту и расцвету последней, но и уничтожала те её плоды, уничтожались те её достижения, которые противоречили известным

искусственным теоретическим схемам, преобладающим над требованиями жизни и глубинными требованиями развития национального духа.

Мы часто фокусируем внимание на противоречии такого рода. Ведь был социальный оптимизм масс, было их действительно реальное, живое творчество, было то, что по отношению к иным цивилизациям называют «зарёй», «началом расцвета» и здесь же было совсем иное, фактически, противоположные по направлению и характеру процессы. В частности, желание любыми средствами и способами настоять на своём понимании ценностей, движение в узком кругу стереотипов, а В.И. Ленин, который, пожалуй, один был способен пересмотреть и исправить на глазах складывающиеся догмы, который готов был отступить от раз и навсегда заученных истин, очень рано ушёл из жизни.

Успехи Беларуси в рамках развития единого союзного государства, СССР, неоспоримы. Здесь нет необходимости возвращаться к ним и повторять очевидное. Для нас важнее подчеркнуть и охарактеризовать ещё одну важную проблему, которая имеет прямое отношение к нашему сегодняшнему состоянию, нашим нынешним национальным задачам и целям. Это вопрос о традициях, о преемственности, о том, надо ли отказываться от советского опыта, от всего того, чем была наполнена наша жизнь ещё вчера. В методологическом аспекте решение этого вопроса зависит от ряда факторов. Перечислим некоторые из них. Это, во-первых, ментальная предрасположенность к накоплению социального опыта и репродуцированию его в будущих поколениях. Это, во-вторых, «традиция традиции», если будет позволено так выразиться. То есть, сформировано ли в обществе уважение к традиции и понимание важности линии на преемственность развития. В-третьих, это состояние самого белорусского общества, его политико-экономические реалии.

Если мы в начале коснёмся этого, третьего пункта, то он означает зрелость, стабильность общества, его готовность к компромиссам, отсутствие резких полярных мнений, чреватых социальными столкновениями. Почему, скажем, современное английское общество остаётся по существу традиционным? Да потому, что в основе этой традиционности единство в понимании стратегии развития английского общества и государства. Единство, основанное на всё той же исторической традиции. И эта традиционность носит стабилизирующий для общества характер. Стоит вспомнить, как У. Черчилль отвечал после Второй мировой войны на вопрос о том, помогал ему или мешал в сложнейший военный период институт монархии? Бывший премьер ответил так: где-то помогал, где-то мешал, но без него войну мы бы не выиграли. У нас же такого рода единство иногда подвергается атакам со стороны тех сил, тех деятелей, которые не приемлют реализуемого президентом А. Лукашенко курса. Да, у нас по сравнению с английской национальной историей до сих пор является ареной столкновения не только историков, но и идеологов. Да, у нас не сложилась культура традиций, культура преемственности. У нас даже не сложилась – в спектре политических партий – консервативная партия, потому что консервировать-то особенно нечего. Но у нас должно быть понимание необходимости формирования традиционного общества. Не в смысле исключительно охранительном, а в смысле того непреложного факта, что каждое поколение начинает жизнь не с чистого листа, а на плечах своих предшественников.

Данные констатации связаны и с тем, что «традиций формирования традиций» у нас немного. Уже на наших глазах началось обрушение советских традиций, которые наши отцы и деды формировали далеко не в простых условиях выживания в условиях войн и разрухи. И чему здесь удивляться: традиции царского периода, времён Российской империи тоже были благополучно уничтожены. И вот опять дежа-вю: в Беловежской пуще разыскали и установили на дорогах, мостах царских орлов, вензеля императорской фамилии и вовсе не потому, что в обществе заметна тяга к реанимации дома

Романовых. Речь идёт всё о том же: понимании важности и обязательности традиционного мышления, традиционных форм общежития, связи поколений. Белорусское общество, несмотря на имеющие иногда место упрёки в консервативности и даже патриархальности, нуждается, тем не менее, в осознании важности и необходимости понимания связи времён. И та логическая, смысловая цепочка, которую мы протягиваем от времён Полоцкого княжества до современной независимой Беларуси, есть следствие того, что нам удаётся добиваться поставленных целей.

Заключение

Заключить хотелось бы тем, с чего начался разговор, с идеала. Ныне популярны прагматические установки, правят бал те из нас, кто проповедует креативность и первоочередность практических целей и задач. Это понятно: общество в каком-то смысле устало от идеалистических клише периода развитого социализма и дезавуирует их путём обращения к материальным вещам и процессам. Советское общество «перекормило» нас идеалистическими формулами о царстве всеобщего благоденствия, коммунистическими проектами и психологически такой поворот к меркантильности, прагматичности вполне понятен. Но вопрос в ином: уже сегодня заметно понимание того, что с водой мы в очередной раз выплеснули и ребёнка. Что сам по себе прагматизм не панацея общественного согласия, общественного довольства и благополучия, он вовсе не синоним прогресса. Прагматизм не может быть общественным идеалом по определению. Сам по себе прагматизм не решает основные вопросы человеческого общежития и для этой констатации вовсе не надо быть философом. Сегодня в обществе заметен поворот к идеальным конструкциям и вовсе не для того, чтобы зачеркнуть то, чего большинство добилось: материальной стабильности, жизненного успеха, словом, базисных вещей. Не об этом речь. Разговор всё больше о том, что для преодоления социальных язв, наркомании, преступности, уменьшения числа суицидов мало «хороших законов» и мало «повышения уровня благосостояния». Что вообще для развития общества мало цифр и дел, нужны идеалы, нужны идеальные цели. Советское общество в этом смысле – благодарный период, благодарный пример. Потому что понять многие вещи (победа в войне, восстановление народного хозяйства) вне идеальных целей, которые ставили перед собой советские люди, невозможно. Кстати: идеал действительно в этом смысле становился реальной материалистической силой. Есть и иной аспект темы, это реальные достижения в сфере культуры. Не секрет, что мы сегодня во многом «проедаем» то, что было накоплено в прошлом веке. А вот что касается эпохальных проектов дня сегодняшнего, то как-то сразу и не вспомнишь. Разве что «Комеди клуб» или «Прожекторпересхилтон»?

Другими словами, нам не нужна «советизация сознания», нам нужно понимание важности единства времён, необходимости консервативности мышления, пусть в ограниченных пределах, сохранения лучшего и важнейшего в нашем национальном развитии. И здесь тема советской цивилизации, её изучение и интерес к ней может сыграть благодарную роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс, К. Сочинения. Изд. 2 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Изд-во политической литературы.
2. Достоевский, Ф.М. Политическое завещание. Сборник статей за 1861–1881 гг. / Ф.М. Достоевский. – М. : Алгоритм, 2006.

Lepeshko B.M. Soviet Civilization: Some Methodological Issues of Studying the Phenomenon

The article draws attention to the phenomenon of Soviet civilization. The main content of the article refers to characteristics of a number of important methodological issues. In particular, these issues are the relationship of the Soviet project with the ideas of Western Conceptualists, the influence on the development of Soviet civilization, national spiritual traditions. Much attention is paid to modern aspects of the topic: the importance of Soviet civilization to the sovereign development of Belarus, the role of social ideal and its need in the modern pragmatic thinking, indeed.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 28.12.2010

УДК 101.1: 316.3 (043.3)

А.А. Бородуля

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРАВА ЖЕНЩИН В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается место идентичности, права женщин, экономические и культурные проблемы в условиях глобализации. Актуальность темы данной статьи продиктована возрастающим интересом социальной философии к гендерной тематике. Целью данной статьи является рассмотрение понятий «гендерная идентичность», «права женщин» в рамках социальной философии, социологии, психологии. Рассматривается культурная установка «пол», «гендер» в условиях современной культуры.

Введение

Актуальную проблему поиска идентичности в современном мире автор связывает с осуществляющейся в обществе переоценкой ценностей, формированием глобального этоса. Это обуславливает ситуацию этической неопределенности в наиболее важных сферах жизни индивида, а именно в процессе обретения им идентичности. В настоящее время формируется идея кризиса идентичности в условиях глобализации. Теоретики женского движения выдвигают на первый план вопросы субъективности и идентичности. И перед обществом встает задача найти равновесие между структурной и объективной сторонами действительности и общественной практики по вопросу о месте, роли, правах женщин в условиях глобализации.

Под глобализацией понимают процесс социальных изменений последнего десятилетия, заключающийся в формировании единого всемирного рынка, всемирной информационной открытости (Интернет), появлении новых информационных технологий, а также в увеличении глобальной культурной связи между людьми и народами. По мнению Э. Гидденса, глобализацию следует рассматривать как процесс интенсификации социальных отношений, которые связывают отдаленные районы таким образом, что локальные феномены формируются под влиянием событий, происходящих на очень большом от них расстоянии, а глобальные в большой степени определяются локальными изменениями [1, с. 64].

Глобализация представляет собой не столько изменения в движении людей и вещей, сколько способ идентификации событий и явлений участниками мировой системы. В самом общем виде под глобализацией понимают процесс, который приводит к всеобъемлющему, всемирному связыванию структур, институтов и культур [2, с. 133]. Было бы неверно считать, что глобальным является только то, что исходит исключительно от обладающего мощью и силой Запада. Скорее всего, влияние локальных культур на глобальные процессы сильно недооценивается, ибо «локальные культуры приговорены к свободе» [2, с. 39]. Локальные культуры придерживаются традиции, которую, вместе с тем, связывают с глобализацией. Например, в 1982 г. ООН признала существование туземцев, т.е. установила критерии, с помощью которых ту или иную общность можно отнести к туземцам. Локальное сделалось фактором глобального мира, было понято и зафиксировано всеми. Тогда встал вопрос о разнообразии не только на «мировом пространстве» – глобальном уровне, но и на локальном. Идея мирового пространства дает возможность рассматривать локальное как микропроявление глобального в противоположность идее, что локальное – всего лишь анклав культурной, этнической или расовой замкнутости. При таком подходе глобализация «сжимает мир»: якобы только она инспирирует создание и инкорпорирование новых локальностей.

Наиболее распространенной версией глобализации является утверждение, что информационные технологии делают мир глобальным [3]. Главным противоречием процесса глобализации экономист Кастельс считает противоречие между сетью и идентичностью (self), сетью и «Я». Проблема может быть разрешена поиском новых идентичностей. Но на этом пути могут создаваться и искусственные конструкции типа Аум Синрике и других сект, где нехватка исторически сложившихся типов идентичности подменяется причудливыми, странными и опасными конгломератами сознания.

Автор везде видит приметы глобализации, но вряд ли может игнорировать тот факт, что глобализация усиливает мировое могущество Америки, в Румынию она привносит ТВ и некоторые знания, а в Уганду – несмотря на вестернизацию, экологические проблемы и бедность. Д. Косырев («Независимая газета») приводит следующие данные: из 300 млн. пользователей Интернета 95% принадлежит «Северу» (16% мирового населения). Пользуются всемирной паутиной только 1 млн. африканцев и 5,3 млн. латиноамериканцев. Половина африканцев до сих пор не держали в руках телефона. В России Интернет регулярно посещают 6% взрослого населения. В Республике Беларусь примерно 200 000 пользователей (по данным Белтелекома).

Проблема идентичности в процессе глобализации включает обозначение своего места в транснациональном экономическом пространстве, культурную идентичность, персональную идентичность, необходимую для подавления тревоги и фрустрации. Идентичность предстает как персональная самоидентичность, если речь идет об индивиду, и как социальная интегрированность, способная вызвать ощущение самоидентичности у народа, а также возможность для индивида и общества быть представленными в теории в интегрированном виде.

Глобализация культур осуществляется в меньшей мере, чем глобализация экономических отношений, информации. Поэтому культурная специфика существует при всех взаимодействиях как путем сохранения локальных культур своих отечеств, малой родины, так и путем сохранения культурных предпочтений на глобальном уровне.

3. Бауман так описывает взаимосвязь глобализации и идентичности: «Наши зависимости сегодня полностью глобальны, а наши действия, однако, как прежде, локальны» [4, с. 149]. Идентичность Э. Эриксон определяет как субъективное ощущение своей самоидентичности, которое является источником энергии и преемственности [5, с. 17]. В данной он пишет: «Психическое здоровье людей, оторванных от своих домов, работы, страны и вынужденных эмигрировать, неоднократно становилась предметом специального интереса исследователей. Будучи сам иммигрантом... я могу начать с признания в своего рода каждодневной патологии» [6, с. 217]. В.С. Малахов понимает под «идентичностью» категорию социо-гуманитарных наук (психологии, культурной антропологии, социальной психологии), применяемую для описания индивидов и групп в качестве относительно устойчивых «тождеств» самим себе» [7, с. 89].

Гендерный подход в социальной философии толкует гендер как социальный пол, и в силу этого социально сконструированные отношения могут быть представлены как неравенство по признаку пола. Проблема исследования феномена гендерной идентичности представляет значительный философский интерес в первую очередь потому, что развитие данного феномена отражает стремительные общественные изменения, некоторые общецивилизационные тенденции [8, с. 2].

Гендерная идентичность есть разновидность культурной идентичности и представляет собой совокупность идеальных представлений общества о факте полового диморфизма, транслирующих личностному сознанию систему норм поведения, предписаний мышления и чувствования и образцов самовосприятия. Вся эта система норм и образцов является элементами системообразования форм жизнеобеспечения и способов социосозидания. Вместе с нормативной базой других идентичностей норму гендерной

идентичности входят в некую иерархию нормативного аппарата человеческой личности и в качестве своего материального носителя опраются на совокупность половозрастных особенностей индивида [8, с. 10].

Дискурс глобализации, т.е. научные и повседневные, ненаучные представления о ней, усиливают значимость локального, традиционного, исторического, религиозного при формировании глубинной идентичности людей, не препятствуя ее плюрализации в сфере их функциональной деятельности. Безусловно, глобализация вызвала кризис идентичности. Высказывается мнение, что проблема идентичности вовсе снята с повестки дня и ее место занял мультикультурализм (в ряде случаев говорят о плюралистической идентичности). Сегодня поиск идентичности осуществляется не только на рациональном уровне, но и в форме сакрального – светского и религиозного. Источником соответствующих смыслов выступают локальные культуры.

Как отмечал З. Бауман, «проблема, мучающая людей на исходе века, состоит не столько в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность... Главной и наиболее нервирующей проблемой является не то, как найти свое место в жестких рамках класса или страты и, найдя его, сохранить и избежать изгнания; человека раздражает подозрение, что пределы, в которые он с таким трудом проник, скоро разрушатся или исчезнут» [9, с. 185]. В условиях глобализации перед человеком постоянно встает задача воспроизводства сакрального уровня идентичности, восстановление сакрального при возможных и реальных разрушениях идентичности. В этом один из источников конструирования и обретения всех жизненных смыслов. Особого внимания заслуживают и женщины в условиях глобализации. Неслучайно в Республике Беларусь 2006 год был объявлен годом Матери [10].

Таким образом, глобализация – это многосторонний процесс современного становления общественных отношений, развивающийся поверх границ национальных государств. Движущей силой этого процесса является экономический и политический проект неолиберализма. Глобализация, нацеленная на универсальное осуществление доктрины свободной торговли, распространяется тем не менее не только на финансовые рынки или торговую политику, она повсеместно затрагивает действующих субъектов микроэкономики – женщин и мужчин – в их повседневной жизни, на предприятиях, в сельском хозяйстве, дома и в общественных отношениях. При этом по-новому выстраиваются их социальное, политическое, экономическое, культурное поведение и их роли в обществе.

Движения антиглобалистов призывают бороться с несправедливостью, неравенством и противостоять структурам господства, бедности, которые возникают или усиливаются в результате неолиберальной глобализации. И если речь идет о взаимосвязанности отношений подавления и несправедливости, нельзя не учитывать иерархичность системы отношений между полами. Замалчивание является элементом стратегии оправдания господства и тормозит социальную эмансипацию.

В анализе глобализационных процессов с середины 1990-х годов мужчина неизменно представлялся как универсальное понятие человека, феминистская критика стремилась в первую очередь осветить роль женщин и доказать специфичные для полов различия в этих процессах. При этом становилось все более очевидным, что процессы глобализации изначально и по своей структуре являются гендерно кодированными. Они не только оказывают различное влияние на мужчин и женщин, но и в большей мере воплощаются через порядок отношений между полами и при этом перестраивают эти отношения и общепринятые формы мужественности и женственности.

Феминистские постановки вопросов уточняют анализ неолиберальной глобализации и по-иному расставляют акценты в следующих перспективах и альтернативах.

1. Феминистская критика глобализации стремится показать мнимость нейтральности глобализации к полу и обозначить старые и новые структуры неравенства и несправедливости между женщинами и мужчинами.

2. Она стремится положить конец смешению неолиберализма и патриархальных структур, общественного строя, мирового экономического порядка и порядка отношений между полами.

3. В ее основе лежит целостная научная концепция, которая позволяет рассматривать отдельные области личного и общественного поведения в соответствующем им широком контексте.

4. Она основывается на расширительном понимании политики второй волной женского движения: «Сфера личного относится к политике». Отношения между полами имеют политическое значение, т.е. они сконструированы обществом, могут им согласовываться и изменяться.

5. Феминистская критика глобализации строится на экономике, которая ставит во главу угла работу и экономику в целом – связь между репродуктивной и производительной деятельностью, неоплачиваемым и оплачиваемым трудом, рыночной экономикой и социальной экономикой «заботы». При этом феминистская общественная критика глобализации должна выйти за рамки уже наработанных приемов и избежать прежних ошибок.

6. Западные женские движения рассматривали женщин по биологическому полу и общественному распределению ролей как гомогенную группу интересов с коллективной идентичностью. Этот сущностный подход критиковался с начала 1980-х годов преимущественно чернокожими женщинами и иммигрантками. Социальная категория пола не должна упраздняться другими категориями, такими как класс, национальность, религия, возраст, сексуальная ориентация и т.д. Напротив, необходимо выявить, проанализировать их взаимоотношения и точки пересечения. Феминистская сфокусированность на неравных отношениях между полами не должна вести к тому, чтобы другие социальные категории, которые пересекают категорию пола и наслаиваются на нее в своем значении, отходили на второй план.

7. В прошлом феминистки прежде всего освещали неравенство полов, насилие против женщин и их дискриминацию в общественных структурах. В новейшее время, напротив, теоретики женского движения выдвинули на первый план вопросы субъективности и идентичности. Встает задача найти равновесие между структурной и субъективной сторонами действительности и общественной практики.

8. Феминистская общественная критика выступала с требованием нарушить повсеместно практикующееся замалчивание несправедливости и насилия против женщин и осветить специфичное для полов неравенство и несправедливость. Однако при этом она не может не утверждать, что все женщины – жертвы или что все в равной степени являются жертвами. Критике господства, насилия и дискриминации не следует отводить женщинам роль постоянных жертв. Женщины должны рассматриваться одновременно как субъекты, как лица, действующие и оказывающие сопротивление.

Неудивительно, что неолиберальная глобализация использует неравенство между полами и прочие общественные неравенства, чтобы утвердиться с помощью таких механизмов, как конкуренция и поляризация, ревальвация и девальвация, разобщение и интеграция. При этом неолиберальный режим модернизирует существующие неравенства в соответствии с требованиями рынка, эффективности и конкурентоспособности.

Выводы

Таким образом, категория гендерной идентичности [8, с. 2] дополняет и существенно обогащает социально-философский категориальный аппарат, использование гендерного подхода в социальной философии открывает новые возможности для анализа все более усложняющегося постсовременного общества и культуры. Проблема идентичности в процессе глобализации включает обозначение своего места в транснациональном экономическом пространстве, культурную идентичность. В связи с этим возникает и новая необходимость пересмотра прав женщин, а также новая феминистская критика в условиях глобализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Giddens, A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age* / A. Giddens. – Cambridge, 1991. – 366 p.
2. Archer, M.S. *Sociology for One World: Unity and Diversity* / M.S. Archer // *International Sociology*. – 1991. – V. 6. – 675 p.
3. Кастельс, М. Информационная эпоха / М. Кастельс // *Экономика, общество и культура*. – М., 2000. – 321 с.
4. Bauman, Z. *The Individualized Society* / Z. Bauman. – Cambridge, 2001. – 287 p.
5. Erikson, E. *Identity: Youth and Crisis* / E. Erikson. – London, 2006.
6. Эриксон, Э. Идентичность и неукорененность в наше время / Э. Эриксон // *Философские науки*. – 1995. – № 5–6. – С. 215–221.
7. Малахов, В.С. Идентичность / *Новая философская энциклопедия* : в 4 т. / Ин-т философии РАН, нац. общ-научн. фонд ; научно-ред. совет : предс. В.С. Степин. – М. : Мысль, 2010. – Т. 2. – 634 с.
8. Бородуля, А.А. Социально-философские основания феномена гендерной идентичности : автореф. ...дис. канд. филос. Наук : 09.00.11 / А.А. Бородуля ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2005. – 20 с.
9. Бауман, З. Идентичность в глобализирующемся мире / З. Бауман // *Индивидуализированное общество*. – М., 2002. – 299 с.
10. Постановление Совета Министров от 22.09.2004 №1181 «О постоянно действующем организационном комитете по подготовке и проведению в Республике Беларусь ежегодно дня матери и в 2006 году – года Матери» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.levonevski.net/pravo/razdel5>. – Дата доступа : 12.12.2010.

Borodulya A.A. Gender Identity and Women Rights in Condition of Globalization

The author of this article considers the place of identity, the women rights, economy, culture problems in condition of globalization. The urgency of the theme of given article is dictated by increasing interest of social philosophy to gender subjects. The main aim of this article is to examine the concept «gender identity», «women's rights» in the frame of social philosophy, sociology, physiology. Sex-gender as cultural direction is considered in modern cultural situation.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 20.01.2011

УДК 101.1:316

О.А. Романов

СМЫСЛ ИСТОРИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

В статье рассмотрена проблема смысла истории, выявлено место и значение данной категории в составе современного социально-философского знания. Выделено два подхода к содержательному раскрытию смысла истории: религиозно-философский и рационально-научный. Показано, что наиболее глубокую проработку данная проблема получила в рамках религиозно-философского дискурса, тогда как для научной философии она не представляла значительного интереса. Религиозные мыслители отстаивали тезис о том, что смыслом истории является христианизация человечества, в рамках же рефлексивной философии вопрос о смысле истории решался в контексте проблемы возвышения и развития человека.

Размышляя о смысле истории, К. Ясперс писал: «Мы стремимся понять историю как некое целое, чтобы тем самым понять и себя. История является для нас воспоминанием, о котором мы не только знаем, но в котором корни нашей жизни. История – основа, однажды заложенная, связь с которой мы сохраняем, если хотим не бесследно исчезнуть, а внести свой вклад в бытие человека. Историческое воззрение создает ту сферу, в которой пробуждается наше понимание природы человека» [1, с. 280]. Постигание истории в ее целостности и максимально доступной человеку глубине совершенно необходимо для обретения им своего человеческого достоинства, ибо, только увидев внутренним взором десятки и сотни предшествующих поколений, связанных друг с другом трудом, свершениями, подвигами, страстями, ошибками и т.п., можно по-настоящему понять современную эпоху, оценить ее и выбрать верную мировоззренческую и гражданскую позицию. Подлинное знание истории, не сводящееся к перечислению отдельных фактов или конструированию исторических мифов, ставит перед нами зеркало, в котором мы, видя прошлое, лучше понимаем свою собственную природу: тут и пример для подражания, и мудрый совет, и укор совести, и призыв к покаянию, подвигу и святости. Другими словами, познавая историю, мы познаем самих себя, так как результаты мысли и дела наших предков стали составляющим моментом нашего собственного бытия.

Важнейшим аспектом задачи едино-цельного постижения исторического процесса является решение вопроса о смысле истории: его наличии или отсутствии, объективной данности в мире или привнесенности в него. Но прежде чем что-либо утверждать или отрицать об истории, необходимо разобраться с категориальным содержанием исходного понятия «смысл». Очевидно, что оно многозначно, причем некоторые его значения не вполне ясны. Но среди разнообразия трактовок выделим две наиболее употребительные: лингвистическую и телеологическую. В лингвистическом значении смысл – это то содержание, которое стоит за языковым выражением. В телеологическом значении смысл – это характеристика той деятельности, которая служит достижению поставленной цели. Имеет смысл всякое действие, способствующее продвижению к выдвинутой цели, и лишено смысла действие, не ведущее к этой цели и тем более препятствующее ее достижению. Цель может осознаваться субъектом деятельности (индивидом или коллективом), но может также оставаться неосознанной им. Например, смысл труда художника в том, чтобы создавать картины; если ни одно из начатых произведений художник не доводит до конца, то его деятельность не имеет смысла, во всяком случае, не имеет ясного смысла.

Телеологический смысл неразрывно связан с замыслом или целью. Рассуждения о смысле какой-то деятельности всегда должны содержать прямое или косвенное указание на ту цель, которая преследуется данной деятельностью и без которой последняя оказалась бы пустой или не имеющей смысла. «Ведь не случайно слова «смысл» и «цель» или «смысл» и «намерение» в нашем словоупотреблении замещают друг друга, – пишет К. Левит. – Обычно намерение, объект какого-то устремления, определяет значение смысла. Смысл всякой вещи, не неизменно существующей от природы, но сотворенной благоволением Бога или волей человека и потому могущей быть другой или не существовать вообще, определяется ее предназначением. Стол есть то, что отсылает к его назначению как обеденного и письменного стола, благодаря чему он и появляется как таковой» [2, с. 263]. Когда говорят о «смысле истории», то имеют в виду именно телеологическое значение «смысла», ту цель, которая стоит перед человечеством и которую оно способно достичь благодаря своей постепенной эволюции. Если эта цель отсутствует, эволюция человечества лишена смысла. Цель не только истории, но и любой деятельности представляет собой одну из разновидностей ценностей. Можно поэтому сказать, что смысл истории означает направленность ее на какие-то ценности.

Содержательное рассмотрение смысла истории уместно начать с постановки вопроса о его наличии в бытии. Некоторые мыслители весьма скептически оценивают перспективы решения этой проблемы, полагая, что смысла у истории самой по себе либо нет, либо он человеку неведом. Так, например, К. Поппер однозначно пишет: «История смысла не имеет» [3, с. 311]. Единственное, что доступно человеку – это привести в историю свой субъективный смысл, упорядочить хаос исторических событий силой своего рассудка. Мы полагаем, что такое решение проблемы равносильно признанию бессмыслицы общественной жизни людей, так как «смыслов» может быть ровно столько, сколько имеется познающих субъектов (как индивидуальных, так и коллективных). Тем самым смысл истории как нечто по определению общезначимое радикальным образом устраняется. Нам значительно более близка позиция русского мыслителя С.Л. Франка, который полагал, что утверждение бессмысленности человеческой истории оборачивается бессмысленностью жизни отдельной личности, а значит ее отрицанием. Признавая отсутствие смысла у истории, мы должны признать, что «личная жизнь каждого из нас теряла бы всякий смысл: ибо эта жизнь, будучи неразрывно вплетена в жизнь общечеловеческую, неизбежно должна была бы разделять бессмысленность последней. Если достижения жизни каждого из нас не суть отправные или опорные точки для дальнейших достижений наших детей и будущих поколений, если все достигнутое нами может исчезать бесследно, никому не пригодившись, то не имеет смысла хлопотать и заботиться о чем бы то ни было; и нам оставалось бы только предаться той мудрости отчаяния, которая выражена в циническом лозунге *carpe diem* (лат. – лови момент)» [4, с. 447].

Если окинуть мысленным взором все многообразие идей, так или иначе касающихся смысла истории, то в нем можно выделить две большие группы: религиозно-философские и рационально-научные способы его постижения. Хронологически первой была религиозная парадигма решения вопроса об осмысленности исторического процесса. Христианство радикально переосмыслило античные представления о сущности истории. Античному миру идея устремленности к некоей трансцендентной цели была явно чужда. Характеризуя историю как циклическое движение общества, мыслители той эпохи не задумывались ни о каких мистических силах истории, рассматривая общество и мир в целом так, как он представляется в непосредственном созерцании. Для них, как язычников, воспринимавших мир во всем конкретном многообразии его явлений, событий и процессов, мысли о высших и таинственных целях истории были совершенно чужды и неприемлемы. Согласно христианству история не только имеет иную, а именно линейную, направленность, но и высший сверхрациональный смысл.

Наличие этого смысла обусловлено самой логикой христианского мировоззрения, предполагающей определенную степень единства Бога и мира и необходимость для человека постоянно ее увеличивать. Как писал по этому поводу С.Л. Франк, «мы имеем право, во-первых, утверждать действительное соучастие высших божественных сил в ходе человеческой и мировой жизни и, во-вторых, верить в тайный, недоступный нашему разумению смысл жизни, определяемый господством над всем бытием Промысла Божия. Религиозный человек так же мало может сомневаться в том, что мировая история имеет какой-то, хотя и недоступный ему, высший смысл, т.е. идет по какому-то определенному направлению, руководима каким-то назначением, как мало он может усомниться, что его личная жизнь есть не сцепление бессмысленных случайностей, а к чему-то предназначена, руководима волей Отца нашего Небесного» [4, с. 447].

Религиозное истолкование направленности и смысла человеческой истории впервые было предложено в V веке одним из Отцов Церкви и видным мыслителем Августином Аврелием. Он предложил весьма интересную периодизацию мировой истории, выделяя этапы не по сменяющимся монархиям, как это было принято в его время, а в соответствии с крупными духовными сдвигами, описанными в Ветхом и Новом Заветах. Мыслитель выделяет шесть крупных эпох, сопоставляя их с шестью днями творения. Шестой эпохой является время возникновения и распространения христианства, которое и обеспечивает осмысленность истории. Другими словами, согласно Августину, утверждение христианства и превращение его в действительную историческую силу, преобразование мира в направлении его христианизации и есть смысл мировой истории.

Христианское истолкование истории, предложенное не только блаженным Августином, но и восточными Отцами Церкви (Василием Великим, Григорием Нисским, Григорием Богословом и др.), заложившими основы Православия, получило широкое распространение в культуре и стало основой мощной философской традиции. В ее рамках общая идея смысла истории как христианизации мира углублялась и расширялась, выделялись и продумывались отдельные аспекты. В концентрированном виде она была представлена в русской религиозно-идеалистической философии, некоторые идеи которой мы рассмотрим.

Смысл истории русский мыслитель В.С. Соловьев усматривал в постепенном одухотворении природной стихии божественным логосом. Опираясь на «логику триады» Гегеля и его «Философию истории», Соловьев разрабатывает учение о трех коренных силах, управляющих историей, человеческим развитием. Первая сила стремится подчинить человечество во всех сферах и на всех ступенях его жизни одному верховному началу и устранить все многообразие частных форм, подавить самостоятельность индивида, свободу личной жизни. Если бы она получила преобладание, то человечество окаменело бы в мертвом однообразии и неподвижности. Но вместе с этой силой действует другая, прямо противоположная ей; она стремится разбить твердыню мертвого единства, дать везде свободу частным формам жизни, свободу индивиду и его деятельности; под ее влиянием отдельные элементы человечества становятся исходными точками жизни, действуют исключительно из себя и для себя, вследствие этого общее теряет значение реально существующего бытия, превращается во что-то отвлеченное, пустое, в формальный закон, т.е. лишается всякого смысла.

Современное человечество, по Соловьеву, представлено тремя резко различными культурами; мусульманским востоком, западной цивилизацией и славянским миром. Мусульманский восток находится под преобладающим влиянием первой силы – силы единства. Все там подчинено единому началу – религии, а эта религия отрицает множественность форм, индивидуальную свободу. Абсолютному могуществу в боге соответствует абсолютное бессилие в человеке. Западная цивилизация подвержена господствующему воздействию второй силы. Каждая сфера деятельности, каждая форма

жизни, обособившись и отделившись от всех других, стремится получить абсолютное значение, исключить все остальные, стать надо всем, но, захватив чужую область, теряет силу в собственной. Если мусульманский Восток совершенно уничтожает человека и утверждает только бесчеловечного бога, то западная цивилизация, напротив, стремится к утверждению безбожного человека. Третья сила, долженствующая дать человеческому развитию его безусловное содержание, может быть только откровением высшего божественного мира. От народа – носителя третьей божественной силы – требуется свобода от всякой ограниченности и односторонности, возвышение над узкими, специальными интересами, вера в действительность высшего, божественного мира и покорное отношение к богу. Эти свойства в наибольшей степени присущи национальному характеру русского народа, который может стать историческим проводником третьей силы и предотвратить наступление «конца истории», так как две первые силы привели народы, им подвластные, к духовной смерти. Свойственный русскому человеку внешний образ раба, жалкое положение царской России в экономическом и других отношениях не только не служат против признания ее народа единственным носителем третьей силы, но скорее подтверждают его. Ибо та высшая сила, которую русский народ должен провести в человечество, есть сила не от мира сего [5, с. 198–204].

Будущее человечества, истории Соловьев связывает с развитием одной из «прирожденных» черт народа России – способности к самоотречению, самопожертвованию, которая у других народов столь явно не выражена. Свободное стремление славян, в особенности российского народа, к высшему, божественному началу определяет смысл человеческой жизни и, соответственно, истории. Соловьев считает, что человечество, «живущее «по-божьи», есть идеал, ибо свойственные такой жизни справедливость и нравственная солидарность хороши сами по себе и представляют нечто безусловно достойное и желанное для всех. Именно в этом качестве идеал и должен утверждаться как цель исторического процесса и как руководящий принцип человеческой деятельности.

Таким образом, смыслом человеческого существования и, соответственно, смыслом истории становится «всечеловечески-космическое обожение», или «макрообожение» человечества. Соловьев стремится укрепить фундамент религии в особенности тем, что объявлял образ Христа не вымышленным, а его воскресение – фактом безусловно необходимым в общем ходе вещей. «Я лично, с тех пор как признаю, что история мира и человечества имеет смысл, не имею ни малейшего сомнения в воскресении Христа, которое есть, конечно, чудо совершенно такое же, как появление первой органической клетки среди неорганического мира, или появление животного среди первобытной растительности, или первого человека среди орангутангов. В этих чудесах не сомневается наука, так же несомненно и чудо воскресения для истории человечества» [6, с. 229–230].

Свою целостную философию времени и смысла истории предложил и Н.А. Бердяев. Для него основным вопросом всякой философии истории является, несомненно, вопрос о значении времени, потому что история есть процесс во времени, отношение времени к вечности. Смысл истории состоит в избавлении от объективизации, подчиняющей ее обществу и тем самым не работающей на нее. Примат личного над родовым, коллективным ведет к внутренне присущей ей свободной социальности, которой противостоит принудительная социальность – неизбежная включенность личности в социальное образование: классы, нации, партии, церковь. Он растворяет социальное в индивидуальном сознании и переживании, стремится восстановить религиозный смысл жизни, свободное воссоединение всех с богом. Согласно Бердяеву, идея социального прогресса допускает лишь одно поколение счастливых, а христианство – все поколения. Суть христианской идеи в том, что история окончится исходом из исторической трагедии и в нем примут участие все поколения. Все когда-либо жившие будут воскрешены для вечной жизни. История потому и имеет смысл, что она конечна. Если

бы история была бесконечной, она не имела бы смысла, ибо не было бы возможным свободное воссоединение человечества с богом, или, говоря словами Соловьева, «одухотворение природной стихии божественным логосом».

Русский мыслитель А.Ф. Лосев в книге «Очерки античного символизма и мифологии» пытается выявить собственно православное понимание истории и ее смысла. Лосев считает, что понимание социально-исторического бытия, начиная с Августина, пронизано католицизмом, в то время как социально-историческое содержание православия до сих пор еще не осознано. Между тем, социальное бытие не есть ни прямое отражение чисто божественной сферы (отображение догмата о Троице по Соловьеву), ни материальное, экономическое бытие; оно представляет собой их единство (соединение), которому свойственны собственные закономерности. Если в средневековье личность искала свое утверждение исключительно в вечности, полностью игнорируя земное бытие, в силу чего история оказывалась историей личного спасения, то в новое время она ищет свое утверждение уже исключительно в мирской жизни, в истории как земном бытии. С позиций православия же в личности всегда совмещены два стремления: к вечному и земному. Поэтому и в социально-историческом бытии должны быть слиты два процесса самоутверждения личности: в вечности и во времени. Согласно православию, историю упорядочивают и движут во времени не религиозные (церковные) и не светские власти, а самоутверждающие, сознательные усилия личности, направленные на овладение мифологическими силами, изначально управляющие историей. Эти силы не хаотичны, не возникают неизвестно откуда и не исчезают внезапно: распознать закономерное появление их на сцене истории, увидеть скрытую в них предопределенность – значит проникнуть в тайну истории, которая есть не что иное, как дар мифологии нашему сознанию, т.е. миф. Цель философии истории и состоит, поэтому, в выявлении закономерностей мифологического бытия, имеющего трансцендентное начало. История, ее этапы, череда побед и поражений во многом зависят также и от людей, но лишь тогда, когда они сознательно овладели мифологическими силами. Однако окончательный исход истории всегда предопределен: конец мифологии и будет концом истории вообще.

Значительный вклад в разработку проблемы смысла истории внес немецкий философ К. Ясперс. Анализ смысла исторического процесса, по его мнению, предполагает понимание истории как единого целого, а это в свою очередь требует ответа на вопросы: «Что есть история?» и «В чем заключается ее единство?» История не есть природа, которая себя не осознает. Поэтому нельзя ее рассматривать как природный процесс. История – это история людей, наделенных сознанием. Они должны хранить и умножать веками сложившиеся традиции, ибо без них нет истории. «Исторический процесс может прерваться, если мы забудем о том, чего мы достигли, или если достигнутое нами на протяжении жизни исчезнет из нашей жизни. Даже почти бессознательная стабильность образа жизни и мышления, сложившаяся в силу привычки и само собой разумеющейся веры, стабильность, которая повседневно формируется всей совокупностью общественных условий и как будто коренится в самых глубинах нашего существования, начинает колебаться, как только меняются общественные условия. Тогда повседневность порывает с традицией, утрачивается исторически сложившийся этос, привычные формы жизни распадаются и воцаряется полнейшая неуверенность» [7, с. 172].

Ясперс считает, что единство есть цель и смысл истории. Оно возникает из того, что люди в состоянии понять друг друга в мире духа. «Единство вырастает из смысла, к которому движется история, смысла, который придает значение тому, что без него было бы в своей разбросанности ничтожным». Цель же, продолжает Ясперс, может выступать как скрытый смысл. Он выделяет такие цели:

1. Цивилизация и гуманизация человека, для чего необходимо упорядоченное существование, т.е. такое устройство мира, в котором право играет доминирующую роль. Подлинное единство истории возможно на базе универсального права, что в свою очередь позволило бы человеку раскрыть свои творческие способности.

2. Свобода и сознание свободы.

3. Величие человека, проявление его творческих способностей.

4. Открытие бытия в человеке.

Еще одним крупным направлением в исследовании проблемы был рационально-научный способ познания смысла истории. Этот подход является менее разработанным по сравнению с религиозным, так как его представители, с недоверием относившиеся к исследовательскому потенциалу христианства, видели в самом понятии «смысл истории» что-то мистическое и недостаточно научное. Тем не менее в рамках этого направления в отечественной философии были получены определенные результаты. Так, российский исследователь В.С. Барулин полагает, что смысл истории заключается в том, что от эпохи к эпохе, от одного общественного устройства к другому, более высокому, растет и развивается человек – это действительное богатство общества. Сходную мысль выражал видный советский философ Г.С. Батищев: «Общественная история не имеет в конечном итоге иного смысла, кроме развития субъекта, т.е. кроме развития «сущностных сил» самих человеческих индивидов» [8, с. 93].

Советские философы выдвинули важный методологический тезис о том, что смысл истории нельзя отрывать от ее объективных законов, именно наличие этих законов, именно тот факт, что история представляет собой естественно-исторический процесс, и выступает объективной основой смысла истории. Не будь история объективным естественно-историческим процессом, она вообще не могла бы оцениваться с позиций какого бы то ни было смысла.

Но спрашивается, а почему объективно-исторический процесс, который ни от кого и ни от чего не зависит, обретает такую направленность, что служит именно развитию человека? Почему он не может «развернуться» в каком-то другом направлении и стать базой совсем для другого смысла истории? Дело в том, что история – это деяния человека, это его судьба, его жизнь. Поэтому она не может не развиваться так, чтобы все больше служить человеку, чтобы именно его превращать в самоцель общественной жизни. «Не только люди делают историю, – писали В. Келле и М. Ковальзон, – а история делает людей. Более того, история приобретает смысл, если она раскрывается как история собственного развития человека» [9, с. 4]. Так что развитие человека как глубочайший смысл истории имманентно самой истории, ее механизмам развития.

Следует подчеркнуть, что с научной точки зрения развитие человека – это всеобщее историческая, общесоциологическая закономерность. Она проявляется как преобладающая тенденция всемирной истории, как общесоциологический итог действия множества сил, равнодействующая судеб всех стран и народов. Исторический же процесс – это не только общая тенденция, он и бесконечно конкретен. Оценивая смысл истории, нужно учитывать эту разномасштабность исторического процесса и вносить определенные поправки. А это значит, что далеко не всякие конкретные события в истории могут быть прямо и непосредственно истолкованы как выражение смысла истории. Иначе и зверства рабовладельцев, и фашизм в Германии, и ужасы Хиросимы – все это мы наречем высоким словом «выражение смысла истории». Смысл истории реализуется, в частности, и в том, что он позволяет выделить в истории бессмыслицу, тупость, то, что иначе как антисмыслом не назовешь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М. : Республика, 1994.
2. Левит, К. О смысле истории / К. Левит // Философия истории. Антология. – М. : Аспект-Пресс, 1995.
3. Поппер, К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. – М. : Республика, 1992. – Т. 2.
4. Франк, С.Л. Свет во тьме / С.Л. Франк // Духовные основы общества. – М. : Республика, 1992.
5. Соловьев, В.С. Три силы / В.С. Соловьев // Новый мир. – 1989. – № 1.
6. Соловьев, В.С. Статьи и письма / В.С. Соловьев // Новый мир. – 1989. – № 1.
7. Ясперс, К. Истоки истории и ее цель / К. Ясперс. – М. : Наука, 1991.
8. Батищев, Г.С. Деятельная сущность человека как философский принцип / Г.С. Батищев // Проблема человека в современной философии. – М. : Наука, 1969.
9. Келле, В.Ж. Теория и история / В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзон. – М. : Наука, 1981.

Romanov O.A. The History Meaning: the Main Theoretical Models

This article is devoted to the problem of history and the meaning and the place of this category in modern social-philosophical knowledge. The article also shows two ways of analyzing the history meaning: religious-philosophical and rational-scientific. It also shows that this problem has got the deepest analyze in the frame of rational-philosophical discourse, when the scientific philosophy is not interested in this problem. Religious philosophers considered the meaning of history in humankind Christianization, though in the frame of reflexive philosophy the question of the history meaning was discussed in the context of the man's development.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 31.01.2011

УДК 101.1:316

С.З. Семерник

ЭКОНОМОЦЕНТРИЗМ КАК КРИЗИСОГЕННЫЙ ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается такой феномен современного общества, как эконоцентризм, который сравнительно недавно стал предметом тщательной исследовательской рефлексии. Эконоцентризм как система взглядов, в которой решающая роль при объяснении важнейших сфер бытия отводится экономике и производным от нее феноменам, в глубинных своих основаниях является крайне разрушительной для общества, выступает источником кризисных явлений. Являясь наследником капиталистического развития социума, эконоцентризм вбирает в себя болезненные черты агонизирующего ныне капитализма и проецирует их в пространство широких социальных и индивидуальных практик, деформируя конструктивные образования последних. Преодоление эконоцентризма является насущной проблемой современности.

Прежде чем приступить к анализу заявленной темы, дадим определение эконоцентризма. Эконоцентризм – система взглядов, жизненных ориентаций и установок, в которых решающая роль при объяснении природы, общества, собственно самого человека, а также связей, устанавливаемых между ними и норм, регулирующих возникающие отношения, отводится экономике и производным от нее феноменам. Так, глубоко имманентным для данного типа мировоззрения является понимание, к примеру, природы как «природного ресурса», осмысление человеческой личности в категориях «человеческий ресурс», «человеческий капитал», общественных связей с позиции «социального капитала» и т.д.

Термин «эконоцентризм» не является пока общеупотребительным, тем не менее, он апробирован в пространстве современной социогуманитарной мысли и, выступая адекватным теоретическим конструктом для выражения реалий современной жизни, позволяет решать серьезные исследовательские задачи. В частности, он позволяет рассмотреть такие феномены современного индивидуального и общественного сознания как «обожествление прибыли», «неуемная жажда наживы», которые и составляют главную суть эконоцентрического общества. При внешней респектабельности данной установки (что плохого в желании людей быть богаче, тем более, если они готовы прикладывать для этого невероятные усилия?) в глубинных своих основаниях она является крайне разрушительной для общества, выступает источником кризисных явлений, затрагивающих практически все сферы человеческой жизнедеятельности. Нарастающий ком кризисов способен привести социум к деградации а, возможно, и к гибели.

Так, например, рассматривая характеристики эконоцентрического общества, профессор факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики РФ В.Ф. Шелов-Коведяев указывает, что в нем роль экономики абсолютизируется: «Экономическая деятельность из инструмента обеспечения частных и общественных нужд превратилась в самодавлеющую сущность: недаром все чаще приходится слышать: «Экономике требуется то-то и то-то», «Экономика диктует» и т.д., будто она есть некая, абсолютно независимая от нас сила» [1, с. 157]. Это, по мнению профессора, крайне негативно отражается на многих сферах общественного функционирования, в частности, на демографии: «Малодетная семья – прямое следствие эконоцентричного мировоззрения» [1, с. 157]. В качестве аргумента он приводит следующие рассуждения: «если человек воспринимает экономику как высшую по отношению к нему и, следовательно, непреодолимую силу,

то он тем самым настраивает себя на ограничение своего воспроизводства в потомках. Ведь одинокий индивид, лишенный широкой корневой системы родственных связей, более социально пластичен, а значит, более удобен бизнесу и управлению, экономике в целом, чем сплоченный коллектив дружных родственников. И коли многие уже привыкли воспринимать любые сигналы экономики как приказы, подлежащие исполнению без обсуждения, неудивительно, что они психологически настраиваются на «малодетность» [1, с. 157]. Стоит согласиться с мнением российского исследователя, поскольку совершенно очевиден факт утраты поведенческой нормы многодетности в странах «победившего капитализма», которые, кстати сказать, по материальному уровню жизни являются одними из наиболее благополучных во всем мире. Несмотря на это, проблема сокращения численности населения является для них одной из наиболее острых. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие данные: «60% амстердамцев признались в проведенном опросе, что вообще не хотят обременять себя детьми; одиночество предпочитают браку 11% французов, 14% нидерландцев, 22% датчан; в Бельгии на все 10 млн. жителей – 928 548 семейных пар вообще не имеют детей» [2, с. 30].

Другой российский исследователь, доктор философских наук В.А. Кутырев полагает, что эконоцентрическое общество явилось результатом развития капиталистической системы, в каком-то смысле выступило квинтэссенцией, абсолютизирующей те специфические нормы и правила, которые заложены в ее недрах: «Капиталистическая общественно-экономическая формация переросла в формацию, истиной функционирования и идеологией которой является эконоцентризм» [3, с. 22]. Чтобы разобраться в сути изменений, произошедших в социальных отношениях, обозначаемых ныне как «эконоцентризм», необходимо хотя бы схематично очертить те принципы и новшества, которые привнес капитализм в общественное развитие, те ценности, нормы и задачи, которые он предложил социуму.

Итак, альфой и омегой капиталистической системы (а значит и выступающими центральными системообразующими факторами), являются нужды капитала. А именно: необходимость увеличения его количества, что, в принципе, самым существенным образом отличает капиталистическое общество от, скажем, феодального или иного типа традиционного общества, где социальные связи и нужды выступали главным фактором общественного развития.

Для решения задач, поставленных перед обществом предпринимательской установкой энергичного капитализма, активно использовалась (и используется по сей день) философия «минимизации издержек» и «максимизации прибыли». При этом вопрос о способах и целях реализации данной установки решается очень гибко: оправдано все, что служит их достижению. Безусловно, такой подход не может не стать критичным в определенный момент для социума. А потому, наиболее известные по масштабу и силе экономические кризисы (к которым, кстати сказать, относится и современный мировой экономический кризис) явились именно в обществах с капиталистическим укладом.

Стоит признать, что на различных стадиях существования капиталоориентированной системы ее разрушительный характер для общества был не столь очевиден, более того, создавал иллюзию наиболее удачного типа общественной организации. Как это, например, имело место на индустриальной стадии развития капитализма. Именно на этой стадии в западных странах при социально ориентированной политике государства было создано общество социального благоденствия, с мощной прослойкой среднего класса, охватывающей огромное количество населения, значительно увеличившего свое социальное и материальное положение. Данный тип социума сложился на Западе примерно в 40-х годах XX века и просуществовал до конца 70-х годов. Однако создание такого общества (с максимальным достатком для максимального количества лю-

дей) было отнюдь не целью развития капитализма, но таким своеобразным «сопутствующим при сложившихся условиях эффектом». Вложения в образование, субсидирование науки, развитие социальной сферы были продиктованы исключительно социально-политической и экономической необходимостью, но ни в коей мере не являлись целью или даже задачей капитализма. Поскольку индустриальное общество, ориентированное на массовое производство, требует более квалифицированных работников, способных обслуживать умные машины-гиганты, а широкие массы обеспечивают платежеспособный спрос, то благополучие последних желательно лишь настолько, насколько способствует умножению капитала экономических и политических элит.

«Сопутствующим эффектом», кстати сказать, явились и те демократические свободы, которых западное общество достигло к середине XX века. Материально достаточно крепкий, образованный, политически грамотный, социально активный средний класс стал представлять собой серьезную политическую силу, реально влияющую на развитие событий в государстве. Поскольку логика индустриального производства требовала максимальной включенности населения в государство в качестве граждан, имеющих определенные обязанности, к примеру, налогоплательщика, то наряду с обязанностями, население получало и права, политические, социальные. Эта и была та реальная демократия, предоставить которую широким слоям общества на определенном этапе своего развития капитал был вынужден.

Итак, к началу 1970-х годов, благодаря перераспределительному механизму, был обеспечен буржуазный образ жизни тем слоям, которые не имели буржуазных источников дохода (т.е. бюджетникам), средние классы настолько окрепли экономически, что реально, при помощи таких институтов как гражданское общество, формальная представительная демократия оказались способными бросить вызов правящему слою ядра капсистемы.

Здесь стоит оговориться, что как только это стало понятно правящим кругам, они решили поумерить свое добродушие в заигрываниях с массами и постепенно стали готовить сознание населения к тому, что демократия – это не так уж и хорошо, она себя изживает и т.д. Так, еще в 1975 году по заданию «Трехсторонней комиссии» три «западных» интеллектуала – С. Хангтингтон, М. Крозье и Дз. Ватануки подготовили доклад «Кризис демократии». В нем была спроектирована программа такой трансформации демократических институтов, которая, по сути, означала их ликвидацию. Таким образом, демократия как политическое оружие уже в течение нескольких десятилетий изымается из рук среднего класса. Для этого, в частности, предусмотрены меры, направленные на усиление политической апатии средних классов, а также и более радикальные, связанные с исчезновением (или как это модно говорить «размыванием») среднего класса. Кстати сказать, эта тенденция «подминания» современной демократии под нужды капитала, является предметом тщательной исследовательской рефлексии как у нас, так и за рубежом. Об этом, в частности, пишут такие авторы как Ю. Хабермас, М. Кастельс, У. Бек, Ж. Сарамату, Н. Зарубина, В. Шупер, А. Фурсов и другие.

Итак, тип общества, названный «обществом всеобщего благоденствия», значительно повысивший жизненный уровень широких слоев населения, по сей день является предметом зависти и поклонения экономориентированных личностей в странах бывшего соцлагеря, выступает предметом их вождлений и мечтаний. Однако как нельзя в одну реку войти дважды, так нельзя «выжать» из современной формы капитализма построение социально ориентированного экономически благополучно общества еще раз. Оно ушло в прошлое вместе с индустриальной стадией развития капиталистической системы. Теперь мы имеем совершенно иные реалии.

Как отмечают аналитики, развернувшийся с конца 1990-х годов процесс глобализации позволил создать такой процесс производства и обмена, в котором, благодаря

господству информационных (нематериальных) факторов над вещественными (материальными) капитал, превращающийся в электронный сигнал, оказывается свободен практически от всех ограничений локального и государственного уровня – пространственных, материальных, социальных.

А потому капитал сегодня как никогда ранее обнажает свое хищническое лицо, транслирует миру свою экономоцентрическую логику. Некоторые современные аналитики комментируют эту ситуацию достаточно жестко. Они говорят о том, что благодаря развитию науки и техники, а также глобализационным тенденциям современного мира, к власти во многих развитых странах пришла тоталитарная секта экономических фундаменталистов, ориентирующихся на ультралиберальный капитализм. Результатом чего явилось тотальное господство философии и психологии экономизма, который подводит общество к той черте, за которой ему грозят вырождение и распад. Эти процессы, что интересно, иницируются сверху, но поддерживаются широкими слоями общества, и в этом состоит главная трагедия современного дня.

Современное общество поклоняется некрофильским (терминология Э. Фромма) ориентациям, свойственным капиталу. То, что капитал, жажда обладания и смерть – феномены, часто сопутствующие друг другу, в культуре осознавалось давно. Достаточно вспомнить мифологию и погибшего царя Мидаса, возжелавшего обращаться в золото все то, к чему он прикоснется. Вместо ожидаемой сладкой жизни он получил горькую смерть. И этот образ как нельзя лучше подходит для современного общества: «свободная рука рынка» приводит в состояние деградации и кризиса все те социальные отношения и практики, которые прямо не направлены на решение задачи приращения капитала, а «нерентабельно» растрачивают свои ресурсы в пользу обеспечения качества жизни широких слоев общества (речь идет об образовании, науке, медицине, искусстве и т.д.).

С тех пор как общество стало экономоцентричным, наука стремительно утрачивает свои завоеванные ранее рубежи: социокультурный статус, свободный творческий поиск, высокий авторитет. И это не случайно. Дело в том, что бытующее в обществе представление о том, что развитие науки – исключительно объективный процесс (как, например, объективны законы природы) не совсем верно. Да, определенная объективная составляющая имеется. Это, предположим, реальный научный потенциал сегодняшнего дня (куда входят осуществленные ранее открытия, а также общий уровень развития системы подготовки кадров высшей квалификации, собственно ученых, материальная база, имеющаяся в той или иной стране, т.к. наука – крайне дорогостоящий социальный институт и не каждое государство может себе позволить широкомасштабное его развитие). Однако наряду с объективными предпосылками существования науки есть и субъективные ее составляющие, которые, кстати сказать, в последнее время все более усиливаются. Человек, как всем хорошо известно, существо целерациональное. Другими словами, свою деятельность осуществляет на основе определенных, четко заданных целей. И если это происходит в повседневной, обыденной жизни, то уж тем более целеполагание свойственно научному исследованию. Где существует целая процедура постановки и утверждения целей, вектор развития задается произвольно (согласно воле субъекта).

Как мы знаем, с XVII века наука из спорадического разрозненного феномена превратилась в социальный институт. А это значит, вступила в систему прав и обязанностей по отношению к обществу. Общество признало науку, легитимировало ее деятельность, наделило полномочным статусом. Вплоть до абсолютизации ее роли. Еще недавно под грифом «научно доказано» решались абсолютно все проблемы, вплоть до существования посмертной жизни, души, Бога и т.д. Хотя очевидно, что собственно

специфическими научными методами это не доказывается, так как находится вне границ применения данных методов.

И тем не менее для нас интересно то, что клише «научно доказано» указывало на тот высочайший общественный статус, который занимала наука. Она выступала и как способ получения новых знаний, и как источник развития, и как институт по решению насущных прикладных задач, и даже в качестве духовного кормчего.

Сегодня, безусловно, мы наблюдаем колоссальное понижение статуса ученого и науки как таковой. Экономический момент здесь играет центральную роль. Если в прежние времена наукой и философией занимались люди состоятельные (рабовладельцы в Античности, аристократия в Новое время и т.д.), то современный ученый занимается этим профессионально – т.е. наука для него – источник дохода для обеспечения жизни. В этих условиях даже в лучшие времена часть ученых рассматривали свою деятельность исключительно как способ получения чинов, званий и более сытого образа жизни. Но, тем не менее, значительная часть, действительно, развивала научное знание. Однако с тех пор как в обществе возобладала философия и психология, абсолютизирующая роль экономики, рынка и материального потребления, люди науки, как и прочие члены общества, устремлены преимущественно на добывание денег посредством своей профессии. Это выражается в стремлении получать всевозможные гранты, выигрывать конкурсы с материальным финансированием и т.д.

Все это приводит к тому, что цели и приоритеты развития науки все чаще и чаще определяются не отдельными учеными, высококвалифицированными специалистами в той или иной области, способными оценить потенциал и глубинные потребности некоторой области знания и не научным сообществом в целом, а находятся вне данного социального института – определяются платежеспособным заказчиком: реже – государством (читай – чиновниками, которые решают свои, управленческие задачи), либо крупным капиталом, имеющим запрос на реализацию своих узкособственнических целей. Таким образом, наука стремительно превращается в сферу интеллектуальных услуг, выполняет субъективные заказы определенных групп лиц.

Образование, похоже, ожидает та же участь – утрата достигнутого социокультурного статуса, существование на грани вымирания. Экономоцентризм, охвативший современное общество, способствует тому, что современный человек скрупулезно высчитывает собственные сиюминутные выгоды, не желая сколько-нибудь увеличивать затраты, расходы, уменьшающие его нынешнюю прибыль. Вложения в будущее – это тоже уменьшение дохода в настоящем, а потому долгосрочные перспективы никто не хочет оплачивать – ни отдельный гражданин, ни крупный капитал, пребывающий в дне сегодняшнем, ни экономически ориентированное государство. А потому образование сегодня также сведено до статуса «образовательных услуг», переводиться на самоокупаемость, что фактически подрывает самые его основы, ухудшает качество.

Современные исследователи обращают внимание на то обстоятельство, что происходящая во всем мире реформа образования является выражением превращения его из феномена культуры в фактор экономики и технологии, дабы готовить не личностей для социума, а агентов для техноса. Из «фабрики мыслей» университеты превращаются в «фабрики информации», а вернее – в универсамы по ее рекламе и продаже, в «предпринимательские университеты» [3].

Э. Фромм справедливо отмечает, что рыночный тип мышления имеет глубокое влияние на систему образования: «От начальной до высшей школы цель обучения состоит в том, чтобы накопить как можно больше информации, главным образом, полезной для целей рынка. Студентам положено изучить столь многое, что у них едва ли остается силы и время думать. Не интерес к изучаемым предметам или к познанию и по-

стижению как таковым, а знание того, что повышает меновую стоимость – вот побудительный мотив получения более широкого образования» [4, с. 78–79].

Здесь интересно обратить внимание на такое обстоятельство, что научные исследования, проведенные в разное время по вопросу о, если можно так выразиться, «рентабельности системы образования», экономической выгоды его для общества, по мере усиления в социальных системах власти капитала претерпевают существенные изменения в своих фундаментальных выводах относительно данного вопроса. Так, например, в России, еще в XIX веке, в 1886 г. постоянная комиссия по техническому образованию издала сборник, в который были включены научные статьи известных экономистов того времени И.И. Янжула, А.И. Чупрова и др., в которых они рассматривали влияние грамотности на производительность труда, пытались дать экономическую оценку образованию. В предисловии авторы лаконично сформулировали главные идеи, цели и задачи данного сборника: «Собрать воедино всевозможные аргументы экономического характера на пользу народного образования» [5, с. 32]. Обратим внимание, данные экономисты в своих экономических изысканиях пеклись не об умножении капитала, не о том, сколько «расходов» уйдет на образование, на содержание «непроизводительных» педагогов, администраторов и т.д., а о пользе образования. Такая исследовательская установка коренным образом отличается от меркантилизма, более свойственного западноевропейской культуре, который рассматривает любую нематериальную сферу как потенциальную угрозу капитализации. Между прочим, они отмечают: «Затраты на образование не представляют собой акта филантропии, а являются лишь непосредственным удовлетворением насущнейшей потребности страны в интересах прогресса ее производительных сил. Богатство и процветание России зависят от качества и уровня образования ее народа» [5, с. 32].

Современные западные мыслители, не выражающие заботу об общественном благе, тем не менее, также отмечают, что капитал не филантропически терпит убытки, выводя огромные средства из оборота и вкладывая их в образование, культуру, здравоохранение и т.п., а сознательно инвестирует в систему универсальной кодировки, охватывающей все сферы жизни общества и закрепляющей его универсальное господство. Данная мысль принадлежит известному французскому постмодернисту Жану Бодрийяру, в которой он совершенно справедливо обращает внимание на тот факт, что даже внешне конструктивная и общественно полезная деятельность капиталиста глубинным основанием имеет собственную выгоду. Проведенные во второй половине 80-х годов XX в. в США исследования (под эгидой американского Совета по образованию) на тему «Экономическая ценность высшего образования» имеют все еще благоприятный исход для самого образования: американские специалисты в области экономики Л. Лесли и Б. Бринкман сделали вывод, что инвестиции в высшее образование полностью окупаются и приносят ощутимые выгоды частным лицам [5].

Однако уже к середине 90-х годов образование вообще и высшее образование в частности ставятся на подозрение, обвиняются в «нерентабельности», невыгодности для человека и общества. Так, известный ученый в области экономики образования, главный специалист департамента «Человеческих ресурсов» Всемирного Банка Г. Псахаропулос в своем докладе «Отдача на инвестиции в образование» за 1993 год делает вывод о том, что социальная отдача образования в целом заметно сокращается по мере возрастания национального дохода в силу возрастания связанных с ним совокупных расходов на обучение. Отдача начального образования гораздо выше, чем отдача от среднего образования, а последняя выше, чем отдача от высшего образования. Важным обоснованием такого вывода является величина расходов: университетское образова-

ние стоит гораздо дороже в расчете на одного студента, чем начальное и среднее образование в расчете на одного ученика» [6, с. 32].

Замечательный вывод, нечего сказать. Оказывается, чем меньше в обществе высокообразованных людей, тем лучше для общества, тем быстрее растет его национальный доход. Сэкономленные от вложений в образование деньги повысят количество потребляемых благ на каждого члена общества. Вот такая политэкономия. Таким образом, сегодня все чаще многие явления, процессы, отношения, составляющие пространство человеческого общежития, низводятся до статуса рыночного товара. Хотя они таковыми никогда не могут являться, не имея ни одного признака продукта, подлежащего обмену.

Действительно, атрибутом рыночных товаров является взаимозаменяемость. Пространство культуры, равно как и принципы человеческих взаимоотношений, не могут перейти в плоскость рыночных взаимодействий без существенных потерь. Как измерить, сколько стоит профессионализм, жертвенность, любовь, альтруизм, милосердие, сострадание, гигантский труд таланта, ответственность, высота духа? Эти феномены являются в социальном плане более сложными, высокоорганизованными, требующими для своего воспроизведения колоссальных духовных, душевных, а также физических и материальных затрат, а посему в логике экономических отношений «выносятся за скобки», «не учитываются», не получая не только должного вознаграждения (поскольку это в принципе не переводимые на язык обмена понятия), но и подвергаясь откровенному паразитизму со стороны скупидомного экономизма. И это неудивительно: язык денег весьма циничен. На это обращал внимание еще в XIX веке известный немецкий философ Георг Зиммель. В своей работе «Философия денег» он указывал на то обстоятельство, что деньгам присуща способность вовлекать в обменный бизнес и те блага, которые не являются товарами, причем так, будто они таковыми являются. «Деньгам все глубоко безразлично. Это среда, в которой приравнивание различного осуществляется на практике», – соглашается с Г. Зиммелем в своей работе «Критика цинического разума» современный исследователь П. Слотердаик [7, с. 352].

Поэтому вполне закономерным является то, что говорящий на языке денег рынок беззастенчиво использует ресурсы духовного, символического капитала (П. Бурдьё), никак не пытаясь поддержать и восполнить эту высокосложную реальность, поскольку мгновенной очевидной прибыли она не дает, а оказывает общесистемное укрепляющее, стабилизирующее и усиливающее действие на социальную систему в целом.

Современные исследователи справедливо отмечают: «вся сложная культурная, духовная, политическая деятельность в условиях регулирующей деятельности рынка оценивается уже не по качественным, а по количественным критериям» [8, с. 50]. «В разряд неэффективных, по меркам рыночной рентабельности, сориентированной на количество возможной прибыли, попадают сегодня фундаментальная наука, не дающая быстрой практической отдачи, теоретическое и гуманитарное знание, не выражающееся в прямых коммерческих практиках, высокое искусство, сориентированное на подготовленного, а не на массового потребителя. Нерентабельным становится опекать пенсионеров, поддерживать временно нетрудоспособные группы населения: детей, учащуюся молодежь, многодетных матерей и т.д. и т.п.

Все, что не является «рентабельным» выбраковывается рыночным сознанием из пространства социальных практик. Поэтому сегодня во многих сферах общественного производства беззастенчиво сокращается то, что не сулит немедленной окупаемости и выходит за рамки прибыльности» [9, с. 217].

Здесь укажем на то обстоятельство, что возникшее в недрах капиталистической системы экономоориентированное мышление переплавилось за предшествовавшие столетия в законы и бытовые стереотипы и образует сейчас основную фактуру запад-

ной цивилизации. А поскольку влияние данной цивилизации на весь мир огромно, то узаконивание и стереотипизация экономического дискурса в социальных практиках свойственны ныне огромному количеству незападных стран.

Так, еще в конце XIX – начале XX вв. западнически сориентированная часть интеллектуальной элиты России ратовала за то, чтобы легитимировать в общественных практиках экономический императив. Либерально ориентированный русский экономист, происходивший из обрусевших немцев И.К. Бабст в своей работе «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала» писал: «Не раз случалось нам слышать возгласы против промышленного, материального направления нашего века и преимущественно Западной Европы; нередко говорится о новом Вавилоне, о поклонении золотому тельцу, о том, что все нравственные интересы принесены в жертву интересам промышленным, и затем все нападки обрушиваются на науку о народном хозяйстве. ... Нет, промышленное направление нашего века – это великий шаг вперед. Горе тому народу, который теряет всякое желание к улучшению своего экономического быта, всякую заботу о нем; он теряет с этим вместе сознание своего нравственного достоинства, сознание человечности. Напротив, сознание необходимости материального улучшения, желание довольства заключает в себе залог всего прекрасного и благородного в народе. Только человек, живущий в довольстве, может уделять свое время интеллектуальным и нравственным занятиям. Материально выгодно обеспеченные народы всегда почти бывают и нравственно и политически развиты» [10, с. 106].

В качестве рецепта для улучшения народного богатства И.К. Бабст предлагает метод распространения экономической рациональности в современном ему обществе. «Распространение здравых экономических понятий составляет одну из самых необходимых потребностей нашего общества. Пора, наконец, перестать жить зря, как говорится, все делать зря. Наступает для нас пора проверить все, что мы сделали, что совершили, и достойно ли совершили. Пора нам задать себе вопрос достойно ли воспользовались и обширным пространством нашей родины и теми громадными богатствами, кроющимися в ее недра и выпавшими по воле Провидения на нашу долю» [10, с. 105].

Далее он пишет: «Можно сказать, что большая часть несчастий, обрушившихся над бедным слоем народонаселения, что большая часть заблуждений в экономических мирах происходят от *недостатка здравых экономических понятий*. Это поняли уже в Европе, и лучшим ответом на этот животрепещущий вопрос современности служат сотни мелких брошюр, в которых самым доступным для народа образом обработаны главные положения науки народного хозяйства» [10, с. 107].

Как видим, наряду с прочим, И.К. Бабст подметил одно очень важное обстоятельство: экономический способ мышления в капиталистических странах не столько вызревал естественным образом в недрах народа, сколько «спускался сверху» и был продолжением тех революций, которые произошли в европейских странах задолго до этого (буржуазные революции в Англии, Нидерландах, политическая революция во Франции, которые, напомним, носили крайне насильственный, кровавый характер). В данной диалектической взаимосвязи элитным слоям общества принадлежала, безусловно, ведущая роль (что, впрочем, вполне согласовывается с учением современных исследователей таких как Гумилев и, в особенности, Тойнби, показавших роль элит в формировании общества).

Уже в XVII столетии распространение получили так называемые «купеческие книги», использующие «купеческие лексиконы» (В. Зомбарт), в которых и старым, и молодым людям давалось наставление о том, как строить свою жизнь разумно и добродетельно, соблюдая элементарные правила экономии: соблюдать порядок, быть прилежным и бережливым. Разрозненную палитру купеческих наставлений вскоре допол-

нили труды гораздо более рафинированные и интеллектуально отточенные: появляются писатели, крупные политические и общественные деятели, влиятельные деловые люди, распространявшие свои экономические нравоучения в широких слоях общества. Назовем некоторые из них. Это произведения Л.Б. Альберти об управлении семьей, в которых он употребляет выражение «святая хозяйственность»; позднее труды Савари и Дефо, оказавшие огромное влияние на общественную мысль Новоевропейского общества. И, конечно же, работы Бенджамина Франклина, фраза которого «Время – деньги» повторяется как священное заклинание и по сей день.

Немецкий социолог Вернер Зомбарт справедливо пишет: «Альфа и омега франклиновской житейской мудрости заключена в двух словах: *industry and frugality* – прилежание и умеренность. Это пути, чтобы достичь богатства: «Не растрачивай никогда времени и денег, но делай всегда из обоих возможно лучшее употребление», – поучает знаменитый американец [11, с. 121].

Эти и подобные им учения, по мнению Зомбарта, принадлежали к «наиболее читаемым в свое время». Так, например, он указывает: «Квинтэссенция франклиновских учений мудрости заключена в «*Poor Richards Almanac*», который он выпускал ежегодно в течение десятилетий. Резюме опять-таки излагавшихся здесь воззрений содержит «Обращение отца Авраама к американскому народу на одном аукционе» в выпуске календаря на 1758 г. Это обращение было издано в виде отдельного произведения под названием «Путь к богатству» («*The Way to Wealth*»), и в качестве такового оно стало известным миру. Оно было перепечатано во всех газетах и распространено по всему земному шару. 70 изданий его вышло на английском языке, 56 – на французском, 11 – на немецком, 9 – на итальянском. Это сочинение было сверх того переведено на испанский, датский, шведский, уэльский, польский, галльский, русский, чешский, голландский, каталонский, китайский, новогреческий языки и на фонетический способ письма (*Phonetic writing*). Оно печаталось, по крайней мере, 400 раз» [11, с. 127].

Как видим, широкие слои общества во всем мире прониклись этим зародившимся духом (названным Зомбартом «мещанским»), ориентированным на накопление, материальное богатство и прибыль. Интересно, что если в эпоху Античности и Средневековья, когда люди были озабочены организацией собственного мышления, огромной популярностью пользовались «Начала» Евклида, то в Новое время такими конкурирующими с Библией произведениям стали труды Б. Франклина.

И это не случайно. Надо полагать, что экономически мыслящие массы представляли собой необходимое условие для дальнейшего успешного развития капитализма. Нужно было подключить широкие слои общества к миру экономических смыслов, для того, чтобы они на добровольной основе включались в капиталистический тип отношений и легитимировали все самые невероятные социальные практики, глубоко противоречащие человеческой природе.

Понимание того факта, что, благодаря господству экономических императивов, социум может быть потрясен во всех своих основах, что оно откроет неестественные пути (социокультурно не устоявшиеся, не легитимные для традиционного общества как противоречащие логике межличностных отношений и морально-нравственным, социальным и религиозным традициям) в элитные слои общества для людей не самых достойных, мы находим уже на самых ранних стадиях становления капиталистического общества. Так, известный французский мыслитель Ш. Монтескье по этому поводу писал: «Все погибнет, если выгодная профессия финансиста обещает стать еще и уважаемой профессией. Тогда отвращение охватит все другие сословия, честь потеряет свое значение, медленные и *естественные* способы выдвинуться не будут применимы и правительство будет потрясено в своих коренных основах» [12, с. 143].

Провидческие слова Монтескье с успехом оправдали себя в пространстве современного глобализирующегося мира, когда экономическая составляющая стала настолько преобладать в обществе, что претендует уже не только на законодательство в области социальных и хозяйственных отношений, но и на политическое, а также морально-нравственное (вернее сказать, безнравственное) господство.

Так, например, португальский писатель Ж. Сарاماгу, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1998 г., в статье «Почему я поддерживаю антиглобалистов», пишет о том, что экономическая глобализация способна до неузнаваемости изменить облик социума, создав новую, невиданную ранее форму тоталитаризма: «Нельзя же всерьез говорить о демократии, когда реальная власть находится не в руках правительств, избранных гражданами, а у транснациональных монополий, которые никто не избирал» [13, с. 177]. Подобные мысли высказывает другой известный исследователь по проблемам экономической глобализации – Ульрих Бек. В своей работе «Что такое глобализация?» он повествует о тех потрясающих основы социума метаморфозах, которые происходят сегодня, благодаря беспрецедентно усилившейся позиции эконоцентрического капиталистического общества. Так, по мнению У. Бека, глобальный капитализм устанавливает свои, новые правила поведения в обществе. Это «капитализм без труда», «капитализм без налогов», а в перспективе и без самого государства.

Интересно здесь привести мнение известного философа Валлерстайна, который в своей работе «Конец знакомого мира» указывает на два главных признака капитализма – накопление капитала и отказ платить по счетам. Отказ платить по счетам, фактически является, по мнению Валлерстайна, скрытой формой воровства и в этом состоит «грязный секрет» капитализма. Если в индустриальном капиталистическом обществе стремление одних субъектов хозяйствования безгранично увеличивать свою прибыль еще как то сдерживалось, уравновешивалось требованиями социальной справедливости со стороны других субъектов хозяйствования (рабочих, объединявшихся в политические партии, профсоюзы и т.д.), то в современном обществе «глобального профсоюза» как такового не существует, а потому баланс сил явно не в пользу трудящихся. Отсюда вопрос о дальнейшем существовании общества массового благоденствия остается открытым даже для материально благополучного Запада, не говоря уже о других регионах планеты. Похоже, что сценарий мирового развития все более склоняется к установлению общества элитного благоденствия немногих. Это хорошо согласуется с такой характеристикой глобального капитализма как «капитализм без налогов»: «Предприятия могут производить продукцию в одной стране, платить налоги – в другой, а требовать государственных субсидий в форме мероприятий по созданию инфраструктуры – в третьей... Пикантность ситуации заключается в том, что именно *самые богатые* становятся виртуальными налогоплательщиками» [14, с. 15].

Как комментирует эту ситуацию Н.Н. Зарубина: «Бремя содержания развитой социальной инфраструктуры, поддержания традиционно высокого уровня культуры, обеспечения безопасности и т.д. ложится на реальных налогоплательщиков – на мелкие и средние предприятия, на частных лиц. Возникает конфликт между виртуальными и реальными налогоплательщиками: лидеры глобализации пользуются *фактически бесплатно* социальными и культурными достижениями высокоразвитых стран, которое оплачивает неглобализированное население, страдающее, вдобавок ко всему, от сокращения рабочих мест» [9, с. 210].

У. Бек констатирует, что глобализацию вынуждены оплачивать те, кто от нее не выигрывает, а проигрывает: в Германии с 1979 г. доходы предприятий выросли на 90%, зарплата – на 6%; поступления от подоходного налога за последние десять лет выросли

в 2 раза, а налоги с корпораций уменьшились в 2 раза и составляют 30% общих налоговых сборов [14, с. 17].

Но и это еще не все метаморфозы. С экономической глобализацией, по мнению Бека, связана «субполитизация» современных обществ: «дополнительный шанс для деятельности и узурпации власти за рамками политической системы, шанс, который во все большей мере получают предприятия, действующие на всем пространстве мирового сообщества» [14, с. 14]. Таким образом, на политические роли претендуют теперь такие субъекты, которые никогда к ним напрямую не относились – предприятия и фирмы, налоговые и аудиторские институты, международные финансовые и торговые организации и т.п. Для реализации узкособственнических интересов они уже не нуждаются ни в парламенте, ни в правительствах, ни в других легитимных органах политической системы, а уж тем более в избирателях, которые не имеют к ним никакого отношения. Данные сомнительные социальные трансформации, а также многие другие преобразования стали не только возможными в современном обществе, но и не вызывают адекватной оценки со стороны последнего. На наш взгляд, это происходит потому, что самые широкие слои населения – от правительств до мелких служащих и трудящихся – усвоили экономический принцип понимания действительности, прониклись неестественной логикой вещных, механических, товарообменных отношений, а потому вопросы о справедливости или несправедливости, нравственности или безнравственности, нормальности или ненормальности тех или иных экономических практик должным образом в обществе не поднимаются.

Эту закономерность хорошо понимают люди, рассматривающие гегемонию капитала в качестве основания общественных отношений. Об этом свидетельствует та благосклонность, с которой элиты общества относятся к широкому применению так называемого «экономического подхода» в решении самых многообразных социальных вопросов. Так, один из известнейших современных экономистов – профессор Чикагского университета и Главный научный сотрудник Гуверского центра Стэндфордского университета (США), лауреат Нобелевской премии Г. Беккер – выдвинул идею о применении экономического подхода к самым широким социальным практикам. В частности, он пишет: «В самом деле, я пришел к убеждению, что экономический подход является всеобъемлющим, он применим ко всякому человеческому поведению – к ценам денежным и теневым, вмененным; к решениям, повторяющимся и однократным, важным и малозначительным; к целям эмоционально нагруженным и нейтральным; к поведению богачей и бедняков, пациентов и врачей, бизнесменов и политиков, учителей и учащихся» [15, с. 35–36].

Стоит отметить, что в рамках экономического подхода находит себе оправдание даже такой маргинальный феномен как преступность. Так, тот же Г. Беккер в статье «Преступление и наказание: экономический подход» исходит из презумпции, что «преступники – не психопатологические типы и не жертвы социального угнетения, а рациональные агенты, предсказуемым образом реагирующие на имеющиеся возможности и ограничения. Они, по мнению Беккера, стремятся к максимизации ожидаемой полезности, и с этой точки зрения их поведение ничем не отличается от поведения других людей. Выбор преступной профессии он трактует как нормальное инвестиционное решение в условиях риска и неопределенности. Следовательно, уровень преступности должен зависеть от соотношения сопряженных с нею выгод и издержек» [15, с. 655]. Такое понимание преступной деятельности предполагает возможность потенциального участия в ней абсолютно каждого человека. Более того, рассматривается как равноправный, нормальный вариант экономической активности в определенной, благоприятной для преступления обстановке.

Итак, жажда наживы настолько ослепляет экономоцентрическое общество, что оно уже не способно отчетливо проводить грань между нормой и патологией. А потому одним из признаков болезни экономизма можно назвать криминализацию общества в самом широком смысле этого слова. Причем, преступная психология пронизывает все уровни функционирования системы, начиная от высших управленческих слоев, заканчивая низами.

Однако такое беззащитное извлечение прибыли из преступной деятельности невозможно в условиях нации-государства, которое придерживается определенных традиций, принципов и норм, в которых существуют понятия «общенациональные интересы», «общегосударственные интересы» и т.д. Поэтому для успешного развития капитала необходима новая форма социальной организации, которая бы снимала противоречие между криминальными и некриминальными сегментами экономики, извлекая прибыль из всего, что возможно, руководствуясь исключительно принципом рентабельности. Такой тип государства уже не за горами.

Известный российский историк и социолог Андрей Фурсов обозначил его как корпорация-государство. Главный лозунг корпорации-государства – увеличить прибыль, ВВП, конкурентоспособность. Здесь очевидно противоречие. Быть конкурентоспособной экономически – это задача фирмы, но не государства. Политэкономическая способность государства на мировой арене обусловлена не столько экономической эффективностью, сколько эффективностью социальной. И уж тем более легитимно нация-государство не может пользоваться в полной мере основными источниками увеличения прибыли, каковыми на сегодняшний день в условиях глобальной экономики являются, по оценке специалистов, следующие, если можно так выразиться, виды деятельности: торговля нефтью, торговля оружием, наркотрафик, торговля золотом и драгметаллами, проституция и порнобизнес. А вот корпорация-государство вполне может использовать эти дающие большие барыши практики. Магическая формула «это делается в интересах бизнеса», открывает простор для узаконивания традиционно порицаемых и ограничиваемых обществом действий, что, безусловно, ведет за собой понижение культурного уровня развития любого социума.

Подытожим. На качество современной жизни все более отчетливо и беспардонно наступает мир количества, превращая в числа, цифры, денежные эквиваленты огромное число живых социальных и культурных практик. Собственно для человека, даже обладающего значительным количеством денег, это означает невозможность обеспечения высокого качества жизни, поскольку качественность как таковая постепенно вытесняется из пространства современного экономоцентрического общества. Снижение уровня развития науки, образования, медицины, права и т.д. приводит к тому, что по самым значимым параметрам, обеспечивающим полноценность индивидуального и общественного существования, возможности личности и общества в целом значительно уменьшаются, вскрывая тем самым главное противоречие экономоцентризма – увеличение объемов прибыли, получаемой отдельными участниками экономических действий, ни в коей мере не способствует улучшению общественных отношений, повышению уровня жизни остальных граждан и государства в целом. Наоборот, экономоцентрическая логика губительна для стран, ее практикующих. Она выступает источником многочисленных кризисов в самых различных областях человеческой деятельности, поскольку экономит там, где требуется нерентабельное, коммерчески неоправданное дотирование (к примеру, в области высоких технологий, без которых невозможно решение очень многих проблем современности, таких как нехватка воды, источников энергии и т.д.). Поэтому преодоление экономоцентризма является насущной потребностью современности.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Шелов-Коведяев, Ф.В. Полемиические заметки политолога об экономике, политике и демографии / Ф.В. Шелов-Коведяев // ОНС. – 2010. – № 6. – С. 154–159.
2. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов / Ч.С. Кирвель [и др.] ; под ред. Ч.С. Кирвеля. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : Четыре четверти, 2010. – 548 с.
3. Кутырев, В.А. Человеческое и иное: борьба миров / В.А. Кутырев. – М. : Алетей, 2009. – 264 с.
4. Фромм, Э. Человек для себя / Э. Фромм. – М. : Коллегиум, 1992. – 256 с.
5. Добрынин, А.И. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования / А.И. Добрынин, С.А. Дятлов, Е.Д. Цыренова. – СПб. : Наука, 1999. – 309 с.
6. Дятлов, С.А. Человеческий капитал в системе современной экономики : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / С.А. Дятлов. – СПб. : УЭФ, 1995. – 46 с.
7. Слотердаик, П. Критика цинического разума / П. Слотердаик ; пер. с нем. А.В. Перцева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 584 с.
8. Зарубина, Н.Н. Социология хозяйственной жизни / Н.Н. Зарубина. – М. : «Логос», 2006.
9. Семерник, С.З. Общество будущего: победа экономического фундаментализма или постэкономический человек / С.З. Семерник, Ч.С. Кирвель // Проблемы управления. – 2010. – № 2. – С. 216–226.
10. Бабст, И.К. О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала / И.К. Бабст // Избранные труды. – М. : Наука, 1999. – 300 с.
11. Зомбарт, В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь / В. Зомбарт ; пер. с нем. – М. : Айрис-пресс, 2004. – 624 с.
12. Монтескье, Ш.Л. О духе законов / Ш.Л. Монтескье // Избранные произведения. – М. : Гос. изд-во политической литературы, 1955. – 398 с.
13. Сарاماгу, Ж. Почему я поддерживаю антиглобалистов / Ж. Сарاماгу // Россия в глобальной политике. – 2003. – Т. 1. – № 1. – С. 171–180.
14. Бек, У. Что такое глобализация? / У. Бек. – М. : Прогресс–Традиция, 2001. – 304.
15. Беккер, Г.С. Человеческое поведение. Экономический подход = human behaviour. Economical approach / Г.С. Беккер. – М. : ГУВШЭ, 2003. – 671 с.

Semernik S.Z. Economocentrism as Krizisogenny Factor of Modern Society

The article discusses the phenomenon of modern society as ekonomotsentrizm, which recently has become the subject of a thorough study of reflection. Ekonomotsentrizm as a framework in which the decisive role in explaining the most important areas of being is given to the economy and derives from it phenomena, the depth of its foundations is extremely destructive to society, is the source of the crisis. Being the heir to the capitalist development sotsiu-ma, ekonomotsentrizm incorporates features of painful agonizing capitalism and projecting them into the space of broad social and individual practices, deforming the structural formation of the latter. Overcoming of ekonomotsentrizm is an urgent issue of our time.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 25.01.2011

УДК 165.62+165.731

В.В. Демиров

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ УЧЕНИЙ Э. ГУССЕРЛЯ И Г. ФРЕГЕ В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕКТИВНОСТИ СМЫСЛА

Данная статья посвящена экспликации проблемы объективности смысла и онтологической референции, указывающей на онтологическую плоскость пересечения тематик сознания и языка в контексте современных феноменолого-лингвистических дискуссий. В статье осуществляется рассмотрение онтологических основ тематического единства проблем сознания и языка сквозь призму концептуально-теоретических моделей, специфицирующих интенциональный анализ сознания у Гуссерля и семантический анализ языка у Фреге. В этой связи, выявляется необходимость экспликации соотношения феноменологической и лингвистической редукций. Проведение редукции в языке направлено на фиксацию отличия между схватыванием мысли (как нейтральным принятием во внимание некоторого мыслимого положения дел без решения вопроса об истинности последнего) и суждением как признанием истинности мысли. Для сознания же проведение редукции направлено на фиксацию отличия между чистым представлением смысловой данности предмета от полагания этого предмета в качестве существующего. Автор статьи приходит к выводу, что Смысл [Sinn] в контексте указанных проблем и подходов, нужно определять как нейтральную (по отношению к истинностному значению и эмпирическому существованию его референта), объективно-универсальную медиативную систему, устанавливающую определенную форму связи между сознанием и предметом, знаком и значением.

Введение

Актуальность данного исследования имеет отношение к философским аспектам исследований, которые проводятся в связи с моделированием сознания средствами ЭВМ, выражением логической семантики естественных языков, созданию систем смысловой, автоматизированной обработки информации, а так же разработке экспертных систем с элементами искусственного интеллекта. В рамках этих исследовательских стратегий, проблема смысла является краеугольной. Более того, сегодня все более четко осознается невозможность введения новых «смысловых единиц» кодирования информации базируясь исключительно на логико-математических исследованиях. От последних всегда ускользает дологоическая, осуществляемая в форме темпоральных синтезов структура порождения смысла. И это не случайно, т.к. и логика и математика оперируют вневременными идеализированными сущностями, которые согласно идее Тьюринга являются вычислимыми алгоритмическим устройством только посредством операции перехода между дискретными состояниями «вкл./выкл.». При этом, очевидно, что понимание реальных механизмов мышления должно происходить сквозь призму идей длительности, непрерывности и овременности процессов смыслопорождения. Именно в таком ракурсе их рассматривал Гуссерль. В аналоговых вычислительных устройствах (их пытаются предложить в альтернативу цифровым) вычисления осуществляются с помощью непрерывного изменения того или иного физического параметра (таких как время, масса или электрический потенциал), а не смены дискретных состояний. Но на данный момент эти устройства еще не снабжены достаточным комплексом идей, которые позволили бы им приблизиться по точности к цифровым. Поскольку любая программа является принципиально формальной синтаксической системой и осуществляет манипулирование символами с помощью рекурсивно применяемых правил, без какой бы то ни было отсылки к смыслу этих символов, то, очевидно, что главным вектором поисков

Научный руководитель – Д.И. Широков, доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси

должно быть обнаружение специфических механизмов, при помощи которых наш разум оказывается способным манипулировать именно смысловым содержанием. Это окажется возможным посредством развития следующих идей: 1) естественный разум является в своей основе принципиально недискретным образованием; 2) идеи разума имеют содержание не потому что абстрагируются от конкретных чувственных данных, в которых зафиксировано реальное существование чего-либо, а потому что разум в своей основе обладает специфическими механизмами «восприятия общего» или «схватывания смысла» (это акт идеации согласно Гуссерлю или категориальное созерцание, которое отрицал Кант), которые делают возможным восприятие конкретно данного. Последнее, будучи значением некоторого представления, порождается структурой смыслодающего акта (акта чистого представления согласно Гуссерлю); 3) смысл который не имеет значения, т.е. соответствия реальному положению дел, является не в меньшей степени объективным чем тот, который соответствует, на том основании, что наше сознание способно самостоятельно, без внешних формулировок образовывать на его основе новые смыслы. Этот «вымышленный» смысл можно донести до другого сознания, вызывая у него соответствующие представления. Это говорит о том, что не обладая соответствием реальным компонентам действительности, смысл имеет при этом объективное содержание; 4) в рамках компьютерной программы подчиняющейся логическому алгоритму такого содержания нет, т.к. она не способна на его основе создавать новые смыслы. Такая способность является в первую очередь критерием понимания. Научить программу языку нельзя, постольку поскольку не существует никакого способа, с помощью которого мы могли бы для нее определить смысл хотя бы одного символа в строгой связи с совокупностью той системы правил в которой он представлен; 5) для преодоления указанной преграды следует понимать смысл не только как содержание или значение некоторых знаков, но и способ, форму связи знака с его значением, а значения с конституирующим его актом (схватывание мысли [Fassen], то есть принятие во внимание некоторого мыслимого обстоятельства дел без решения вопроса об истинности последнего, – есть, согласно Фреге, обнаружение указанной формы связи); 6) исследование семантики естественных языков, а так же структуры смыслопорождающей деятельности сознания, может внести существенный вклад в подобную концепцию смысла; 7) работа недискретных вычислительных устройств, основанных на подобных «смысловых» языках представления информации, может в значительной степени приблизить решение проблемы искусственного интеллекта; 8) специфическое понимание смысла как объективной, нейтральной (по отношению к существованию его содержания или истинности его значения) формы связи, несводимой к психическим особенностям индивидов в которых она реализуется, характерно для таких философов как Эдмунд Гуссерль и Готлоб Фреге. Исследование их концепций является необходимым условием раскрытия указанных выше проблем. Их решение имеет актуальную научную значимость. Данная статья восполняет так же нереализованный пробел диалога феноменологии и аналитической философии в аспекте проблемы объективности смысла и его онтологии.

Цель статьи состоит в том, чтобы выявить онтологический статус смысла сквозь призму компаративного анализа учений Гуссерля и Фреге, первичный замысел которых был устремлен на выявление фундаментального уровня задающего специфику математических объектов и отношений. Исходя из того, что для Гуссерля этот уровень заключался в сфере прелингвистических феноменологических очевидностей сознания, а для Фреге в сфере логических законов языка, в статье ставятся задачи: эксплицировать смысл, с одной стороны, как объективно-универсальную форму связи этих очевидностей и логических структур, а с другой стороны – как элемент, конституирующий предметно-смысловой референт указанной связи (т.е. значение).

Рассмотрение проблемы объективности смысла и онтологической референции тесным образом связано с преодолением отождествления «логики языка» и «логики смысла», исходя из которого отодвигалась важная проблема математики, – проблема соотношения формы вывода и его содержания. «Правило вывода», артикулированное в знаково-символических конструкциях, бесспорно, становится предельно строгим, воспроизводимым автоматически, повторяемым, освобождается от привязанности к индивидуальным способностям конкретного человека. Но, при этом очевидно, что жестко «означенное» правило, реализуемое алгоритмическим вычислителем, машиной, оказывается неспособным выдать исходную идею вывода (смысл-содержание), делает совершенно непроницаемым действительное и всегда совершающееся предметное движение мысли.

Таким образом, при формулировке такого рода предельно точных выражений, мы теряем два необходимых элемента участвующих в формировании так называемой «логики смысла»: исходное смысловое содержание вывода (идею) и природу самой процессуальности, движения мысли. Т.е. осуществляя предметное рассмотрение сознания и языка, сквозь призму указанных проблем, нас будет интересовать сущность и отношение таких понятий как «смысл», «тип мысли» и «выражение». Назовем их источник, движение и результат познавательного процесса. Второй компонент относится к сфере психологии, третий к сфере логики, а первый является их онтолого-феноменологическим фундаментом. «Смысл», в этом случае, мы предварительно определяем как источник и связь «выражений» и «мыслей». Для выявления целостности интересующего нас когнитивно-познавательного процесса, необходим детальный анализ каждого из этих компонентов и их взаимосвязи. Продвижение по пути экспликации логической структуры готовых выражений языка, по-сути, приведет только к получению чистых тавтологических высказываний. В качестве таковых выступают аксиоматические основания логики и математики. Поэтому, говоря о знаковом символизме, отметим, что попытка объяснить его исключительно имманентными потребностями математического вывода, математического действия приводит к искажению и самой сути доказательства, и самого значения и смысла знакового символизма. Этот смысл, в сущности, есть скрытая за знаковым символизмом предметность. Т.к. знак – еще не предметная область, но скорее «намек» на его глубинное предметное содержание, возбудитель, провокатор определенных творческих процессов, укол, вызывающий течение интуитивных прозрений, это – вершина айсберга, выступающая над поверхностью собственно мыслительной стихии.

«Логика смысла» и проблема объективности

Для раскрытия этой стихии, основополагающее значение имеет «логика смысла», направленная на феноменологическое выявление чистой предметной самоданности и актов конституирования, сквозь призму которых адекватно раскрывается сущность указанного движения. И Гуссерль и Фреге, подходы которых для нас в данном случае имеют решающее значение, обосновывают необходимую взаимосвязь «логики смысла» с проблемой обоснования объективности смысла.

Эта проблема формулируется как проблема возможности выражений, которые имеют смысл (Sinn в терминологии Фреге), но не имеют «значения» (Bedeutung англ. reference), или предметного референта. Таким образом, смысл объективен постольку, поскольку он существует независимо от того, соответствует ли определенным выражениям какие-то «действительные предметы», а так же постольку, поскольку он вовсе не сводится к конкретным представлениям, ментальной специфике и психологическим особенностям людей понимающих и полагающих этот смысл. В частности, Гуссерль объяснял это тем, что смысл, как определенная – интенциональная – характеристика психологических переживаний, не сво-

дится к самим этим переживаниям. Интенциональность, реализуемая сквозь призму единой структуры акта полагания (ноэзиса) и предметного смысла (ноэмы), является тем моментом, который формирует смысловую структуру сознания, несводимую к психическим или физическим связям и независимую от «действительных предметов», которые понимаются как референты предметного смысла. Феноменологическая традиция предписывает понимать интенциональность как характеристику самого сознания исключительно в его связи с чистой предметной самоданностью, а не с тем, что тот или иной предмет может значить для того или иного содержания сознания (считается ли он, проще говоря, его внешней причиной или нет). Интенциональный предмет представлен в сознании интенциональным содержанием (в принципе, множеством интенциональных содержаний, но актуально – одним), которое, в свою очередь, указывает на него так, что мы можем «иметь в виду» – т.е. представлять и/или обозначать – именно этот предмет. Интенциональный акт, в свою очередь, представляет собой способ (отвечает на вопрос «как?») предметной данности, которым сознание актуально «имеет» свой предмет.

Гуссерль начинает первое исследование второго тома «Логических исследований» с различения интенции как коммуникативного намерения и «интенции» в специфическом смысле – интенции придания значения или, можно сказать, актуализации значения [Bedeutungsintenzion], которая собственно и делает некий предмет данным, связывая с ним языковое выражение как то, что этот предмет означает. Интенция придания значения соответствует, т.о., чистому акту предметного представления для осмысленных выражений. Этот чистый акт актуализации значения есть, в сущности, априорное условие чистой предметности, определяющей возможности того, как разные значения разных выражений могут отсылать (выполнять референцию) к одному и тому же предмету.

Таким образом, говорить о референции мы можем не постольку, поскольку имеем некоторый «действительный предмет» по отношению к определенному ментальному содержанию, а поскольку только чистый смыслодающий акт (интенция) обуславливает-конституирует наличие предмета для сознания. Природа этой конститутивности, по Гуссерлю заключена в том, что прежде восприятия единичного предмета пассивно-рецептивными компонентами сознания, выраженными в форме ощущений, должно быть возможно специфическое интуитивно-эйдетическое восприятие общего (как конкретной целостности единичных элементов), которое есть представление того, что в ощущениях репрезентирующих внешний предмет, актуально не представляется. Иначе говоря, интенциональное сознание активно уже на уровне восприятия (действительного или вспоминаемого и воображаемого). Его активность в форме смыслопорождающей динамики эйдетической очевидности есть источник референции предмета и его ментального содержания.

Разрабатывая далее в «Идеях...» концепцию перцептивных (в узком смысле адекватного восприятия) данных в их отличии от перцептивного содержания полного интенционального переживания, Гуссерль применяет для обозначения первых термин ноэма или, иначе, материальные данные. «Они представляют собой материальные конституэнты опыта – несамостоятельные части интенциональных переживаний, тем не менее, оказывающие влияние (что выражается в обозначении их термином конституэнты) на представленную в конкретном переживании предметность» [5, с. 142]. Собственно интенциональную составляющую опыта, выполняющую по отношению к материалу функцию его оформления в единство смысла (или значения), представляющего определенный предмет, Гуссерль обозначил термином ноэзис. Однако, интенциональное «оформление» материальных конституэнт опыта не есть некое «моментальное» событие: скорее, это процесс, имеющий свою длительность. Гуссерль описывает темпоральную структуру предметного конституирования в восьмой главе третьей части первой книги «Идей...», а также, в лекциях по феноменологии внутреннего сознания-времени. «Пассивный синтез, происходящий в его истоках, очерчивает трансцендентальный горизонт как предел смыслообразования» [3, с. 51]. Последний име-

ет темпоральный, прелингвистический и допредикативный характер и оказывается для «логики языка» недоступным, т.к. логика и математика занимаются анализом вневременных сущностей.

Таким образом, Гуссерль эксплицируя ноэтико-ноэматическое единство смыслополагающей деятельности сознания указывает на то, что смысл есть динамическая форма установления связи интенционального акта и интендированного содержания, форма, сохраняющая с этим актом единство, являющаяся его проистечением. Выражение же, как логическая форма репрезентации смысла, утрачивает эту связь и указывает только на означаемое как некоторый предмет. Это отчетливо видно в некотором терминологическом расхождении в концепциях Гуссерля и Фреге. Гуссерль употребляет термины «смысл» [Sinn] и «значение» [Bedeutung] выражения практически как синонимы, отличая их от «предмета» выражения; в отличие от Г. Фреге, у которого термин «значение» синонимичен термину «предмет». Именно ввиду утраты указанной связи Витгенштейн вынужден констатировать невыразимость логической формы, т.к. последняя способна теперь только указывать на нечто, а не показывать его в его собственной сути.

При этом, указанное расхождение компенсируется тем, что в рамках обоих подходов, мы сталкиваемся с определенной трехчленной эпистемологической конструкцией. В случае Гуссерля – это интенциональный акт – идеальное мыслительное содержание (сущность [Wesen], смысл [Sinn]) – интендированный предмет; а в случае Фреге – это определенный знаковый комплекс – смысл [Sinn] знаков – значение [Bedeutung] знаков. Оба исследователя концентрируют внимание на тех медиальных элементах в своих эпистемологических конструкциях, которые фиксируют мир в качестве имманентной данности (для Гуссерля – в сознании, для Фреге – в языке).

Тема исследования в обоих случаях – медиальный элемент, смысл. Эти элементы обнаруживают явную схожесть. Основываясь на общем неприятии психологизма в логике и математике, оба автора приписывают данному элементу статус идеального бытия и оба утверждают возможность непосредственного схватывания этого элемента в особом интеллектуальном опыте. Такие тезисы отчетливо противостоят психологизму, в котором утверждалось, что любое универсальное содержание является продуктом психической активности субъекта при обработке непосредственно данных чувственных содержаний. Далее, на основе идеального статуса смысла оба автора проводят четкое различие между схватыванием самого смысла и представлением, сопутствующим этому схватыванию, всевозможных ментальных образов, имеющих психологически субъективный, сиюминутный характер. Схватывание смысла, о котором идет речь – это не установление истинностного значения для наших представлений и указание на то, что в этих представлениях является соответствующим реальному положению дел.

Проблема онтологической референции сквозь призму феноменологической и лингвистической редукции

Рассмотренный ход мышления задавал определенные основания для понимания сознания. Именно от подобных оснований, как мне представляется, пытался отказаться Гуссерль. Различив имманентные объекты «первого и второго порядков», он дал основание рассматривать акт означивания как акт именно второго порядка, то есть акт «восприятия восприятия». В акте обозначения не полагается никакого предмета, в отношении которого сознание могло бы выступить как полагающее. Преобразование в сигнификацию создает новый интенциональный предмет, феномен, а не внешне артикулированное явление. Вообще говоря, смысл не есть выражение или отражение того, что нам дается в явлениях. Т.е. смысл как универсальная структура «антиципирует» чувственное восприятие или, иначе говоря, смысл не наклеивается на уже данные в ощущениях предметы как ярлык, но, напротив, он впервые формирует вещи, структурирует мир. Как для Гуссерля смысл усматривается с очевидно-

стью вне зависимости от того что он репрезентирует: реально существующий предмет или галлюцинацию, так и для Фреге сам смысл знакового комплекса не может быть описан как истинный или ложный, он также принимается во внимание как нейтральная данность. Один из американских последователей феноменологии Р. Соломон так пишет по этому поводу: «...Это последнее обстоятельство, т.е. «подавление» суждений (об истинности и ложности – прим. автора) в пользу нейтральных мыслей (речь идет о Фреге – прим. автора) является обозначением знаменитого Гуссерлева «эпохе» или «заклочения в скобки вопросов о существовании»». Таким образом, по отношению к указанному «подавлению» суждений (об истинности и ложности – прим. автора), можно по аналогии с феноменологической редукцией говорить о лингвистической редукции. Фактически задачей обеих редукций является артикуляция смысла как способа тематизации и принятия во внимание предмета каким-либо особым способом. Таким образом, сходство анализируемых традиций по отношению к пониманию смысла как универсально-опосредующего и индифферентного способа тематизации рассматриваемого предмета, уменьшается в следующих немаловажных пунктах. Феноменология наделяет смысл прелингвистической характеристикой, то есть утверждает свои «Исследования» с языка, при этом подчеркивая, что выявление идеального и принятие во внимание смыслового образования возможно вне языкового опыта. Язык вступает в права носителя смысла на уровне межсубъектной коммуникации, в сугубо же субъективном опыте внимание к ноэтико-ноэматическим переживаниям происходит вне языка: «В монологе слова не могут исполнять функцию, указывающую на существование ментальных актов, такая индикация здесь совершенно бесполезна. Эти акты сами по себе переживаемы нами в каждый данный момент» [5, с. 78]. И хотя Гуссерль и начинает свои исследования со значения языкового выражения оно ему необходимо как «трамплин», с которого он стартует в сферу внелингвистического описания интенциональных актов и их содержаний.

Аналитическая философия, напротив, настаивает на том, что любое смысловое образование имеет имплицитную лингвистическую характеристику. Принятие во внимание какого-либо положения дел возможно только посредством обращения к соответствующему пропозициональному содержанию, выраженному определенной языковой сентенцией. «Языковой предел – утверждает Витгенштейн – полагается невозможностью описать факт, который соответствует предложению, без повторения этого предложения» [2, с. 12]. Соответственно в рамках развиваемого нами подхода для феноменолога не лишним будет обратить более пристальное внимание на лингвистическую «окраску» конституируемых феноменов. Если языку будет уделено соответствующее аналитическим взглядам внимание, то главными темами обсуждения станут, например, не вопросы о том, как осуществить феноменологическую редукцию, а следующие вопросы: как эта главная методическая операция феноменологии может быть выражена в языке? Каковы те формальные структуры языка, которые позволяют (или, напротив, не позволяют) произвести лингвистическую манифестацию редукции?

Достаточно определенным образом проблема онтологической референции и объективности смысла ставится Гуссерлем во втором томе «Логических исследований», где он выстраивает иерархию качественных форм интенциональных актов. основополагающей формой любого интенционального акта признается та, которая имеет качественную характеристику чистого представления. На этом уровне интендиования происходит схватывание чистого ноэматического содержания (или «материи» интенциональной сущности – как высказывался Гуссерль в «Логических исследованиях»). Какое-либо обстояние дел просто принимается во внимание и обдумывается. Это уровень непосредственного усмотрения феномена, данного в эйдетической интуиции. Вплотную к этой структуре, хотя все же как надстраивающаяся над ней, прилегает другая качественная форма, которую Гуссерль называет позиционным актом [setzende Akte]: «...Мы можем установить позиционные акты как те, что основаны на других актах, не как чистые представления, но как акты, основанные на пред-

ставлениях; новый позиционный характер бытия тогда, по-видимому, является дополнительным к чистому представлению» [5, с. 61]. Предназначение позиционного акта сводится к тому, чтобы решать вопрос о бытийной значимости того обстоятельства дел, которое мыслится в фундирующем акте чистого представления. Решить вопрос о бытийной значимости – это значит либо придать мыслимому обстоянию дел статус автономного существования, либо отказать ему в этом: «Среди именуемых актов мы различаем позиционные и непозиционные. Первые ... интуитивным способом отсылают к предмету как к существующему. Вторые оставляют вопрос о существовании своих предметов нерешенным» [5, с. 67].

Подобные же дистинкции обнаруживаются и у Фреге. Он также различает схватывание мысли [Fassen], то есть принятие во внимание некоторого мыслимого обстоятельства дел без решения вопроса об истинности последнего, и суждение [Urteil] как признание истинности мысли: «Итак, мы будем различать: 1) схватывание мысли – мышление; 2) признание истинности мысли – суждение; 3) демонстрация этого суждения – утверждение». При этом Фреге упоминает, что он использует термин «суждение» не в привычном логическом смысле, то есть как предикацию, а именно как утверждение истинности, что как раз и соответствует гуссерлевскому позиционному акту. Предназначение обеих этих структур заключается в том, чтобы производить экзистенциальное полагание мыслимого обстоятельства дел.

Очевидно, что редукция как центральная методическая операция феноменологии должна принимать во внимание как раз отношение между индифферентным чистым представлением и позиционным актом (или между индифферентной мыслью и признанием истинности этой мысли). А именно: редукция «заключает в скобки» позиционный акт. К сожалению, гуссерлевский образ заключения в скобки так и остался не достаточно поясненным. Сам Гуссерль говорит об этой операции, то имея в виду «торможение» (приостановку) позиционных актов, то рефлексию над ними. Иногда двусмысленность выглядит почти комично, так как проступает прямо в одном пассаже. Это можно увидеть в «Идеях...»: «Переходя же к феноменологической установке, мы с принципиальной всеобщностью пресекаем совершение любых подобных когнитивных полаганий [речь идет как раз о бытийных полаганиях, т.е. о позиционных актах], а это значит: «мы заключаем в скобки» прежде произведенные, что же касается дальнейших исследований, то мы не соучаствуем в подобных полаганиях; вместо того, чтобы жить в них, совершать их, мы совершаем направленные на них акты рефлексии» [5, с. 187]. Если отказаться от полагания этих актов, как же можно совершать над ними акты рефлексии? Та же двусмысленность проступает и в «Картезианских размышлениях»: «Я, философски размышляя, не придаю более значимости естественной уверенности в бытии мира, свойственной опыту, не осуществляю полагания этого бытия, между тем, как оно все еще присутствует среди прочего и схватывается внимательным взглядом наивное, латентное совершение этих актов, которое, действительно, характерно для естественной установки» [10, с. 109]. Редукция не препятствует бытийному полаганию, она лишь делает его явным, признавая тезис о бытии мира только в качестве результата активности сознания, продуцирующего позиционные акты. На лингвистическом уровне обсуждаемая методическая операция будет выглядеть как «заклучение в скобки» суждения об истинности или ложности той мысли, которая выражена в предложении языка, т.е. как рефлексия, воплощенная в лингвистической фиксации акта, утверждающего логическую валентность пропозиции.

Анализ Фреге показал, что такая лингвистическая фиксация в естественном языке, который как раз и использует Гуссерль для экспликации своих исследований, невозможна. Осуществление суждения-утверждения, то есть признание истинности мысли, имеет в языке всецело латентный характер. Невозможно обнаружить специального знака, который характеризовал бы наличие такого суждения, это суждение-утверждение осуществляется самой формой утвердительного предложения: «Мне представляется, что до сих пор мысль и суждение отчетливо не различались. Возможно, язык сам потворствует этому. Действительно, в

утвердительном предложении нет специального компонента, соответствующего утверждению» [7, с. 41]. Утвердительное предложение естественного языка выражает всегда одновременно и неразличенно саму мысль и экзистенциальное полагание мыслимого: «Признание истинности мысли мы выражаем в форме утвердительное предложения. При этом нам не требуется слово «истинный». И даже если мы употребляем это слово, собственно утверждающая сила принадлежит не ему, а форме утвердительное предложения» [7, с. 84].

Понятно, что Гуссерль не мог серьезно принимать в расчет подобные затруднения, ибо язык сам подлежал редукции, он не имел трансцендентальных полномочий. Если же языку, как мы условились в начале данного анализа, будет приписан первичный конститутивный статус, то данное открытие Фреге представляет собой серьезное препятствие на пути осуществления обсуждаемой методической процедуры. Гуссерль не заметил, что произвести рефлексию над актами бытийного полагания не позволяют выразительные возможности того естественного языка, который он использовал в феноменологии. Произнося «На улице идет дождь», феноменолог оказывается неспособным четко различить и зафиксировать в рефлексии мысль, выражаемую этим предложением и суждение об истинности этой мысли. Это значит, что язык неминуемо затягивает трансцендентального философа в трясину естественной установки, не позволяя нащупать никакой надежной опоры, чтобы удержаться в сфере чистой мысли. В этом смысле, язык всегда опережает рефлексивный взор на один шаг, расставляя на его пути подобные «референциальные ловушки». Но философы-аналитики стремящиеся к разрешению этих ловушек осуществляют изучение смыслов языковых структур без внимания к субъективным процессам познания, переживанию смыслов в познающей субъективности. Это, в сущности, приводит к взаимодополнительности указанных подходов по отношению к проблеме смысла и онтологической референции.

Заключение

Таким образом, отметим, что как бы прочно язык не «цементировал» границы данности смысла, не обеспечивал его ясность и доступность, без сознания, которое «осуществляет себя» в этом смысле, дескрипция опыта выглядит явно не полной. Поэтому Гуссерль переходит от слов языка не к смыслам, как это сделали аналитики, а именно к смыслополагающим, интенциональным актам, без которых язык мертв.

Именно взаимодополнительность подходов обоих авторов достаточно полно раскрывает проблему объективности смысла и онтологического статуса его объектов. Известно так же, что логическая система Фреге, в которой формулы представляются в виде деревьев, явилась прообразом семантических сетей, которые успешно используются при программировании систем с элементами ИИ, а учение Гуссерля представляло смысл как независимый от психологических компонентов, хотя и сопровождаемый ими. Основываясь на общем неприятии психологизма в логике и математике, оба автора приписывают смыслу статус идеального бытия и оба утверждают возможность непосредственного схватывания этого элемента в особом интеллектуальном опыте (акт идеации у Гуссерля). Такие тезисы отчетливо противостоят психологизму, в котором утверждалось, что любое универсальное содержание является продуктом психической активности субъекта при обработке непосредственно данных чувственных содержаний. Более того, становится очевидно, что при решении достаточно весомой проблемы позитивно-научных исследований сознания – проблемы «mind-body», все больше и больше обращает на себя внимание со стороны когнитивной науки феноменологический подход. Исследования подобной направленности чрезвычайно актуальны при обсуждении понятия первичной (original) и производной (derivative) интенциональностей. Первая означает непосредственно данный в субъективности «внутренний» предмет в корреляции с самим актом познания, вторая – «внешним образом» (т.е. за счет окружающей социальной среды) приписанный субъекту предмет познания. Вопрос о том, обладает ли искусственный интеллект первичной интенциональностью или довольствуется лишь ее производными

формами, навязанными ему из вне человеческим сообществом, является достаточно важным и должен решаться сквозь призму рассмотрения проблемы объективности смысла и его взаимосвязи с недискретной, темпоральной природой смыслополагающих актов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисов, Е. Проблема интерсубъективности в феноменологии Э. Гуссерля / Е. Борисов // Логос. – 1999. – № 1 (11).
2. Витгенштейн, Л. Несколько заметок о логической форме / Л. Витгенштейн // Логос. – 1995. – № 6.
3. Гуссерль, Э. Феноменология внутреннего сознания времени / Э. Гуссерль. – М. : «Гнозис», 1994.
4. Гуссерль, Э. Амстердамские доклады / Э. Гуссерль // Логос. – № 3. – 1992.
5. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. – М. : ДИК. – 1999.
6. Фреге, Г. Смысл и значение / Г. Фреге // Избранные работы. – М. : ДИК, 1997.
7. Фреге, Г. Мысль: логическое исследование / Г. Фреге // Логические исследования. – Томск : Водолей, 1997.
8. Фреге, Г. О научной оправданности понятийного письма / Г. Фреге // Метафизические исследования. – 1999. – № 12.
9. Фреге, Г. Основоположения арифметики / Г. Фреге. – Томск, 2002.
10. Гуссерль, Э. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. – Новочеркасск : «Сагуна», 1994.
11. Рассел, Б. Философия логического атомизма / Б. Рассел. – Томск, 1999.
12. Тарский, А. Семантическая концепция истины и основания семантики / А. Тарский // Аналитическая философия: становление и развитие (антология). – М. , 1998.

Demirov V.V. Comparative Analysis of Husserl and Frege Doctrines in Aspect of the Problem of Objectivity of Sense

This article is devoted to the explication of a problem of objectivity of sense and ontological reference, specifying in an ontological plane of crossing of subjects of consciousness and language in a context of phenomenology-linguistic discussions. In the article consider ontological bases of thematic unity of the problems of consciousness and language is considered through a prism of the conceptually-theoretical models specifying intentional analysis of consciousness at Husserl and the semantic analysis of language at Frege is carried out. In this theme, the necessity of an explication of a parity of phenomenological and linguistic reductions comes to light. Reduction carrying out in language is directed on difference fixing between catch of thought (as neutral acceptance to attention of some conceivable state of affairs without the decision of a question on the validity of the last) and judgment as the recognition of the validity of thought. For consciousness reduction carrying out is directed on difference fixing between pure representation of a semantic reality of a subject from consideration this subject as the existing. The author of the article comes to conclusion that Sense [Sinn] in the context of the specified problems and approaches is necessary to define as neutral (in relation to validity value and empirical existence of its reviewer), objectively-universal medium-system establishing the certain form of relation between consciousness and subject, sign and value.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 18.10.2010

УДК 101.8

Е.А. Лагуновская

ЦЕННОСТИ ХРИСТИАНСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

В статье категориально воссоздаются ценности христианства как система моральных средств-регулятивов, побуждающая к совершенствованию духовного мира человека, валидная в нравственном отношении для современного общества. Анализируются место и роль ценностей христианства в духовной жизнедеятельности белорусского народа в зависимости от социально-экономических и социокультурных особенностей современного этапа общественного развития. Исследуются ценности христианства как основа для развития содержания нравственной культуры современного белорусского общества в контексте их направленности на эффективное использование созидательного потенциала каждого индивида, социальной группы, всего социума.

Введение

В ряду социальных феноменов, претендующих на важную роль в решении духовных проблем современности, особое место принадлежит религии, конструктивный потенциал которой в постиндустриальном обществе остается недостаточно востребованным. Христианству более 2000 лет, но его гуманистические, этические и эстетические ценности по-прежнему актуальны. Ценности христианства эксплицируют призыв к нравственному совершенствованию, поскольку философия христианства сконцентрирована на постижении основ духовного мира человека. Изучение христианских ценностей значимо по причине их влияния на формирование мировоззрения, поведенческих установок личности и социума. Вышеперечисленные тезисы актуализируют внимание не только на способности христианских ценностей воплощать в себе мировоззренческую парадигму, но и на потенциальной возможности формировать и корректировать мировоззрение, оказывая позитивное влияние на духовно-нравственное развитие общества.

Духовно-нравственные основы христианства

Специфика христианской философии заключается в ее сопряженности с религиозной идеологией, основанной на принципах откровения, представленного в Библии, и монотеизма. Центральной идеей христианства является идея «завета», связывающая воедино «Ветхий завет» и «Новый завет» и обозначающая взаимное обещание верности союза, который Бог заключает со своими избранниками. Новый завет (Союз) Бога с людьми реализуется через великую миссию и крестную смерть (с последующим Воскресением Иисуса Христа) как основа христианского мировоззрения. Ценности Ветхого завета детерминируют отношения человека с внешним – природным и социальным миром и как моральные средства-регулятивы утверждают определенные конструктивные социальные формы поведения, общения, деятельности, отвергая эгоистические и авторитарные нормы, установки и оценки. Подтверждая ветхозаветные ценности, Новый завет, дополняет его принципиально новыми нравственными положениями, которые отличают христианскую мораль от традиционных норм общечеловеческой нравственности.

Научный руководитель – О.Г. Слука, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии и методологии университетского образования Республиканского института высшей школы

Ценности Нового завета, конституирующие отношение человека к другому человеку и к самому себе, основаны на принципе жертвенной любви и доброжелательного отношения ко всем людям. Ценность любви как главного морального чувства и состояния, обуславливающего духовно-нравственные цели, мотивы, намерения, установки и смысложизненные ориентации христианина, определяет его личностное отношение к социальной действительности: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15: 13). Ценность жертвенной любви понимается в философии христианства как основа всех остальных ценностей, квинтэссенция духовности и нравственного самосовершенствования человека. Мучительная смерть Богочеловека за грехи всего человечества является высшим проявлением Божественной любви к людям, что раскрывает уникальность места христианства в истории религий [1, с. 97].

Христианский Бог как основа духовного мира человека оказывает существенное влияние на осмысление проблемы духовности. Духовно-нравственные основы христианства, с одной стороны, возводят ум человека к запредельному, возвышенному (идея Бога); с другой стороны – обращаются к проблеме повседневности, что выражается в формах благочестия (в соответствии с православной традицией). Таким образом, происходит постоянная корреляция: трансцендентное (потустороннее) – имманентное (посюстороннее, земное). Если духовность характеризует высшие, «вертикальные» устремления личности, то нравственность – сфера ее «горизонтальных» устремлений, отношений с людьми и обществом [2, с. 13]. В соответствии с христианской философией, осмысление проблемы духовности осуществляется на основе универсальной системы нравственных координат, воплощенных в абсолюте.

Христианский идеал, заповеди, принципы поведения, нормы и оценки как духовные законы морально-нравственного совершенствования отражают структурные системные связи между «внутренним миром человека» и окружающим его миром, между самими людьми. Христианский морально-нравственный идеал воплощает личность Иисуса Христа – пример нравственного совершенства. Достижение морально-нравственного идеала предполагает реализацию человеком в своей повседневной жизни нравственных форм поведения, общения и деятельности, конституированных в христианских заповедях. При этом важную роль в системе моральных средств-регулятивов христианства играют мотивы поступков, характеризующие уровень развития нравственной культуры личности.

В философской системе христианства большое значение имеют ценности, которые обеспечивают функционирование общества, его воспроизводство как собственно человеческого образования, отражая социальную и политическую жизнь человека и общества. Это такие ценности как семья, общество, государство, права человека, политические свободы.

Духовные ценности христианства, выражая смысл существования человека и его жизнедеятельности, определяют отношение личности к самой себе и своему внутреннему миру. К таким высшим ценностям относятся любовь, свобода, истина, добро, чувство долга, совесть, характеризующие степень восхождения человека к христианскому идеалу, достоинство и свободу личностного выбора. Выступая важнейшими проявлениями человеческого существования, эти ценности являются показателем степени духовности человека, демократизации и гуманизации общества, взаимной ответственности людей.

Ценности самоконтроля, саморегуляции, самовоспитания и самодисциплины как моральные средства-регулятивы направлены на сознательное самоограничение человеком своего деструктивного начала и преодоление любого негативного воздействия окружающей среды. Христианская ценность стремления к самосовершенствованию формирует вектор, направляющий жизнь человека на реализацию всего потенциала своей

духовности. Ценность любви к ближнему – любому другому человеку, оказавшемуся рядом в данный момент времени, равно как и терпимость, является стержнем христианской нравственности. Любовь и терпимость формируются на основе рефлексивных ценностей: осознания своего достоинства, совести, свободы воли, стремления к самосовершенствованию, выражающих отношение личности к самой себе и своему внутреннему миру. Нравственное совершенствование, достигаемое на основе моральной рефлексии в процессе самооценки, самоконтроля, самовоспитания и самодисциплины, является результатом духовно наполненной жизни. В системе христианских ценностей духовно-нравственному развитию и постоянному творческому самосовершенствованию соответствует смысл человеческого существования.

Ценности христианства в контексте развития нравственной культуры современного белорусского общества

В контексте развития нравственной культуры современного белорусского общества понятие «христианские ценности» употребляется для обозначения некоторых высших принципов жизни, поведения, норм и идеалов, к которым стремится общество, однако характер и формы их репрезентации в индивидуальной и социальной практике могут меняться. Это означает, что ценности христианства как явления динамичные в своей сущности представляют диалектическое единство устойчивости и изменчивости, т.к. выступают в качестве морально-нравственного идеала, образца поведения и оценочного основания во всех сферах жизнедеятельности социума, однако характер и формы их репрезентации зависят от конкретных социально-экономических и социокультурных особенностей определенного этапа общественного развития.

Позитивная роль ценностей христианства в контексте развития нравственной культуры современного белорусского общества состоит в том, что они направлены на выявление имеющихся негативных стереотипов мышления и поведения, опасных для духовного возрождения и социальной активности народа. Христианские ценности в многоконфессиональном и многонациональном государстве призваны выступить в качестве определяющего оценочного основания ко всем видам и сферам человеческой деятельности. Для преодоления религиозных, национальных, политических, любых других проявлений нетерпимости и дискриминации, препятствующих целостности и стабильности современного белорусского общества, нужно обязательно изменить воззрения людей, и этого можно достигнуть за счет необходимых социальных перемен и духовно-нравственного развития личности и социума.

На современном этапе значительно возросший интерес белорусского общества к христианству требует преемственности христианского просвещения со стороны семьи, педагогов, а также через системы образования и воспитания, научные организации, учреждения культуры, средства массовой информации. В жизнедеятельности современного белорусского социума приобщение к ценностям христианства призвано выступить мощным и эффективным позитивным средством преодоления влияния лжедуховности деструктивных сект и бездуховной атмосферы общества потребления. Ценностные ориентации христианства удовлетворяют экзистенциальные потребности людей и, предоставляя ответы на вызовы времени, открывают богатейшие возможности перед каждым к постоянному духовному росту. Специфика ценностей христианства как системы морально-нравственных средств-регулятивов заключается в том, что, обращаясь к духовному началу личности, они ориентированы на изменение и самоизменение человека (группы, общности), а управление этим процессом осуществляется не «извне», а «изнутри» (без опоры на внешние санкции, страх наказания или общественного мнения), т.к. выражает отношение личности к самой себе и своему внутреннему миру.

В процессе жизнедеятельности современного белорусского общества христианские заповеди, принципы поведения, общения и деятельности, нормы и оценки целесообразно относить к средствам социальной связи и взаимодействия между сферой духовного и практической деятельностью по его трансформации в систему поступков и наличной культуры. В материальной и духовной сфере система христианских ценностей служит ориентиром для определения допустимого (выступающего как импульс созидательной деятельности белорусского народа) и недопустимого (удерживающего негативные поведенческие интенции от выхода во внешний мир) в человеческой жизни. В контексте развития нравственной культуры белорусского социума высокий статус ценностей христианства, укрепление их в его духовной сфере будет способствовать устранению причин неустойчивости социальных систем и отрезонирует в социально-экономической и политической сферах.

В многонациональном пространстве Республики Беларусь ценности христианства, раскрывающие отношения человека с внешним миром (морально-нравственный идеал, заповеди, нормы поведения, общения и деятельности), валидны рациональным принципам толерантности, взаимоуважения, открытой коммуникации, гибкой, а не силовой стратегии решения конфликтов и преодоления кризисов. Однако данные знания и идеи вне системы идеалов и убеждений не обеспечивают целостности современного белорусского общества и сохранения самобытности белорусской национальной культуры. Ангажирование ценностей христианства силами интеллигенции, способной воздействовать на сознание народа, призвано укрепить эмоционально-чувственный, массово-психологический уровень функционирования и проявления нравственной культуры белорусского общества. Знакомство с этической проблематикой евангельского учения, нравственным выбором Иисуса Христа, поступками верующих – исторических персон и наших современников – способно изменить экзистенциальный опыт личности, оказать большое влияние на формирование ее культуры чувств. Актуализируя духовные стремления личности, христианские ценности любви, терпения и прощения способны оказать конструктивное влияние на коммуникативные стороны межличностных процессов. Рефлексивные ценности христианства как основа нравственного самоанализа, ориентированного на самосовершенствование, призваны стимулировать реализацию нравственных норм в жизнедеятельности конкретной личности. Основными средствами достижения данной цели являются средства массовой информации и системы передачи данных.

В условиях общества потребления, ориентированного на массовую культуру, нельзя всю ответственность за информирование белорусского народа о ценностях христианства возложить исключительно на церковь. В контексте развития нравственной культуры современного белорусского общества представляется целесообразной просветительская работа в данном направлении как со стороны педагогов, так и со стороны СМИ.

Организации, систематизации и целенаправленности процесса развития содержания нравственной культуры современного белорусского общества призвано способствовать, с одной стороны, знакомство с ценностями христианства на предметах социогуманитарного цикла при рассмотрении проблемы смысла жизни; а с другой стороны – обращение к проблеме самореализации в повседневности, актуализирующее реализацию принципов нравственного поведения. Таким образом может быть организована постоянная корреляция объективных и субъективных условий формирования созидательного сознания белорусского народа. Если на предметах социогуманитарного цикла при рассмотрении проблемы смысла жизни будет происходить знакомство с высшими, духовными потребностями личности, то обращение к проблеме самореализации призвано артикулировать рациональный анализ субъектом своей духовной жизни и выработку им на его основе индивидуальных нравственных принципов, характеризующих

сферу «горизонтальных» устремлений конкретной личности, ее отношений с людьми и обществом.

В современном белорусском обществе одной из главных особенностей влияния христианских ценностей на поведенческий аспект нравственной культуры личности является формирование ее сознательного и творческого отношения к социальной действительности и собственным возможностям. Христианские установки призывают восстановление страны, различные экономические и политические преобразования в ней начинать с взятия ответственности за свою жизнь, с того, чтобы начать следовать морально-нравственным нормам. Категория «ответственность» является связующим звеном в понимании перехода от личной веры человека, его духовной жизни, к воплощению ее на практике, в повседневных делах. Принципиальная важность данных положений христианства на современном этапе состоит в том, что они призывают человека быть вменяемым автором своих действий, но не взваливать на себя «всю тяжесть мира» [3, с. 102].

В жизнедеятельности современного белорусского общества ориентация на христианские ценности в условиях принятия решений относительно различных жизненных ситуаций обуславливает выбор с учетом нравственных позиций. В современном мире любые проявления нравственной деградации людей могут привести к глобальной катастрофе, ибо от нравственных качеств, чувства ответственности человека за свои поступки, его отношения к делу зависит судьба отдельных народов и мира в целом. Соблюдение или нарушение нравственных норм определяет духовное состояние каждого человека и духовный потенциал любого общества в целом. Исходя из земных задач человека и выполняемых им функций, ценности христианства, рассматриваемые с позиций науки, раскрывают смысловое содержание деятельности каждого человека, возможности достижения им гармонии отношений с самим собой, окружающими и миром.

Система христианских ценностей, основанная на непрестанном влечении к совершенному идеалу, обладает возможностью раскрытия созидательного потенциала белорусского народа. Стремление общества к реализации всего потенциала своей духовности – фундамент его устойчивого развития и одновременно каркас здания плодотворной человеческой жизни, имеющей цель и смысл. Осознание каждым гражданином Республики Беларусь морально-нравственных заповедей христианства как основных нормативных принципов общественной жизни в состоянии обеспечить синтез всех духовных и материальных факторов достижения благосостояния общества, его стабильности и возможностей конструктивного развития.

В жизнедеятельности современного белорусского общества христианские ценности, практически воплощенные в соблюдении заповедей, репрезентуя общечеловеческое в духовности, способны выступить как идеальная форма всеобщности, непосредственно обнаруживающая себя в диалоге культур. Процесс социальной коммуникации должен осуществляться на основе общечеловеческих христианских ценностей, т.е. того гуманистического духовного опыта, который не нарушает ни права верующих, ни права атеистов. Формирование нравственной культуры современного белорусского общества должно исходить из осознания того обстоятельства, что спектр выбора возможностей созидательного социального развития весьма ограничен, и строится на четком понимании необходимости развития содержания духовной сферы социума. Система ценностей христианства в контексте развития нравственной культуры современного белорусского общества представляется потенциальным действенным механизмом и эффективным средством всестороннего развития и объединения белорусского социума, организационной формой наиболее полной и целенаправленной реализации его важнейших духовно-культурных интересов.

Выводы

Анализ места и роли христианских ценностей в развитии нравственной культуры белорусского социума позволяет сделать ряд выводов:

1. Христианские ценности есть репрезентация кардинальной экзистенциальной парадигмы духовно-нравственного развития общества, независимо от конкретного исторического периода, однако характер и формы этой репрезентации зависят от конкретных социально-экономических и социокультурных особенностей определенного этапа общественного развития.

2. Христианские ценности выступают в качестве образца поведения, морально-нравственного идеала, способного как оценочное основание во всех сферах жизнедеятельности социума создать условия для формирования созидательного сознания белорусского народа. Специфика воздействия ценностей христианства на актуализацию активной творческой деятельности заключается в том, что, обращаясь к духовному началу личности, они ориентированы на изменение и самоизменение человека (группы, общности), а управление этим процессом осуществляется не «извне», а «изнутри» (без опоры на внешние санкции, страх наказания или общественного мнения), т.к. выражает отношение личности к самой себе и своему внутреннему миру.

3. В контексте формирования нравственной культуры белорусского социума ценности христианства как моральные средства-регулятивы могут быть представлены тремя основными группами: 1) ценности, раскрывающие отношения человека с внешним миром (христианский морально-нравственный идеал, библейские заповеди, принципы поведения, общения и деятельности, нормы и оценки); 2) ценности, выражающие личностное отношение человека к социальной действительности (любовь как главное моральное чувство и состояние, духовно-нравственные цели, мотивы, установки и ценностные ориентации); 3) рефлексивные ценности, выражающие отношение личности к самой себе и своему внутреннему миру (достоинство, совесть, свобода, стремление к самосовершенствованию: нравственное самосознание, самооценка, самоконтроль, саморегуляция, самовоспитание, самодисциплина и др.).

4. Механизм духовно-нравственной регуляции общественных отношений, сформированный в русле традиционных для Республики Беларусь христианских конфессий, включает совокупность устойчивых моральных средств-регулятивов (ценностей, норм, установок, обычаев и др.), обладает возможностью достижения цели согласования повседневных личных и общественных интересов, регламентации обязанностей и прав граждан, обеспечения целостности и стабильности общества и государства.

5. В жизнедеятельности современного белорусского социума приобщение к ценностям христианства призвано объективировать свободный и ответственный выбор человеком своей судьбы и предназначения, а также смысл жизни, проистекающий из чувства сопричастности непреходящим ценностям, понятным и соразмерным его индивидуальным устремлениям, выступить мощным и эффективным позитивным средством преодоления дискриминации в религиозных отношениях, деструктивного влияния сект и массовой культуры как факторов, препятствующих формированию созидательного сознания народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кураев, А. Христианская философия и пантеизм / А. Кураев. – М. : Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1997. – 228 с.
2. Печенко, М.Ф. Ценности, молодежь и христианская культура / М.Ф. Печенко // Ценностные ориентации белорусской молодежи на рубеже XXI века : материалы регион.

науч.-практ. конф., Могилев, 3–4 февр. 1998 г. / Могилев. гос. ун-т ; редкол. : Е.М. Бабосов [и др.]. – Могилев, 1998. – С. 11–13.

3. Тузова, Т.М. Ответственность как личностная структура: между предельностью и эмпирической разрешимостью понятия / Т.М. Тузова // Философия как самопонимание культуры и посредник в диалоге культур : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 17–18 ноября 2005 г. / НАН Беларуси, Ин-т философии ; науч. ред. В.Н. Новиков [и др.]. – Минск, 2006. – С. 100–109.

Lahunouskaya A.A. Values of Christianity in Forming the Moral Culture of Modern Belarusian Society

The author's understanding of the place and role of Christian values in the history of the formation of the Belarusian nation and state is given. The mechanism of spiritual and moral regulation, formed in line with the traditional confessions of the Republic of Belarus in individual and social practice of Christians, is revealed. The categorical apparatus of social philosophy is applied to the theoretical analysis of Christian values in the process of formation and development of moral culture of modern Belarusian society.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 20.12.2010

УДК 331.108

С.В. Решетников, Т.С. Решетникова

СТАНОВЛЕНИЕ МЕТОДОЛОГИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В статье исследуются такие фундаментальные понятия политической науки, как функциональный подход, функциональный анализ, политический функционализм, общественная политика, методология политической науки, политическая проблема, политическое решение, описание политики, объяснение политики, инструментаризация политики, оценка политики, государственная политика и управление. Рассматривается сущность концептуального содержания функционального подхода как направления политической науки, а также его методологического и аналитического инструментария исследования общественной политики.

В фундаментальном труде «Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза», вышедшем под редакцией С.У. Ларсена, выделяется пять ведущих методологических подходов: бихевиоризм, функционализм, системный анализ, теория рационального выбора, неинституционализм. Функционализм содержит идею о том, что «общество скрепляется посредством определенных необходимых задач и функций, которые хотя и постоянны, но в разное время принимают различные формы» [1, с. 34–35].

Функциональный подход ориентирован на поиск значения факта по отношению к общественному целому и применяется в различных науках. Различают философскую, психологическую, лингвистическую, социологическую, политологическую разновидности функционализма [2, с. 5]. У. О'Брайен считает, что функциональный подход связан с бихевиоризмом и успешно используется в психологии и медицине [3].

В дальнейшем основы функционализма разрабатывались антропологами Б. Малиновским и А. Рэдклифф-Брауном, которые дали определение функции и выделили базовые постулаты функционализма. Антропологи рассматривали общество как адаптивную систему, где все части служат удовлетворению потребностей системы, обеспечивая ее существование и достижение социального равновесия во внешней среде. Рэдклифф-Браун провел исследование структуры и определил ее как упорядоченное расположение людей, имеющих между собой институционально контролируемые отношения. Итак, можно сделать вывод, что исследование структуры общества неотделимо от исследования функций [15, с. 65].

Б. Малиновский под функцией понимал способность того или иного культурного образования соответствовать специфической общественной потребности. Единицы человеческой организации он называл институтами культуры. По Малиновскому, антропология только тогда станет научной, когда она будет пользоваться двумя типами анализа – институциональным и функциональным [14, с. 74]. Малиновский утверждал, что функцию (от лат. «осуществление») следует понимать как внешнее проявление свойств какого-либо объекта, как наблюдаемые следствия частей (подсистем) по отношению к более широким системам, в которые они входят. Функция элемента (части) объекта задается на основе принципа «включения», т.е. выводится из характеристик и потребностей более широкого целого [14, с. 86]. С точки зрения Малиновского, функциональный метод стимулирует интерес к изучению соотношения между отдельно взятыми обычаями, институтами и аспектами культуры [14, с. 452, 460].

Огромный вклад в развитие структурно-функционального подхода внесли социологи Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, Р. Мертон, Н. Луман, которые рассматривали проблемы «общественного согласия», амбивалентности реализуемых функций, нормативных составляющих, обеспечивающих социальное единство. Теоретическое и методологическое обоснование структурного функционализма дал Э. Дюркгейм. Этот ученый выдвинул идею, согласно которой важнейшей функциональной предпосылкой существования общества является потребность в социальном порядке. В работе «Метод социологии» он различал каузальные объяснения (поиск причины явления) и *функциональные объяснения* (выявление «работы», которую явление выполняет в «установлении общей гармонии»). Общественное развитие сопровождается дифференциацией функций и профессий (разделением труда). Это ставит проблему сплоченности (солидарности). Специализация и разделение труда обеспечивают безличную *функциональную зависимость*, которая усиливает социальное единство. По мнению Дюркгейма, структура предполагает функцию и вытекает из нее. Институты не устанавливаются декретами, они – следствие социальной жизни. Структура – это утвердившаяся функция, это действие, которое выкристаллизовалось и стало привычкой. Для постижения основ социальных феноменов необходимо обратиться главным образом к изучению функций [16, с. 193].

Современный политолог Ч. Эндрайн, опираясь на работы Дюркгейма, пришел к выводу, что политическое развитие означает переход от функциональной стадии к дифференцированным системам современных индустриальных обществ. Народные (или племенные) системы характеризовались минимальной ролевой специализацией, а глава племени выступал как политик, ответственный за принятие решений. В индустриальных обществах всеобщий характер приобретает ролевая дифференциация, а чувство солидарности формируют государственные институты [25, с. 233].

М. Вебер был тем социологом, которому удалось применить структурно-функциональный анализ к политике. Рационализация социального действия, согласно М. Веберу, воплощается в образе *политики как рационально функционирующего предприятия* по обеспечению легитимного господства. Системная организация такого предприятия проявляется в том, что люди, в него включенные, исполняют роли «политиков по случаю», «политиков по совместительству» и «политиков по профессии». Веберовская концепция политики представляет собой модель макросоциальной структуры властных отношений, в которой граждане выполняют определенные роли. Вебер писал: «Будучи членами социальных групп, индивиды являются продуктом социальной организации» [26, с. 569].

Дальнейшее развитие структурно-функционального анализа показало, что проблема соотношения функций и институтов (структур) весьма сложна: существуют отмирающие и нарождающиеся институты, институты с фиктивными функциями, обслуживающие только самих себя (бюрократические институты в тоталитарных системах), полифункциональные и монофункциональные институты, одна и та же функция может выполняться разными институтами, одни функции могут быть явными, другие – латентными, одни институты работают на интересы социума, другие – отдельных индивидов и групп.

Все эти трудности требовали усложнения методики структурно-функционального анализа, за совершенствование которой взялся Т. Парсонс. Проблема выделения политической подсистемы и ее отношений с социальным целым – это, прежде всего, проблема функций политики по отношению к неполитическим подсистемам. Функциональное назначение политики – *целедостижение*. Функциональное назначение власти в политической системе – мобилизация ресурсов общества для достижения поставленных целей и принуждения к исполнению своих предписаний. Анализ полити-

ки здесь не ограничивается рассмотрением функций государства, а затрагивает различные человеческие общности и коллективы (деловые компании, университеты, религиозные общины). Парсонс утверждал, что «в развитии современных обществ государство все более дифференцируется от социетального сообщества как специализированный орган общества, составляющий ядро его политической системы» [17, с. 30].

Парсонсу свойствен *нормативный функционализм* (normative functionalism), поскольку ядро его концепции – акцент на ведущей роли, выполняемой ценностями и ценностным консенсусом во всей интеграции обществ.

Оценивая структурно-функциональную теорию, немецкий социолог Н. Луман писал, что она исходит из определенных структур системы и объясняет, какие функции служат поддержанию этого структурного образца [27, с. 13].

Луман обращает внимание на то, что функционирование политической системы призвано обеспечить возможность проведения решений в жизнь и достижение согласия по их поводу. Общество – «операционно закрытая система», основанная на различении собственной границы и редукции возможных событий, с которыми она столкнется, а также вариантов их развития. Концепция *операционной закрытости* позволяет объяснить изменения политической системы внутрисистемными механизмами функционирования политики [28, с. 241].

Особое внимание Луман уделял проблеме *функциональной дифференциации*, которая представляет собой наиболее сложную форму дифференциации в современном обществе. Хотя каждый элемент выполняет свою функцию, различные элементы могут достичь определенной степени независимости. Луман вводит понятие *кода*, понимаемого как способ отделения элементов системы от элементов, которые системе не принадлежат. Код представляет собой «язык» функциональной системы. Например, в системе науки код – это истина (в сравнении с заблуждением). В теории Лумана ни одна система не использует и не понимает кода другой системы. Не существует способа перевести код одной системы в код другой системы [29, с. 231].

Для политического анализа особенно важен вывод Лумана, что функциональная дифференциация требует перемещения проблем с уровня общества на уровень его подсистем. Особое внимание Луман уделял *функционально-коммуникативной подсистеме* политики, которая обеспечивает связь между структурными элементами политической системы, ее целостность, процесс передачи информации от органов государства к гражданам. Функционально-коммуникативная подсистема является инструментом преобразования социальных требований в политические решения, обеспечивает обратную связь в системе.

Классический анализ функций социальной системы был проведен Р. Мертоном. Разработка Мертоном функционального подхода строится на критике функционалистских моделей представителей социальной антропологии первой четверти XX в. и модели структурно-функционального анализа Т. Парсонса. Мертон подверг критике три основных постулата социальных антропологов: 1) постулат функционального единства общества, согласно которому все социальные явления имеют позитивное функциональное значение; 2) постулат универсального функционализма, согласно которому все существующие социальные явления выполняют положительные функции; 3) постулат функциональной необходимости: все социальные явления необходимы и незаменимы. Эти постулаты, разработанные на базе исследования относительно небольших и слабо дифференцированных бесписьменных обществ, не подходят для исследования сложных обществ индустриального типа. Критикуя первый постулат, Мертон указал на необходимость исследования последствий того или иного явления для разных структурных подразделений сложно дифференцированного общества. Второй постулат Мертон оценивал как тавтологию: любое явление может иметь для системы в целом не только

позитивные последствия, но и негативные, ведущие к дезинтеграции. В связи с этим Мертон ввел понятие *дисфункции* и выдвинул методологическое требование изучения как функциональных, так и дисфункциональных последствий тех или иных социальных явлений для системы в целом и для отдельных ее частей.

Мертон выдвигает понятие *функциональных альтернатив* (функциональных эквивалентов, или функциональных заменителей) и формулирует теорему функционального анализа: «Точно так же, как одно и то же явление может иметь многочисленные функции, так и одна и та же функция может по-разному выполняться различными явлениями» [30, с. 410].

Мертон использовал понятие *нонфункций*, которые определял как последствия, которые не относятся к рассматриваемой системе. Для решения вопроса, перевешивают ли функции дисфункции, Мертон разработал концепцию *чистого баланса*. С точки зрения чистого баланса некоторые явления будут более функциональны для определенных социальных единиц и более дисфункциональны для других [29, с. 133].

Таким образом, Мертон пришел к выводу, что требование однозначного соответствия функции конкретному элементу не является обязательным: может существовать ряд структур, которые способны выполнять ту или иную функцию; социальный ученый должен учитывать наличие функциональных альтернатив (или заменителей). Мертон ввел понятие «социологическая амбивалентность», обозначающее, что некий элемент, способный выполнять позитивные функции, может также играть и дисфункциональную роль в этой же системе. При исследовании тех или иных реалий приходится сталкиваться со случаями, когда субъективные цели совпадают с объективными последствиями и когда они расходятся. Для учета данного разграничения ученый ввел понятия «явные функции» и «латентные функции»: «Явные функции – это те объективные последствия, которые вносят свой вклад в регулирование и приспособление системы и которые осознавались и признавались участниками системы. Латентные функции – объективные последствия, которые не входили в намерения акторов и (или) не были осознаны. Подобное разграничение функций позволяет понять стандарты социального поведения, которые на первый взгляд кажутся иррациональными» [30, с. 428]. Как структурно-функциональная, так и собственно функциональная методологии широчайшее распространение получили в современной политической науке. Во-первых, структурно-функциональный подход используется для изучения отдельных институтов политической системы. Так, А.С. Молокиным с помощью структурно-функционального анализа проведено исследование влияния партий на процесс принятия решений [31, с. 13]. Б.Ю. Калинин применил структурно-функциональный подход для изучения оппозиции как института политической системы и пришел к выводу, что «политической оппозиции необходимо легализоваться и легитимироваться, совершенствовать функциональные свойства, иметь и расширять связи с обществом, способствовать его переходу в гражданское состояние» [32, с. 9, 15].

Во-вторых, структурно-функциональная и функциональная методологии используются при изучении различных аспектов политического сознания. В частности, Р.А. Троско выделена ведущая социально-политическая функция политической идеологии – защиты и изменения общественного строя [33, с. 11].

И.А. Толстик провела функциональное исследование *медиа сферы* в условиях глобализирующегося мира в политико-экологическом аспекте [34, с. 74–75].

Н.В. Скок сделал вывод о полифункциональности политической культуры общества, показано, что многообразные функции политической культуры осуществляются в реальном политическом процессе синхронно [35, с. 70–73].

Ю.П. Бондарь провел функциональное исследование проблем становления политической науки на примере Беларуси и России, на основе которого автором было вы-

явлено новое, систематизированное научное знание о профессиональном становлении, легитимации и функционировании национальной политологии, ее роли в исследованиях политических процессов Беларуси и России [36, с. 19].

М.А. Бойко с помощью функционального анализа рассматривает *средства создания образа государства*. По мнению автора, «функция воздействия на получателя информации наиболее полно раскрывается в политическом дискурсе, изучение которого во многом пересекается с анализом языка СМИ» [37, с. 3, 11].

В-третьих, можно выделить группу публикаций, отражающих функциональные аспекты политической системы. Так, А.Н. Таубергер провел функциональный анализ *тоталитаризма*, делая акцент на продуктивность функциональной методологии в изучении внутренних связей и отношений в системе, которые обладают особенностями структурного и генетического плана [38, с. 8].

А.В. Стром выделяет *функционально-коммуникативную подсистему*, которая связана с реализацией отношений борьбы-соперничества-сотрудничества, субординации-координации; господства-подчинения и включает «совокупность форм и принципов взаимодействия субъектов политических отношений внутри политической системы и на международной арене, каналы коммуникации между властными центрами и гражданами» [39, с. 10].

Вклад в изучение функций социально-политических институтов внесли представители теории конфликта. Если сторонники структурного функционализма изучали состояние динамического равновесия общества, то для теоретиков конфликта всякое общество в любой момент испытывает непрерывное изменение. Структурные функционалисты подчеркивают упорядоченность общества, а теоретики конфликта – разногласия и конфликты в каждой точке социальной системы. Представители теории конфликта считают, что многие социальные элементы вносят вклад в дезинтеграцию и изменения. Функционалисты полагают, что общество объединяется неформальным образом с помощью норм, ценностей и принципов. Теоретики конфликта упорядоченность общества рассматривают как происходящую от принуждения одних членов общества другими [29, с. 147].

К.М. Акулов, проводя типологически-функциональный анализ *социально-политических конфликтов*, высказывает мнение, что «функция социально-политических конфликтов в обществе остается одной из неразработанных теоретических проблем социальной философии, так же, как и функция социально-политических противоречий. Социально-политические конфликты рассматриваются как своеобразные механизмы развития общества, институты, организации общества» [40, с. 8].

Отношение к функциональному подходу прошло сложную эволюцию, связано с противоречивыми оценками. Теоретики конфликта критикуют функционализм за то, что данный подход, концентрируясь на идее социального порядка, равновесия, согласованности ролей в обществе, оставляет за рамками анализа иные условия сохранения социального целого. По мнению Э.Г. Юдина, «наиболее простой в методологическом отношении синтез строится на основе функционального представления объекта изучения: различные характеристики объекта синтезируются в целостную картину при помощи системы функций, причем функция понимается в более широком смысле – как взаимосвязь, определяющая порядок включения части в целое. Совокупность же функций позволяет представить объект как иерархически организованную систему» [41, с. 151].

Э.Г. Юдин считает, что функциональная традиция анализа политики рассматривает ту роль, которую играют политические субъекты, институты и отношения в социальном бытии. Методология структурно-функционального анализа содержательна лишь постольку, поскольку «она не претендует на универсальность обеспечиваемых ею выводов... Именно поэтому функционализм оказывается эффективным исследователь-

ским средством при анализе малых социальных групп и при построении теорий... среднего уровня, и вместе с тем эффективность его резко падает при попытках выйти за эти пределы» [41, с. 151].

Итак, функциональный подход ориентирован на решение проблем, вытекающих из упорядоченности, организованности социально-политического бытия. По мнению А.Л. Стризове, «функциональный подход к политике связан с повышением уровня обобщения и в этом смысле может быть назван подходом, соответствующим уровню сложившихся философских систем» [42, с. 19].

В политологии функционализм имеет *процессуальное измерение*. В чем его принципиальное отличие от структурного функционализма? Теоретики структурного функционализма искали ответы на вопросы социальной эффективности, отталкиваясь, в первую очередь, от *структуры* социального явления. Функции ими рассматривались как следствия наличной, сложившейся структуры. Современный функционализм делает акцент собственно на действии, на так называемом «политическом перформансе», не подвергая сомнению сложившиеся и институционально закрепленные структуры социальной и политической систем. Проблема, которую решает функционализм в политической науке, – это *проблема оптимизации выработки и реализации различных направлений общественной политики*, а значит – оптимизации государственного управления в целом. Функционализм укладывается в ее реформистское направление социальной мысли, которое пришло на смену революционному.

Функциональная подсистема политики определяется формами политической деятельности, способами и методами осуществления власти. Она характеризуется совокупностью реальных функций, выполняемых официальными политическими институтами и гражданскими объединениями. Эта подсистема – основа политического режима, обеспечивающего сохранение существующей власти. Взаимодействия субъектов политики в рамках функциональной подсистемы сложны и многообразны, поэтому политические аналитики изучают политические процессы, исходя не только из их нормативного описания, но и из реальной расстановки политических сил.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза / под ред. С.У. Ларсена. – М. : РОССПЭН, 2009. – 751 с.
2. Порус, В.Н. Функционализм: методологическая программа или философская парадигма? / В.Н. Порус // Эпистемология & философия науки. – 2006. – Т. 8, № 2. – С. 5–15.
3. О'Брайен, У. Функциональный анализ (functional analysis) / У. О'Брайен // Академик. Психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2000–2010. – Режим доступа : http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_psychology/1240/. – Дата доступа : 10.01.2009.
4. Hempel, C.G. Aspects of scientific explanation, and other essays in the philosophy of science / C.G. Hempel. – New York : Free Press, 1965. – 505 p.
5. Демьянков, В.З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца XX века / В.З. Демьянков // Когнитивные аспекты лексикографии [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа : <http://infolex.ru/Funcfull.html>. – Дата доступа : 16.10.2010.
6. Филиппов, А.Ф. Функциональный подход в социологии / А.Ф. Филиппов // Современная западная социология : словарь / сост. : Ю.Н. Давыдов [и др.]. – М., 1990. – С. 380–383.
7. Крауз-Мозер, Б. Теории политики: методологические принципы / Б. Крауз-Мозер. – Харьков : Гуманитар. центр, 2008. – 254 с.

8. Чилкот, Р.Х. Теории сравнительной политологии: в поисках парадигмы / Р.Х. Чилкот. – М. : Инфра-М : Весь мир, 2001. – 558 с.
9. Стризое, А.Л. Политика и общество: социально-философские аспекты взаимодействия / А.Л. Стризое. – Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. – 339 с.
10. Платон. Избранные диалоги / Платон. – М. : Худож. лит., 1965. – 442 с.
11. Три эпохи государства и власти: Платон. Макиавелли. Сталин / сост. и коммент. Р.Р. Оганяна. – М. : Грифон, 2006. – 190 с.
12. Здравомыслов, А.Г. Структурно-функциональный анализ / А.Г. Здравомыслов // БСЭ. – 3-е изд. – М., 1976. – Т. 24, кн. 1. – С. 604–605.
13. Спенсер, Г. Изучение социологии : в 2 т. / Г. Спенсер. – СПб. : Ред. журн. «Знание», 1874–1875. – Т. 1. – 1874. – 305 с.
14. Малиновский, Б.К. Избранное: динамика культуры / Б.К. Малиновский. – М. : РОССПЭН, 2004. – 957 с.
15. Рэдклифф-Браун, А.Р. Метод в социальной антропологии / А.Р. Рэдклифф-Браун. – М. : Канон-пресс : Кучково поле, 2001. – 414 с.
16. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. – М. : Канон, 1995. – 349 с.
17. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М. : Аспект Пресс, 1997. – 270 с.
18. Bentley, A.F. The Process of Government / A.F. Bentley. – Cambridge : Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1967. – 501 p.
19. Truman, D.V. The governmental process : political interests and public opinion / D.V. Truman. – 2nd ed. – New York : Knopf, 1971. – 544 p.
20. Даль, Р. О демократии / Р. Даль. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 203 с.
21. Almond, G.A. Comparative politics : a developmental approach / G.A. Almond, G.V. Powell. – Boston ; Toronto : Little, 1966. – 348 p.
22. Спенсер, Г. Изучение социологии : в 2 т. / Г. Спенсер. – СПб. : Ред. журн. «Знание», 1874–1875. – Т. 1. – 1874. – 305 с.
23. Рэдклифф-Браун, А.Р. Метод в социальной антропологии / А.Р. Рэдклифф-Браун. – М. : Канон-пресс : Кучково поле, 2001. – 414 с.
24. Рэдклифф-Браун, А.Р. Структура и функция в примитивном обществе : очерки и лекции / А.Р. Рэдклифф-Браун. – М. : Вост. лит., 2001. – 303 с.
25. Эндрейн, Ч.Ф. Сравнительный анализ политических систем: эффективность осуществления политического курса и социальных преобразования / Ч.Ф. Эндрейн. – М. : Инфра-М : Весь мир, 2000. – 318 с.
26. Вебер, М. Избранное. Образ общества / М. Вебер. – М. : Юрист, 1994. – 702 с.
27. Луман, Н. Введение в системную теорию / Н. Луман. – М. : Логос, 2007. – 359 с.
28. Луман, Н. Власть / Н. Луман. – М. : Праксис, 2001. – 249 с.
29. Ритцер, Дж. Современные социологические теории / Дж. Ритцер. – 5-е изд. – СПб. : Питер : Питер принт, 2002. – 686 с.
30. Мертон, Р. Явные и латентные функции / Р. Мертон // Американская социологическая мысль / Р. Мертон [и др.] ; сост. Е.И. Кравченко ; под общ. ред. В.И. Добренкова. – М., 1996. – С. 393–461.
31. Молокин, А.С. Влияние политических партий на процесс принятия решений в Государственной Думе Российской Федерации второго созыва: структурно-функциональный анализ : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / А.С. Молокин ; Нижегород. гос. ун-т. – Н. Новгород, 2002. – 22 с.
32. Калинин, Б.Ю. Российская оппозиция в период трансформации политической системы: структурно-функциональный анализ (1993–2004 гг.) : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Б.Ю. Калинин ; Нижегород. гос. ун-т. – Н. Новгород, 2005. – 19 с.

33. Троско, Р.А. Содержание, структура и функции научной идеологии: особенности анализа в современной социальной философии : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Р.А. Троско ; Алтайс. гос. ун-т. – Барнаул, 2006. – 18 с.
34. Толстик, И.А. Медиафера в условиях глобализирующегося мира / И.А. Толстик. – Минск : Беларус. наука, 2007. – 203 с.
35. Скок, Н.В. Функциональное определение политической культуры общества / Н.В. Скок // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2008.– № 1. – С. 70–73.
36. Бондарь, Ю.П. Институционализация политической науки в переходном обществе: системный анализ опыта Беларуси и России : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / Ю.П. Бондарь ; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск, 2006. – 20 с.
37. Бойко, М.А. Функциональный анализ средств создания образа страны: на материале немецких политических креолизованных текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М.А. Бойко ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2006. – 23 с.
38. Таубергер, А.Г. Системно-функциональный анализ тоталитаризма : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / А.Г. Таубергер ; Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т. – Н. Новгород, 2003. – 31 с.
39. Стром, А.В. Теоретико-методологические аспекты анализа политической системы Республики Беларусь : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / А.В. Стром ; Беларус. гос. ун-т. – Минск, 2009. – 24 с.
40. Акулов, К.М. Типологически-функциональный анализ социально-политических конфликтов современной России : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / К.М. Акулов ; Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т. – Н. Новгород, 2002. – 23 с.
41. Юдин, Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность / Э.Г. Юдин. – М. : Эдиториал УРСС, 1997. – 444 с.
42. Стризов, А.Л. Политика и общество: социально-философские аспекты взаимодействия / А.Л. Стризов. – Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. – 339 с.

Reshetnikov S.V., Reshetnikova T.S. Genesis of Methodology of Functional Approach in Political Science

The article investigates such fundamental determinations of political science as functional approach, functional analysis, political functionalism, public policy, methodology of political science, political problem, political decision, policy description, policy explanation, policy instrumentation, policy evaluation, public policy and administration. This article looks into the essence of functional approach frameworks of political science, its methodology and analytical instrument.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 10.02.2011

УДК 323

А.И. Лысюк

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Данная работа посвящена изучению содержания и форм общественной самодеятельности граждан государства в рамках публичной политики. Первоначально определяется содержание понятий «гражданин» и «гражданство». Дан анализ различных исследовательских подходов относительно этой проблематики. Отмечается, что базовым актором публичной политики является гражданин, действующий в рамках социальных институтов, представляющих гражданское общество и обладающих гражданской миссией. Констатируется, что гражданская идентичность основывается: а) на определенных правовых уложениях, подтверждающих юридическую принадлежность к определенному гражданскому сообществу; б) на культурной идентичности, поскольку в основе любой государственности находится политико-культурный компонент, определенные культурно-символические системы; в) на патриотизме как согласии и лояльности по отношению к конституции и политической системе; г) на идентификациях относительно национальной принадлежности.

Введение

В последнее десятилетие изучение феномена публичной политики переживает своеобразный Ренессанс, что обусловлено, главным образом, всплеском, активизацией общественной самодеятельности и социального творчества граждан, своеобразным «восстанием масс». Как следствие этого, в современном обществе сфера действия социальных инициатив, в целом гражданского общества постоянно расширяется. По справедливому утверждению российского исследователя Н. Шматко, «сегодня мы присутствуем при процессе перехода от одного состояния поля политики – традиционно, обладающего исторически сложившимся континуумом форм, к другому его состоянию – публичной политике, где эксперты, члены гражданских и общественных комитетов, социальные работники являются важными действующими лицами» [1, с. 109].

Ключевым, базовым актором публичной политики является гражданин того или иного государства, обладающий, в силу своего социального статуса, определенной совокупностью прав и обязанностей. Сам термин «гражданин» указывает на наличие устойчивой правовой связи между индивидом и государством, выраженных «в наличии взаимных прав и обязанностей... и выступает как некий *статус*, которым наделены все индивиды, в такой связи находящиеся» [2, с. 8].

Одновременно феномен гражданина не сводится к его формально-юридической стороне, а рядом исследователей трактуется как «совокупность социальных институционализированных практик» (М. Солмерс), т.е. типичных социальных действий и операций, осуществляемых гражданином «от имени» и в рамках социально-политических институтов и имеющих ясно выраженную гражданскую миссию. Поэтому целью данной статьи является анализ содержания и форм общественной самодеятельности граждан государства в рамках публичной политики сквозь призму их гражданской идентичности.

Гражданин как субъект публичной политики

Бесспорно, нельзя не согласиться с утверждением, что публичную политику в первую очередь создают, осуществляют определенные государственные и общественные институты, отдельные социальные группы и социальные инициативы. Не менее очевиден, однако, тот факт, что ее своего рода первоэлементом является личность в своем гражданском состоянии, т.е. гражданин определенного государства, который, с одной стороны, являясь субъектом социальной активности, выступает в качестве инструмента давления на институты власти по поводу содержания принимаемых ими поли-

тических решений, а с другой – сам государственный аппарат обладает отчетливым гражданским качеством, т.е. представлен гражданами своего государства и имеет отчетливо выраженную гражданскую миссию – ориентацию на реализацию общественного блага.

Что же представляют собой гражданин как субъект публичной политики и имманентно присущее ему гражданство? Существует множество определений этого феномена [3]. Наиболее распространенной является точка зрения, указывающая на то, что термин «гражданин» констатирует наличие нормативно-юридических прав и обязанностей между индивидом и государством. Очевидно, что данная интерпретация описывает, прежде всего, формальное отношение между ними. Индивиды, которые считаются гражданами, совсем не обязательно, правда, совершают определенные действия, «заданные» государством. Действительно, выделенная, например, в Основном законе белорусского государства в статьях 52–58 совокупность обязанностей, адресованных гражданам РБ, для большинства из них не обладает императивными свойствами и не обязательно является импульсом к действию.

Феномен гражданства не сводится к его формально-юридической стороне, а может трактоваться и как совокупность «социальных практик», которые детерминированы сетевыми отношениями, господствующими в том или ином национально-государственном сообществе. В этом случае речь идет об ансамбле типичных социальных действий, детерминированных статусом гражданина и нацеленных на преобразование общественной среды и социальных институтов. В качестве таковых можно назвать различные формы социальной самодеятельности, институционализированные в рамках Второго и Третьего общественных секторов, образцы политического участия граждан, степень их привлеченности к принятию политических решений и др.

Основополагающим компонентом гражданства и гражданина, помимо правового, является тот особый культурный фундамент, обладающий исторической устойчивостью, на котором они базируются и в рамках которого функционируют. Разложение, эрозия этого фундамента непременно приводят к деструкции гражданства и, соответственно, социального (и политического) поведения гражданина. При этом в состоянии распада приходит не только его лояльность по отношению к «своему» государству и правительству, но и наблюдается известная контroversия его установок с установками других граждан. Гражданство, таким образом, необходимо основано на признании гражданами государства в качестве руководящих и универсальных определенных культурных образцов, включая и образцы политико-культурные, что предполагает в качестве своего необходимого компонента культурную ассимиляцию мигрантов. Действительно, если в феномене гражданства не учитывать фактор «культурной безопасности», то тем самым прямой угрозе будет подвергаться сама национально-государственная безопасность, а отсюда и общественная безопасность. Поэтому не стоит удивляться, что «культурная травма», полученная гражданами постсоветских государств, существенным образом снизила уровень безопасности в обществе, потребовав от этих государств предпринять серьезные усилия по формированию у своих граждан общих социокультурных кодов и символов [4].

Следует отметить также, что феномен гражданства предполагает свободный выбор гражданина в его пользу, В противном случае очевиден социальный диссонанс между его формально-юридическими, культурно-символическими и практико-преобразующими составляющими. Как справедливо отмечал белорусский исследователь О. Бреский, «гражданин не задается неким внешним порядком. Гражданин невозможно создать. Потому что «гражданин» в существе своем, – это этическая категория, категория обязывания. Она выражает существо модернизации – умения и необходимости человека быть с другими и участвовать в публичной жизни, оставаясь

индивидуальностью... Очевидно, что гражданин в публичном порядке репрезентирует личность. Отсюда следует то важнейшее значение, которое имеет в становлении гражданского общества этика, религия – системы, каждая из которых предоставляет основу личности, основу всякой репрезентации» [3, с. 79–80]. К этому можно добавить, что мотивация гражданина не ограничивается религиозно-этическим копонентом, а включает в себя широкую гамму смыслообразующих мировоззренческих, идеологических и политико-культурных мотивов [5, с. 238–241].

Если в самом общем виде посмотреть на развитие института гражданства в странах, представляющих англо-саксонскую цивилизацию, то можно увидеть переплетение трех противоречивых процессов. С одной стороны, наблюдается изменение объема прав, которыми наделяются граждане западных государств. Очевидно, что этот объем в условиях постиндустриального общества имеет тенденцию к росту, являясь отражением все большей значимости в мотивационных стратегиях граждан постматериальных ценностей.

С другой стороны, происходит, учитывая масштабность эмиграционных потоков «на Запад», распространение гражданства на новые категории индивидов, состоящие преимущественно из мигрантов. Действительно, в настоящее время во всех западных обществах имеются группы граждан, требующие признания государством их культурной и религиозной идентичности, а также адаптации общественных институтов и правовых систем к их особым потребностям и нуждам, соответствующим специфике их мировосприятия и культурных традиций. По утверждению, например, У.Брубейкера, «в современную эпоху гражданство полностью утратило свой эгалитарный смысл, превратившись из инструмента расширения сферы политического участия в своеобразное институциональное орудие различения «своих» (т.е. полноправных граждан) и «чужих» (жителей страны, занятых в производстве, но исключенных из политического сообщества)». В результате внутри наций возникает своего рода разделение на новых «патрициев», обладающих всей полнотой гражданства, и «плебеев», пораженных главным образом в политических правах [6, с. 19].

В свою очередь ряд современных либеральных мыслителей коренной порок современного гражданства видит в его «национализации», т.е. в том, что оно игнорирует реальности мультикультурного общества, ориентируясь на интресы и ценности господствующего этноса. При всей обоснованности подобных утверждений, современным западным государствам нельзя не учитывать риски, связанные с разрушением культурного ядра гражданства, национального государства, поскольку очевидно, что «иные» национальные идентичности детерминируют и «иные» (отличные от европейских) социальные и политические практики.

Кроме этого, учитывая интенсивно идущие в современном мире процессы глобализации и европейской интеграции, следует указать на появление социальных предпосылок создания сосуществующего с национальным гражданством, с претензией на альтернативу, гражданства наднационального, «транснационального», мирового (европейского), питающиеся идеями всемирного космополитизма Сенеки, республиканского космополитизма французских просветителей, доктринами Канта и Дарендорфа.

На первый взгляд, объективные предпосылки для этого уже существуют, учитывая, прежде всего, нарастающую общность экономической, культурной, политической жизни современных общественных систем. Этому же процессу благоприятствует «информационное преобразование публичной сферы, которое, разрушив физические барьеры, создает условия для потенциально безграничного интерактивного информационного пространства... позволяет уже наметить некоторые характеристики мирового гражданского сообщества» [7, с. 103], что создает на базе общей коммуникативной среды и кровнородственную ценностную парадигму. В свою очередь, артикуляция в глобаль-

ной информационной сети единых ценностных систем, рождает тренд в сторону общих политико-юридических и культурных практик, что может выступить в качестве культурного ядра «мирового гражданства».

Однако для того, чтобы подобное гражданство состоялось, в первую очередь необходимы политические предпосылки, а именно формирование наднациональных политических институтов. Очевидно, что в современном мире создаются все новые подобные институты и сценарии глобальных политических действий, особенно в европейском контексте, где центр тяжести принятия политических решений уже начал перемещаться от органов власти каждого государства к наднациональным инстанциям (свидетельством тому является Евросоюз). Однако эти процессы пока не перешли в критическую фазу и не прошли, так называемую, «точку невозврата». Более того, даже в масштабах Европейского Союза в последние годы во все в большей степени начинают срабатывать механизмы торможения интеграционных процессов, а выработка общей политической воли и институционализация политических процессов становится сложно решаемой задачей, наталкиваясь на национальные препятствия в лице позиции правительств и общественного мнения.

Создается, тем не менее, ситуация, когда все более очевидным становится диссонанс между национальным статусом гражданства и условиями для осуществления гражданских прав и получения статуса гражданина в рамках глобализирующегося социоэкономического пространства, приводящего, в частности, к возникновению мирового гражданского общества, социальных инициатив, выходящих за рамки национальных границ. Очевидно, что национальное государство не перестало и в обозримом будущем не перестанет быть базовым институтом по определению статуса гражданина. Но одновременно не менее очевидно и то, что процессы глобализации не могут не продуцировать некоторые изменения статуса гражданства и гражданина, особенно применительно к социальной сфере.

Какие же существуют в этих условиях варианты трансформации института гражданства, и какие они могут иметь последствия для развития национальных государств? Некоторые современные политики и мыслители Запада предлагают изменить института гражданства до такой степени, чтобы убрать всякое соотношение процесса натурализации с наличием (или отсутствием) у кандидата на гражданство тех или иных этнических и культурных характеристик, доминирующих в определенном обществе. В рамках этого подхода французский философ Э. Балибар выступил за создание «Европы без границ», или, точнее, Европы «с открытыми границами» для представителей различных национальных и социальных групп. Он полагает, что попытки Европы сохранить собственную идентичность де-факто привели к международному апартеиду, разделившему европейцев и неевропейцев не только за пределами Европейского Союза, но и внутри него [6, с. 20]. К тому же, принципы правового государства требуют, чтобы человек был вовлечен в процесс принятия решений, касающихся его судьбы. Однако подобный подход уничтожает «культурное ядро» современных национальных западных государств, равно как наносит удар по ослабленной национальной идентичности «новых постсоветских государств», что создает серьезные угрозы для их существования.

Следует осознавать также, что процесс европейского объединения предполагает, что граждане государств-членов Евросоюза расширяют спектр прав и обязанностей в рамках данного политического объединения, что, однако, не выходит за пределы «национального» гражданства, расширяющего политическое участие граждан своих государств. Как следствие этого, всемирное или даже европейское гражданство пока являются только идеальным политическим проектом, предметом интенсивных обсуждений, а не реальной повесткой дня для конкретных действий. В этом отношении современная

Европа – это цивилизация, которая все еще ориентирована на сохранение своей историко-культурной уникальности.

В связи с рассматриваемым вопросом следует обратить внимание на феномен корпоративного гражданства или корпоративной социальной ответственности (КСО), «описывающий стратегию развития бизнеса во взаимодействии с обществом в целях обеспечения эффективного и устойчивого развития» [8, с. 23]. Для реализации модели корпоративного гражданства корпорация разрабатывает и осуществляет программы социально ответственных инициатив, адресованных тем или иным участникам взаимодействия, которые реализуются по трем взаимосвязанным направлениям – экономическое развитие, обеспечение занятости и охрана окружающей среды. При этом, что важно, непосредственными участниками корпоративных отношений выступают неправительственные общественные и церковные организации, местные сообщества и объединения граждан, потребители, акционеры, поставщики, а также органы государственной власти. В континентальной Европе корпоративный бизнес вовлечен в обсуждение и решение общественно значимых проблем. Создается, тем самым, модель «компаний участников», ориентирующая корпорации на взаимодействие с многочисленными местными сообществами, организациями, отражающими различные общественно значимые интересы. В целом для современной Европы характерна тенденция к системному видению проблемы взаимодействия корпорации и общества. Корпоративное гражданство эффективно используется в качестве механизма вовлечения компании в публичную сферу. В этом случае корпоративное гражданство не только не конкурирует или же противопоставляет себя политическому гражданству, но, наоборот, его дополняет, являясь в реальности одной из его социальных практик.

Со своей стороны, российский исследователь А. Галкин полагает, что корпорации, действующие в экономической и социальных сферах, по ряду признаков (очевидная «социальная озабоченность») могут рассматриваться как интегральная часть гражданского общества. Однако при этом нельзя не забывать об их специфике. Речь идет о том, что они, чаще всего, жестко ориентированы на реализацию четко осознанных, узких групповых интересов и структурированы не только по горизонтали, но и по вертикали с выходом на политическую систему, добиваясь своих целей не в рамках публичной политики, а путем прямого, неофициального воздействия на политические структуры, сотрудничая, а то и срачиваясь с ними [9, с. 151]. В этом случае корпоративное гражданство неизбежно выполняет деструктивную роль, ориентируясь на узко групповые интересы и ценности, но не общественные, порождая «патологические изменения в жизни общества и утерю его нормативного потенциала» [10, с. 132]. Только в случае переформатирования целей в направлении социальных интересов и благополучия, построения соответствующих коалиций с местными сообществами (идеальный вариант – формирование Стратегий устойчивого развития в формате Местных повесток) корпорации могут выступать в качестве интегративного компонента гражданского общества и публичной политики.

Гражданская идентичность и процессы идентификации

Очевидно, что социальное поведение гражданина решающим образом определяется особенностями процессов его гражданской идентификации.

В современной науке существуют три группы подходов к определению сущности идентификации социальных субъектов. В рамках первой идентификация понимается как процесс копирования субъектом мыслей, чувств, действий другого лица при одновременном проявлении симпатий к нему и согласии на контроль с его стороны.

Во втором случае идентификация является процессом уподобления «авторитетному другому», сопровождающаяся усвоением ценностей последнего, его взглядов, установок, специфических форм поведения.

Третий подход рассматривает идентификацию как процесс отождествления субъекта с другим лицом как личностью, и основан на эмоциональной привязанности к нему, в результате чего происходит ассимиляция одного «Я» другим «Я», а значит, первое «Я» ведет себя в определенном отношении так же, как и второе: имитируя его, в некотором смысле вбирает его в себя и стремится сформировать собственное «Я» по подобию «образца».

Процесс гражданской идентификации включает в себя особенности всех этих трех подходов. Очевидно, что этому процессу свойственно признание политического и ценностного родства между членами гражданского сообщества. Не вызывает сомнения также рождение чувства эмоционального взаиморасположения, особенно при противопоставлении другим. Безусловно, гражданам одного государства присуща и определенная совокупность действий (традиционных, целерациональных и ценностно-рациональных), совершаемых ими в своем гражданском статусе. Следует указать и на своеобразный фокус их социальных взаимодействий по поводу «третьего» – интересы и ценности социума и государства. Операционально, таким образом, идентификация может рассматриваться как «следование поведенческим или личностным характеристикам другого лица, как реальное их воспроизведение либо в сходных поведенческих актах, либо в символических эквивалентах поведения» [11, с. 49–50].

Важно отметить и то, что, с одной стороны, процесс гражданской идентификации предполагает в качестве неперемennого атрибута момент личностного выбора. С другой – он далеко не всегда, в силу зависимости от субъективного компонента, устойчив и стабилен. Социальные идентичности, как правило, подвижны, зависят от контекста и являются результатом выбора. По мнению К. Кахун, «рассматривать идентичности только как отражение «объективных» социальных позиций и обстоятельств – значит рассматривать их ретроспективно. Такой подход мешает осмыслению того динамического потенциала, который... заключен во внутреннем конфликте индивида и соперничающих культурных дискурсах, приписывающих ему определенное место» [2, с. 14].

Подобная позиция является отражением принципиальных положений доминирующей сегодня в общественных науках теории социального конструктивизма, оспаривающего трактовку идентичности как чего-то объективно предопределенного и неизменного, некоей внутренней сущности, которой якобы обладают индивиды и группы. Сторонники этой теории ориентируются на анализ сложных и противоречивых процессов, итогом которых являются конкретные представления об идентичности. По их мнению, «конструирование» идентичности – сложный процесс, определяющийся переплетением *разных* социальных практик» [2, с. 14]. В этом отношении характерными являются утверждения О. Бреского, противопоставляющего локальность и гражданское состояние. С его точки зрения, если «локальность сообщает человеку определенный, очень устойчивый статус» и «помещает человека в некую первичную нормативную систему, определяет во многом его мировоззрение, его поведение, характер его отношения к другим», погружает «человека в определенный мир с четко обозначенными границами во времени, в пространстве, в социуме», то гражданское состояние отличается от локального именно тем, что задумывается не как следствие из текущих обстоятельств и условий жизни, а выстраивается согласно некоему плану и видению перспективы индивидуального существования, не обусловленного ничем, за исключением представления об этике и личном достоинстве. В таком случае граждане не являются проекцией локальностей, их действия не суть также прямые проявления локальных практик; они возникают там, где люди или местные сообщества презентуют себя в

публічным прастранстве [3, с. 78]. Очевидно, таким образом, что доминирующим элементов гражданства является не объективно-статусная обусловленность, но момент личностного выбора, мотивированная определенными ценностными системами и личными объективными обстоятельствами.

В реальности идентификационные процессы в системе гражданских отношений представлены следующими процессуальными характеристиками: а) государство, его социальная миссия, совокупность конституционных прав и обязанностей как фокус ценностных идентификаций граждан; б) доминирующие в обществе смысловые конструкты, ценностные ориентации, политические идеологии, являющиеся предметом социальных идентификаций; в) специфические способы восприятия и определения социополитического мира гражданами государства; г) оценочные суждения, выражающие отношения граждан к определенным ценностным системам и социальным практикам; д) ролевые идентификации, отражающие господствующие в обществе политико-культурные императивы и практики; е) стилистика деятельности субъектов политического сообщества; ж) выбор граждан в пользу определенной модели социального поведения.

Разумеется, устойчивость социальной идентичности индивида решающим образом определяется качественной определенностью объекта, по поводу которого осуществляются гражданские отношения. Если человек четко и однозначно идентифицирует себя с определенной социальной группой и ее общественной миссией, например профессиональной или же религиозной, то мы можем говорить о прочности данной идентичности. Если же она постоянно «провисает», зависит от ситуативного контекста, лишена устойчивых мотивационных оснований, то подобная идентичность легко разрушается.

В целом же осознание собственной гражданской идентичности, связанной с членством в конкретном политическом сообществе, естественным образом противопоставляется другим идентичностям (классовой, расовой, этнической, религиозной, гендерной, профессиональной и др.). Действительно, сам факт принадлежности к гражданству, например, США либо СССР детерминировал совершенно различные модели идентификации граждан этих государств, принадлежащих к идентичным социальным группам.

Выводы

Гражданская идентичность основывается, таким образом, на нескольких основополагающих принципах.

Во-первых, на определенных правовых уложениях, подтверждающих юридическую принадлежность к определенному гражданскому сообществу. Во-вторых, на уже упоминаемой культурной идентичности в силу того, что в основе любой государственности находятся цивилизационный, национальный и политико-культурный факторы, демонстрирующие согласие с культурной традицией того или иного политического сообщества. Во-третьих, на патриотизме, патриотических чувствах как согласии с конституцией и политической системой, как проявление лояльности по отношению к действующей власти. В-четвертых, на консенсусе по поводу национальной идентичности, связанной с этническим компонентом и опытом национальной жизни. В-пятых, на следовании определенным культурно-символическим системам, укорененным в ткань политико-государственной жизни.

Следует отметить, что эти идентичности не исключают друг друга и до известной меры способны взаимно друг друга дополнять. Очевидно, например, что национальная идентичность предполагает в равной мере как культурную и политическую идентичность, так и форматирование единого символического пространства. Безусловно, что правовая гражданская принадлежность уже с самого начала потенциально стимулирует и пробуждает дух патриотизма.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Шматко, Н.А. Феномен публичной политики / Н.А. Шматко // Социс. – 2001. – № 7. – С. 106–112.
2. Малинова, О.Ю. Гражданство и политизация культурных различий. Размышления по поводу некоторых тенденций в англоязычной политической философии / О.Ю. Малинова // Полис. – 2004. – № 5. – С. 7–18.
3. Бреский, О.В. Локальность и публичный дискурс / О.В. Бреский // Веснік Брэсцкага дзярж. ун-та. Сер. гуманітарных і грамадскіх навук. – 2008. – № 2 (33). – С. 77–85.
4. Штомпка, П. Социальное изменение как травма. Статья первая / П. Штомпка // Социс. – 2001. – № 1. – С. 6–16.
5. Лысюк, А.И. Феномен публичной политики: содержание и структура / А.И. Лысюк // Вучоныя запіскі Брэсцкага дзярж. ун-та імя А.С. Пушкіна. – 2009. – Т. 5. – Ч. 1. – С. 235–243.
6. Межуев, Б.В. Трансколониальный переход и «транснационализация» гражданства / Б.В. Межуев // Полис. – 2004. – № 5. – С. 19–27.
7. Росалес, Х.М. Воспитание гражданской идентичности: об отношениях между национализмом и патриотизмом / Х.М. Росалес // Полис. – 1999. – № 6. – С. 93–104.
8. Семенов, И.С. Корпоративное гражданство: западные модели и их перспективы для России / И.С. Семенов // Полис. – 2005. – № 5. – С. 23–40.
9. Галкин, А.А. Корпоративизм как форма отношений между государством и обществом: пределы и опасности / А.А. Галкин // Полис. – 2000. – № 6. – С. 147–158.
10. Пасько, Я.І. Неокорпоративна версія держави загального блага: держава проти громадянського суспільства / Я.І. Пасько // Практична філософія. – 2007. – № 3 (25). – С. 128–132.
11. Дубовская, Е.М. Феномен идентификации в групповом лидерстве / Е.М. Дубовская, Р.Л. Кричевский // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология. – 1980. – № 2. – С. 48–54.

Lysiuk A.I. Public Policy and Civil Identity

The article is dedicated to the study of content and forms of civil self-performance in the framework of public policy by the citizens of the state. Initially defined is the content of such concepts, as «citizen» and «citizenship». Different research approaches concerning this problematics. It is mentioned, that citizen acting in the framework of social institutions, which represent civil society and have civil mission, is a basic actor of public policy. It is ascertained, that civil identity is based on: a) certain legal regulations confirming legal belonging to a certain civil community; b) cultural identity, because every statehood has in its foundation a component of politico-cultural character, certain cultural and symbolic systems; c) patriotism, as consent and loyalty towards the constitution and political system; d) identities linked to national belonging.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 31.01.2011

УДК 31.001:001

А.В. Чемоданова

ПОНИМАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА И НЕОИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Автор исследует различные теоретические подходы к анализу корреляции между институционализмом и неoinституционализмом. В статье группы интересов анализируются в качестве политических и правовых институтов, которые обеспечивают общественность правилами и являются наиболее важными политическими подсистемами в современном обществе.

До 50-х годов XX века институциональный подход доминировал в политических науках. Главной задачей политологов было описание конституций, правовых систем и правительственных структур, а также их сравнение в пространственно-временном измерении на международной арене. Институционализм фактически отождествлялся с политологией. Перемены произошли с приходом бихевиоральной революции. Вместо того чтобы принимать за чистую монету функции политических институтов, бихевиоралисты старались выяснить, как и почему личности ведут себя, так или иначе. Сторонники теории рационального выбора стремились к тому, чтобы представить политику в категориях взаимного влияния на основе эгоизма личностей. Иное течение, например, марксизм, систему власти представляло в виде отношений между капиталом и трудом, и выводило отсюда структуру политической деятельности и организацию власти. Представляется, что представители новейших подходов в политической науке хотели бы расстаться с взглядами своих предшественников на институционализм. Их позиция заключается в следующем тезисе: политика – это есть нечто более обширное, нежели формальные установления, касающиеся репрезентации интересов, принятия решений и разработки определенных программ.

Институционалисты в таких условиях посчитали, что их время еще вернется. Большинство институционалистов перешли на позиции таких научных дисциплин как общественная политика и управление, и конституционализм. В конце 70-х годов XX века институционализм фактически вернул свои позиции, когда стали очевидны сложности новых парадигм политической науки. Появился новый институционализм как реакция на недостаточное восприятие социальных факторов в рамках бихевиорализма.

Далее в рамках теории рационального выбора исследователи обратили внимание на влияние институциональных факторов, на структуризацию личностных выборов. Неомарксисты продвинули теорию «регуляции» и «режима», чтобы предпринять анализ изменений конституции, к которому стремились структуралисты 70-х годов XX века.

Новые институционалисты занимают равным образом, как неформальными конвенциями политической жизни, так и формальными конституциями, а также организационными структурами. Ученые стали уделять внимание способам формирования институций посредством ценностей, раскладом сил и шансов, которые существуют в институциональных рамках. Институционалисты считают, что решающим фактором политической жизни является не только влияние институции на личности, но также взаимодействие между институциями и личностями.

«Традиционный» аспект институционализма

Критики традиционного институционализма указывают на его ограниченность, как исследовательского метода. Традиционный институционализм занимался прави-

тельственными институтами, однако свой предмет исследований понимал достаточно узко. Он концентрировал внимание на формальных конвенциях и организациях, а не на неформальных конвенциях, на официальных структурах правительства, а не на более широких неформальных пониманиях функций правления внутри и вне институций. Критики этого подхода старались раскрыть принципы, которые лежали в основе описательной методологии и которые игнорировали теоретические аспекты.

В 80-х и 90-х годах XX в. организация правления не входила в число стагнационных направлений политологии. Например, в исследованиях британских ученых использовались по большей части формально-правовые методы, чтобы сравнить меняющуюся политическую практику с конституционными конвенциями. Реконструкция государства опеки (в Великобритании и других странах) на пути «нового публичного управления» способствовала росту заинтересованности для институциональных установлений, служащих внедрению публичных услуг. Фрагментаризация государства привела к тому, что британские политологи начали стремиться к открытию (часто неформальных институциональных установлений, в рамках которых осуществлялось формирование политики, что отражали анализы «политических сетей» и «ядра экзекютивы»). Будущность институционального подхода представляется как концентрация на институциях, а также на методах истории и права. Однако подобные теории анализа институций могут уступить место новому подходу. Подобные вызовы были сформированы в рамках так называемого «нового институционализма».

Возникновение «нового институционализма»

Несмотря на то, что институционализм никогда на деле не исчезал, до 70-х годов XX века считалось, что он находится за пределами основных течений политологии. Д. Марч и Д. Олсен внедрили термин «новый институционализм», считали, что политические институции «утратили свое назначение в сравнении с позицией, которые они имели в предшествующих политических теориях». Они критиковали главное течение политологии как «редукционистическое» [1]. Бихевиоралисты считали, что институции выделились из агрегаций личностных ролей, статусов и соответствующих реакций. Для сторонников теории рационального выбора (по крайней мере, первой генерации) институции были только аккумуляторами личностных выборов, опирающихся на предпочтениях, направленных на максимизацию применения. Д. Марч и Д. Олсен считали, что политические институции играют более автономную роль в процессе формирования политических результатов, утверждая, что «организация политической жизни имеет значение». Например, бюрократические по сути структуры являются аренами, на которых фигурируют социальные силы, представляющие их интересы [1].

Перспектива нового институционализма не имеет четких сторонников. Если старые институционалисты легко относятся к вопросам теории, то новые, наоборот, с энтузиазмом рассматривают теоретические проекты. Там, где традиционные институционалисты применяли описательно-индуктивные методы (пользуясь результатами эмпирических исследований), новые институционалисты экспериментируют с дедуктивными подходами, которые проистекают из теоретических положений на предмет способов функционирования институций. Для наших целей представляется важной классификация в рамках течения нового институционализма по сравнению с нормативными подходами.

Нормативный институционализм показывает, что политические институции влияют на поведение общественных акторов, формируя их ценности, нормы, интересы, тождества и убеждения. В связи с этим определение «нормативный» относится в этом случае к заинтересованности нормами и ценностями, что в значительной мере вытекает из традиций социального институционализма, а не из нормативной теории. Норматив-

ные институционалисты утверждают, что мнимо нейтральные правила и структуры, в сущности, олицетворяют определенные ценности (и расклад сил) и детерминируют соответствующее поведение в определенных контекстах. Институты упрощают политическую жизнь, гарантируя, что «некоторые аспекты принимаются за аксиому при принятии решений по отношению к иным субъектам» [2].

Институционализм рационального выбора содержит положение о том, что институциональные факторы «формируют поведение» и предпочтения личностей, которым следуют его сторонники, в смысле внутренних детерминант и относительной стабильности институций. Политические институты влияют на поведение людей, воздействуют на структуру ситуаций, в которой личности выбирают стратегию реализации и предпочтений. Институты стремятся к получению информации о реальном поведении иных политических субъектов в прошлом, и тенденциях на будущее. В то время как нормативные институционалисты акцентируют внимание на истоках политических институтов в рамках временных и культурологических контекстов, сторонники теории рационального выбора (неоинституционалисты) считают, что институты являются целевыми человеческими конструкциями, которые созданы для разрешения проблем, связанных с деятельностью групповых образований.

Отличительные черты нового институционализма

Нормативный институционализм показывает, как нормы и ценности, воплощенные в политических институтах, формируют поведение личностей.

Институционализм рационального выбора утверждает, что политические институты являются системами правил и стимулов. В рамках этих систем личности стараются максимизировать приспособленность к групповым образованиям.

Исторический институционализм выявляет, каким образом выборы, относящиеся к формированию институциональных правительственных систем влияют на последующее принятие решений личностями.

Эмпирический институционализм наиболее близок к пониманию традиционного институционализма. Классифицирует различные институциональные типы и анализирует их влияние на функционирование правительств.

Международный институционализм доказывает, что деятельность государств осуществляется в рамках структурных ограничений (формальных и неформальных) международной политической жизни.

Социологический институционализм анализирует способ, в рамках которого институты создают условия для личностей. Представители этого течения вырабатывают теоретические предпосылки для нормативного институционализма в политологии.

Сетевой институционализм показывает, как политическое поведение формируется посредством зачастую имеющих место неформальных интеракций между группами и личностями.

Различные версии нового институционализма – это прежде всего звенья научной деятельности, которые формируют институциональное пространство в разных контекстах, а не самостоятельные онтологические феномены. Например, исторический институционализм, который имеет на сегодняшний день наиболее разработанную версию в области эмпирических исследований, имеет достаточно эклектический характер. Таким же образом исследователи, представляющие международный институционализм, одновременно подчеркивают значение ценностей, а также являются сторонниками теории игр [3]. Эмпирический институционализм имеет тесное отношение к теории рационального выбора в той части, что создатели институций могут вполне свободно выбирать институциональные формы. Представители сетевого институционализма утверждают, что общие ценности и цели являются установлениями, которые обеспечивают

стабильность сети, однако, как считают Д. Марч и М. Роудс консенсус является результатом длительного процесса взаимоотношений между акторами с различными ресурсами власти [4]. Для сетевых институционалистов равным образом деятельность групп осуществляется как с помощью норм, так и стратегически рациональные действия групп играют значительную роль в процессе репродукции институций.

Далее постараемся выделить главные черты нового институционализма, вычленив ключевые отличия между нормативным вариантом и вариантом, испирированным теорией рационального выбора. Если мы сформулируем новый институционализм как «широкое, и в тоже время разнородное понятие» [3], то в каком смысле он может олицетворять прогресс в политологических исследованиях институций? Учитывая различия в подходах, все же было бы нецелесообразно остро противопоставлять оба эти варианта. Во многих случаях новый институционализм в сущности опирается на теоретические разработки лучших традиционных институционалистов. Черты нового институционализма можно представить в виде шести аналитических положений:

1. От концентрации внимания на организациях к концентрации внимания на правилах.
2. Переход от формального к неформальному понятию институции.
3. Переход от статистического к динамическому понятию институции.
4. Переход от приверженности ценностным ориентациям к позициям критического отношения к ценностям.
5. Переход от холистического к разноплановому понятию институции.
6. Переход от обособленности институций к взаимосвязи и взаимозависимости.

Тренд «от концентрации на организациях к концентрации на правилах». Новый институционализм отходит от традиций институционального анализа. Он не отождествляет уже политические институции с политическими организациями; политические институции упоминаются лишь, скорее всего, как совокупность правил, которыми руководствуются отдельные социальные актеры и организации.

По мнению исследователей, которые представляют нормативное крыло нового институционализма правила предопределяют «собственное» поведение и деятельность [2]. Для тех ученых, на которых оказали влияние положения теории рационального выбора, правила определяют основные взаимоотношения между акторами которые максимизируют рациональность настоящих условиях [5]. Институции определяют правила игры, а организации также как и личности являются участниками этой игры. Институциональную динамику Министерства Обороны Великобритании, например, лучше всего можно понять, анализируя внутренние комбинации этого министерства на правительственные, юридические, финансовые, которые между собой не всегда взаимосвязаны. Как выяснили Фокс и Миллер, институции – это совокупность правил, которые существуют внутри организации и между ними (а также под ними, над ними и вокруг них) [6]. Хотя организации не отождествляются с конституциями, они остаются важным предметом заинтересованности в рамках анализа, проводимого представителями нового институционализма. Они трактуют организации как совокупных авторов, которые подвержены различным институциональным ограничениям, и той сферы, в рамках которой развиваются и выражаются институциональные правила.

Тренд «от формального к неформальному пониманию институции». В противоположность традиционному институциональному подходу, новый институционализм сконцентрирован на неформальных конвенциях и формальных правилах. Например, в Великобританском локальном самоуправлении новые правила, касающиеся разделения функций исполнительной и законодательной власти, влияют на политическое поведение в большей мере в тех городах, в которых существуют сильные традиции гражданской жизни. Доминирующие неформальные конвенции могут получить перевес

над формальными правилами (как в случае многих инициатив на предмет «равных шансов») либо служить для внедрения и (диффузии) изменений в формальных установлениях.

Тренд «от статистического к динамическому понятию институции». Стабильность является характерной чертой институции. Политическую институцию можно считать стабильным и повторяющимся примером поведения. Представители нового институционализма изучают, каким образом человеческая деятельность производит и политическую, и институциональную стабильность. Институции не являются «вещами», как представлено в традиционных подходах, а являются процессами. Институциональные правила должны поддерживаться на протяжении времени, однако спорным является вопрос, в какой степени напряжение институционального процесса может быть урегулировано правилами.

Тренд «от скрытых ценностей к критическим позициям по отношению к ценностям». Ученые старого институционализма открыто изучали «добroe правительство» и скрытым способом были ангажированы на предмет соответствия ценностей определенной модели правления. В то же время представители нового институционализма стараются идентифицировать разнородные способы установления и формирования институции через ценности данного общества, которые в тоже время могут быть спорными и постоянно изменяться.

Тренд «от холистического к разноплановому понятию институции». Представители старого институционализма описывали и сравнивали между собой целые правительственные системы, в то время, как сторонники нового институционализма сосредоточились на институциях, которые являются составными частями политической жизни: избирательных системах, системах налогов и сборов, процессе принятия решений в правительстве, установлениях, касающихся бюджета или формирования политики, отношениях между правительствами разных государств или правилах принятия решений [3 с. 8–9]. Такие институции выражаются в образе формальных структур и официальных процедур, а также в образе молчаливых договоренностей и конвенций, которые переходят границы между организациями как в рамках публичного сектора, так и вне его. Институции можно считать различающимися в том смысле, что они не могут быть в целом гармонизированными между собой, создавая совокупную целость, а так же представлять собой разрешение, желаемых с функциональной точки зрения проблем. Институции представляют собой уклад сил, показывая определенный способ деятельности, который включает в себя различных социальных актеров и исключает других. Третий источник внутренней дифференциации связан с тем, что институции никогда не являются полностью замкнутыми либо целостными. Институциональные правила могут создавать также различные девиации, конформизм, а также стандарты.

Тренд «переход от автономности к взаимосвязи и взаимозависимости». Представители нового институционализма исследуют, каким образом политические институты являются «укорененными» в конкретных контекстах, даже если они осуществляют это исходя из различающихся позиций. Исторические институционалисты исходят из того, как институциональные выборы осуществляются на предшествующем этапе данного политического пространства, предопределяя ограничения позднейших политических выборов.

Исследователи, придерживающиеся теории рационального выбора, анализируют интеракции между институциональными правилами на различных уровнях. Например, Дитрих Георг фон Кизер и Элинор Остром исследуют различия между операционными правилами (ежедневными), совокупными (правовыми) и конституциями (т.е. правилами, которые сами управляют правилами). По мнению немца Х.-Д. Клингеманна и австралийца Р. Гудина, институциональные правила являются «загнездованными внутри

идущей навверх иерархии все более принципиальных, все более авторитативных правил, режимов, практик и процедур» [7]. Другие институционалисты сосредоточились на характеристиках взаимовлияния локальных институциональных ограничений. Дискуссия на тему социального касается взаимосвязей между институциями гражданского общества и совокупностями политических институций.

Что есть в целом институция?

Представители нового институционализма сходятся на том, что политические институции (группы политических интересов) являются правилами игры. Что же можно отнести к категории правил? Включая в неё как формальные процедуры, так и неформальные конвенции, исследователи, принадлежащие к этому течению, могут создать более претензионный и реалистический образ того, что на самом деле ограничивает политический порядок и процессы принятия решений. Однако расширительной дефиниции институции (группы) угрожает понятийное растяжение – размытость ее значения, когда она начинает включать всё, что регулирует поведение личностей.

Новый институционализм включает в состав неформальных групповых взаимодействий также традиции, обычаи, культуру и навыки, не видит выразительных отличий между институциями и нормами. Как же можно отличить институцию как группу политических интересов от иных социальных феноменов? Ученые, придерживающиеся нового институционализма, сводят слишком много аспектов политической жизни до одной категории, что скрывает разнородность интеракций и причинных механизмов. На практическом уровне: как политологи могут распознавать (и подвергать измерениям) институции как групповые взаимодействия? На теоретическом уровне: как можно избежать ловушек редукционизма и тавтологии? Петерс отмечает: «Если растянуть понятие правил, которые формируют порядок (поведение), таким же образом они включают в себя надуманные правила и договоренности, чтобы предусмотреть случаи, при которых сохранение порядка не соответствует формальным правилам каждой институции (объединения группового), то это позволяет фальсифицировать теорию. Если мы наблюдаем порядки, которые не согласуются с ограничениями, обозначенными формальными правилами, то должны существовать правила, которые не удалось идентифицировать» [9].

Неформальные институциональные правила различаются в смысле этой формулировки от особых навыков либо практических задач: они касаются конкретного политического либо правительственного контекста, узнаваемыми акторами (признаваемые), (хотя они их не всегда удовлетворяют) и можно их описать, а также опознать либо выявить исследователям. Например, стиль и форма задавания вопросов в следственных комиссиях нигде не записаны. Однако их легко идентифицировать как стандартную операционную процедуру, которая структурирует политическое поведение, выражая определенные ценности и уклад сил. Эту стандартную оперативную процедуру можно описать, оценить и сравнить с альтернативными мероприятиями по проведению следствия. В том же плане способ упорядочения своих личных архивов членами данной комиссии – это вопрос личного навыка и рутины, и невозможно признать этот способ неформальной институцией или стандартной оперативной процедурой.

Некоторые личности или группы акторов могут обходить стандартные оперативные процедуры либо манипулировать ими, однако акторы могут помимо этого идентифицировать такие правила и разобраться с их сущностью. Затем новые правила могут быть добровольно согласованы, однако не сразу могут получить статус стандартных оперативных процедур. В политике, как и везде, правила не существуют только для того, чтобы им следовать, но также и для того, чтобы их нарушать.

Понятие стандартных операционных процедур даёт возможность институциона-

листам объединить заинтересованность формальными и неформальными правилами с различиями между политическими институтами и более широкими пониманиями обычаев и навыков. Одновременно соответствующим предметом исследований остается интеракция между политическими институтами и институтами, которые представляют иной спектр гражданского общества. Петерс к месту припоминает представителям нового институционализма о «необходимости тщательной концептуализации, а затем измерения явлений, которые, по мнению учёных, представляют собой институты» [9]. Тем временем в исследованиях, причастных к этому течению на сегодняшний день доминируют исторические, сравнительные методы и методы исследования прецедентов (не отличающиеся значительно от методов лучших традиционалистов), хотя этот анализ выходит обычно за рамки обычных представлений, исходящих из традиционного институционализма.

Откуда произошли институты и как они изменяются?

Стабильность – это отличительная конститутивная черта институции: новый институционализм, однако, плохо сочетается с поисками генезиса и трансформации институций. Способ концептуализации изменений зависит от того, как понимаются зависимости между личностью и институцией. В то время как сторонники теории рационального выбора признают за личностью первичные предпочтения по отношению к институциям, представители иных форм нового институционализма, считают, что предпочтения принадлежат институциям (групповым интересам).

Теория рационального выбора утверждает, что политические институции являются человеческими конструкциями, которые созданы в целях разрешения проблем, связанных с совместной деятельностью, чтобы максимизировать выгоду от сотрудничества. Институции можно ликвидировать, когда они уже не выполняют функции службы интересам социальных акторов. Институции только кратковременно ограничивают рамки поведения личностей. Очевидно, внимание наиболее рафинированных сторонников теории рационального выбора не обошёл факт, что институции укрепляются самостоятельно и являются необычайно устойчивыми образованиями. Ученые утверждают, что акторы изменяют институции только тогда, когда на деле выгоды превышают ожидаемые стоимости изменений, которые включают цену обучения функционирования в рамках новой структуры.

Нормативные институционалисты, которые утверждают, что предпочтения личностей формируются институциями, не имеют понятного ответа на вопрос, почему возникают институции, либо конкретные политические институции. Им лучше удаётся описывать, каким способом институции продолжают функционировать и оказывать продолжительное влияние на акторов. Как считают Д. Марч и Д. Олсен, институции «увеличивают возможность, уменьшают всесторонность», «упрощают» политическую жизнь, заверяя, что «определенные аспекты трактуются как процессы принятия решений по отношению к иным акторам» [2]. В свете формулировок Гидденса [10] структура институции не есть внешний фактор по отношению к личностям, однако сосредоточена в их практиках. Однако, как считают Д. Марч и Д. Олсен, «институциональными акторами управляют институциональные обязанности» в том смысле, что акторы могут подвергнуть критике существующие установления либо создать новые политические институции [2]. Нормативный институционализм оставляет больше места рефлексивности и человеческой субъективности, чем это могло бы выглядеть в первоначальном виде. Представители этого течения считают, что институции постоянно эволюционируют. Признают они также, что правила создают как отклонения и девиации, так и конформизм, а также стандартизацию.

Петерс считает, что нормативный институционализм допускает существование

взаимодействия личностей и институций. Представители исторического институционализма также опираются на эволюционные модели, чтобы выяснить изменения институций, прогнозируя пошаговую приспособляемость к меняющимся обстоятельствам» [9]. Подход, умещающийся в рамках теории рационального выбора, делает акцент на целенаправленную деятельность, однако, и нормативные институционалисты не исключают его употребления. Утверждают, однако, что трудно подвергнуть контролю изменения, возникающие из попыток реформы институции. Определенную роль играет случай – модель процесса принятия решений («рояль в кустах»), однако в рамках контекста, которой институции задаёт власть.

Более того, институции отражают примеры дистрибуционных (распределительных) выгод в процессе борьбы за власть между различными группами, что может привести к проектированию институции заново. Хотя теория рационального выбора дает ценную гипотезу на предмет причин возникновения политических институций, т.е. они возникают в целях разрешения проблем, связанных с групповым взаимодействием, нормативный и исторический подходы направлены на выяснение причин, почему все политические институции не похожи друг на друга. Представители всех течений нового институционализма продолжают заниматься центральным парадоксом, т.е. «двойной жизнью» институций, которые являются одновременно «человеческими творениями» и «самостоятельными социальными силами» [11].

Являются ли нормативный подход и теория рационального выбора совместимыми друг с другом?

Мы постоянно сталкиваемся с вариантами «нормативного» и «рационального выбора». Оба варианта «вмещаются» в рамки течения нового институционализма в политологии, однако, касающиеся влияния институций на политическое поведение, а также между индивидуальными акторами и институциями. Некоторые ученые сомневаются в возможностях совмещения таких различающихся теоретических позиций. П. Холл и Р. Тэйлор считают, что спор между сторонниками нормативной теории и теории рационального выбора напоминает поиски философского камня. Однако теоретические поиски этого сближения различных течений институциональной мысли служат уменьшению онтологической дистанции между ними [12]. Джессор утверждает, что «институциональный поворот» в политологии «можно было бы назвать прагматическим поворотом»: ученые не должны изолировать ни структуры, ни деятельность, направленную на выяснение политического поведения. Политические ученые Гудин и Клингеманн утверждают, что особое значение нового институционализма заключается в его способности к преодолению неконструктивного противостояния между структуралистами и бихевиоралистами, которые сдерживают развитие политологии. Они утверждают, что появление нового институционализма было «наиболее значительным вкладом в дело сближения двух важных течений в политологии». Вполне прагматично они утверждают: «Политологи уже не мыслят в категориях либо-либо, противопоставляя структуру и субъектность, интересы как движущие силы институций. Сейчас многие политологи признают, что имели дело со смесью двух подходов» [7].

Неоинституционализм. Выводы

Новый институционализм можно представить как «обширный, хотя и неоднозначный подход к политике», представителей которого объединяет тезис о том, что «институции являются переменной величиной, объясняющей значительную часть политической жизни, а также фактором, который требует выяснения» [9].

В то время, когда традиционные институционалисты избегают обсуждения и постановку теоретических проблем (под прикрытием тезиса о «здоровом рассудке»), сто-

ронники нового институционализма достаточно четко формируют свои позиции. Новый институционализм не создает никакой конкретной теории, но критическое становление по отношению к теории. Сила нового институционализма заключается в его теоретической разнородности, которая создает возможность оценки конкурентных утверждений, вытекающих из различных политологических теорий. Род Роудс указывает: «Ни одна теория никогда не бывает правдивой, если только она является более или менее поучительной. Можно чего-то дознаться на основе критического анализа одной теории, можно однако узнать значительно больше из сравнительного анализа нескольких теорий, касающихся одной тематики. Такая подразумеваемая теоретическая разнородность исследования может весьма значительно обогатить анализ политических институций» [13].

Итак, что же нового несет за собой новый институционализм, понимаемый как новый широкий теоретический подход и исследовательская парадигма? Он подтверждает то, что исповедовали также лучше ученые среди традиционных институционалистов: политический порядок и политическое поведение формируется посредством политических структур, которые сами являются укорененными исторически и нормативно. Исследователи – сторонники этого течения – пользуются неформальными конвенциями политической жизни, так и формальными конституциями и организационными структурами. Институции олицетворяют ценности и расклад сил, а также преграды, как и способности, которые возникают в институциональном проекте. Неинституционализм предполагает не только влияние институции на личность, но также и интеракции (взаимодействия) между институциями и личностями. В противовес традиционному подходу новый институционализм не удовлетворяется применением описательно-индуктивного метода к получению результатов, но стремится к тестированию теоретических моделей влияния институций на формирование политического поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. March, J. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political life / J. March, J. P. Olsen // *American Political science review*. – 1984. – Vol. 78, № 3.
2. March, J.G. Rediscovering Institutions. The Organizational Basis of Politics / J.G. March, J.P. Olsen. – N.Y. : The Free Press, 1989.
3. Питерс, Г. Политические институты: вчера и сегодня / Г. Питерс // *Политическая наука: новые направления*. – М. : Вече, 1999. – С. 226.
4. Marsh, D. Policy Networks in British Government / D. Marsh, R. Rhodes. – Oxford, 1992.
5. Weingast, B.R. The Economic Role of Political Institutions: Market-Preserving Federalism and Economic Development, Law, Economic and Organization / B.R. Weingast. – 1995. – Vol. 11, № 1. – P. 3–13.
6. Fox, C. Postmodern Public Administration / C. Fox, H. Miller. – Thousand Oaks (Cal.), 1995.
7. A new handbook of political science / Ed. by R.E. Goodin, H.-D. Klingemann. – Oxford univ. press, 1996. (Рус. изд.: *Политическая наука: новые направления* / под ред. Р.И. Гудина и Х.-Д. Клингемана – М., 1999).
8. Норт, Д. Вклад неоинституционализма в понимание проблем переходной экономики : Сайт «Институциональная экономика».
9. Peters, G. Institutional theory in political science: The «New Institutionalism» / G. Peters. – London – N.Y., 1999.
10. Giddens, A. Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives / A. Giddens. – London : Profile.

-
11. Grendstad, G. Cultural theory and the new institutionalism / G. Grendstad, P. Selle // J. of theoretical politics. – 1995. – Vol. 7, № 1. – P. 6.
 12. Hall, P. Political science and the four new institutionalisms / P. Hall, R. Taylor. // Paper presented at the conference «What is institutionalism now?» at the University of Maryland. 1994, September.
 13. Rhodes, R.A.W. The Institutional Approach / R.A.W. Rhodes // Marsh, D., Stoker, G. [eds.] Theory and Methods in Political Science. Basingstoke : MacMillan, 1995.

Chemodanova A.V. Understanding of Institutionalism and Neoinstitutionalism in West European Political Science

The author examines different theoretical approaches to the analysis of the correlation between the institutionalism and the neoinstitutionalism. In the article, the interest groups are analyzed as political and legal institutions which provides publicity of rules and are one of the most important political subsystems of a modern society.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 10.02.2011

УДК 327 (476)

И.А. Кузнецова

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ОСНОВНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ

В статье проводится теоретический анализ соотношения внутренней и внешней политики, исследуется внешняя политика Республики Беларусь с позиций основных направлений в теории международных отношений: неолиберализма, реализма, неомарксизма, конструктивизма. Выявлено, что внешняя политика Республики Беларусь на современном этапе признана самостоятельным видом государственной политики и объектом теоретического анализа.

Проблема теоретического осмысления внешней политики стала актуальной в связи с обретением Республикой Беларусь независимости и признанием ее как самостоятельного субъекта международных отношений. Принятие Верховным Советом 27 июля 1990 года Декларации о государственном суверенитете БССР и придание ей 25 августа 1991 года статуса конституционного закона открыли качественно новый период в международной деятельности страны. До этого времени внешняя политика Беларуси рассматривалась в контексте общесоюзной, а тот факт, что БССР являлась членом ООН с 1945 года, воспринимался как «результат действий советской дипломатии по наращиванию числа голосов и созданию видимости полноценного суверенитета союзных республик внутри СССР» [1, с. 31].

Независимые государства не могут развиваться изолированно, они взаимодействуют друг с другом в процессе решения проблем глобального характера. Однако государства проводят такую политику на международной арене, которая соответствует их национальным интересам. Удовлетворение основных национальных интересов способствует стабильности всей системы международных отношений, в то время как «сомнительность и невозможность их реализации дестабилизирующе влияет на систему» [2, с. 258], то есть провоцирует возникновение международных конфликтов. Понимание сущности данной проблемы невозможно без анализа взаимосвязи между внешней и внутренней политикой.

Целью данной статьи является определение взаимоотношений между внутренней и внешней политикой государств, а также рассмотрение внешней политики Республики Беларусь с позиций основных концептуальных школ и направлений, сформированных теоретиками и практиками международных отношений.

В академической литературе существует несколько подходов на соотношение внешней и внутренней политики. Сторонники первого подхода (Г. Моргентау) отождествляют оба этих понятия и определяют их как борьбу за господство. В данном контексте внешняя политика направлена на доминирование государства в международной политике. Претензии на «мировую гегемонию» были предъявляемы в различные исторические эпохи со стороны таких стран, как Португалия, Испания, Нидерланды, Великобритания, Франция, Германия, США. В настоящее время мировая политика, по мнению многих ученых, характеризуется наступлением так называемого «американского века», который можно определить, как военное, экономическое, техническое и культурное превосходство США на мировой арене. Как считает американский политолог и государственный деятель З. Бжезинский, «именно сочетание всех этих четырех факторов делает Америку единственной мировой сверхдержавой в полном смысле этого слова» [3, с. 36]. В то же время американское влияние хотя и признается обширным, но весьма неглубоким, поскольку,

с одной стороны, США в современной мировой политике не могут осуществлять непосредственного управления контролируруемыми территориями, а, с другой стороны, существуют государства (Россия, Китай) или международные организации (ЕС), которые могут установить систему «баланса сил» на международной арене. Историческое прошлое Беларуси свидетельствует о миролюбивом характере ее жителей. Беларусь никогда не выступала в роли мирового агрессора. Однако белорусский народ оказал героический отпор нацистским захватчикам в ходе Великой Отечественной войны, поэтому в характере белорусов присутствует сочетание таких качеств, как толерантность, миролюбие, и, вместе с тем, непокорность, стремление к свободе, чувство патриотизма, проявляющееся в любви к своей Родине и готовности к ее защите. В настоящее время Республика Беларусь не имеет территориальных претензий к другим государствам. Это оформлено в договорах о государственной границе с соседними странами – Россией, Литвой, Латвией, Украиной, Польшей, которые закрепляют территориальное статус-кво. Республика Беларусь добровольно отказалась от статуса ядерной державы, и с конца 1996 года формально и фактически считается безъядерной зоной. Беларусь является участницей всех договоренностей в сфере нераспространения оружия массового поражения: Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений, Договора о нераспространении ядерного оружия, Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении, Конвенции о запрещении биологического и токсического оружия, Договора о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний.

Представители второго направления (Л. Гумилович) считают, что внешняя политика государства определяет внутреннюю. Основной постулат данной теории выражается в том, что внутренняя политика должна быть подчинена целям выживания государства на мировой арене с помощью постоянного наращивания военной силы, препятствия усилению могущества соседа, а также постоянной борьбы с ним из-за пограничной линии. В современной интерпретации смысл этой концепции заключается в стремлении государства к удовлетворению своих интересов в мировой политике. Национальные интересы Республики Беларусь на международной арене направлены на сохранение территориальной целостности, укрепление государственного суверенитета, национальной безопасности, развитие политического, экономического, культурного и др. партнерства со всеми странами мира. В.Е. Снапковский к числу основных задач белорусской внешней политики также относит «создание внешних условий для повышения благосостояния народа, усиления политического, экономического, культурного и духовного потенциала страны» [4, с. 246]. Таким образом, Республика Беларусь в своей внешней политике признает приоритет общепризнанных принципов и норм международного права и стремится на их основе строить свои взаимоотношения с другими государствами.

Третья точка зрения на проблему соотношения внешней и внутренней политики исходит из приоритета последней. В данной связи внешняя политика является закономерным следствием общественных процессов, происходящих внутри страны. Наиболее полно эта позиция была воплощена в марксизме, в рамках которого внешняя политика государства выражает интересы господствующих классов. Подобные взгляды на внешнеполитические процессы в Беларуси, как и в других советских республиках, являлись доминирующими вплоть до начала 90-х годов прошлого века.

В настоящее время большинство исследователей, не отрицая существенной взаимосвязи между внутренней и внешней политикой, склонны признавать относительную самостоятельность последней. Это связано с тем, что в глобализирующемся мире наиболее остро встает проблема сохранения национальной самобытности государства через выражение им своих национальных интересов на международной арене. Так, по

мнению В.Е. Улаховича, «рассмотрение внешней политики как самостоятельного вида политической и государственной деятельности не только возможно, но и полезно, так как открывает другой уровень исторической и политической рефлексии» [5, с. 225]. Самостоятельность внешней политики государства предполагает учет ряда политико-правовых факторов, к числу которых относятся, с одной стороны, необходимость следования нормам международного права, с другой стороны, построение внешней политики на основе расстановки сил между различными странами, блоками, альянсами, международными организациями и структурами. На данный момент базовым принципом внешней политики Республики Беларусь является многовекторность, предполагающая развитие сотрудничества со всеми регионами мира. Беларусь активно участвует в работе международных организаций, таких как ООН и ее специализированных учреждениях, а также в других универсальных и региональных международных организациях и институтах. Об относительной независимости внешней политики свидетельствует также ее действие в рамках особого правового поля, где Республика Беларусь является полноправным субъектом международного права и международных отношений. Таким образом, «парадигма, что отводила внешней политике подчиненную роль по отношению к внутренней становится ошибочной» [6, с. 63].

Определение сущности и роли внешней политики Беларуси требует рассмотрение ее в рамках определенной концептуальной модели. Среди наиболее известных исследовательских школ в данном направлении можно выделить: неолиберальный подход, реалистический и неомарксистский. В неолиберальной традиции (Т. Кук, У. Липпман) внешняя политика государств должна строиться на основе всеобщих норм и универсальных ценностей, которые нашли свое правовое закрепление в системе норм международного права. В рамках данной модели происходит размывание национальных интересов государства, что ведет к политической и культурной глобализации в мировой политике, отходу от национальной идентичности и патриотических ценностей, а также все более возрастающему значению транснациональных институтов и структур. Идея возникновения общемирового правительства для решения важнейших международных проблем отстаивается представителями глобализма (Л. Линдберг, Э. Хаас), которые акцентируют внимание на формировании единого властного центра, обладающего возможностью легитимного принуждения и гарантирующего соблюдение международных норм и правил.

В противовес неолибералам представители реалистической школы в теории международных отношений (Г. Моргантау, З. Бжезинский, Дж. Кеннан, К. Уолц) выступают за преимущественное влияние на мировой арене государства в его традиционном смысле, обладающего суверенитетом и стремящегося к удовлетворению своих национальных интересов. Сторонники данного направления занижают роль в мировой политике различных международных организаций и институтов, норм международного права, а внешнюю политику определяют исходя из интересов и потребностей, а также реальных возможностей государства. По мнению В.Е. Улаховича, «международные организации «производят» лишь то, что «вкладывают» в них государства-члены, и не способны генерировать импульс, выходящий за пределы внешней политики последних» [7, с. 35].

Ключевое место в данной концепции занимает теория национального интереса, разработанная Г. Моргантау. Национальный интерес государства включает следующие элементы: 1) природа интереса, который должен быть защищен (политический, экономический, территориальный и др.); 2) факторы политического окружения, в которых актуализирован интерес (международное распределение ресурсов, взаимоотношение с другими странами); 3) рациональная необходимость, ограничивающая выбор целей и средств для всех субъектов мировой политики (дипломатия, экономические или даже военные средства). Таким образом, в реализме национальный интерес доминирует над

моралью в сфере внешней политики, а независимые государства должны опираться на все возможные средства и методы для реализации своих национальных интересов.

Неомарксисты рассматривают внешнюю политику в контексте неравномерного влияния участников международных отношений. В данной связи страны, обладающие наибольшим экономическим потенциалом, выступают в роли эксплуататоров более слабых в этом отношении государств, что неизбежно приводит к политической нестабильности. В результате процессы интеграции всегда сопровождаются стремлением к политическому, экономическому и культурному доминированию определенных государств.

Среди наиболее современных направлений в исследовании внешней политики можно выделить конструктивизм, появившийся в конце 80-х – начале 90-х годов XX века. Сторонники конструктивизма (Н. Онуф, А. Вендт) представляют мировую политику как систему норм, идей, институтов, в основе которой положены постоянно меняющиеся интересы субъектов международных отношений. В данном аспекте внешняя политика государств рассматривается сквозь призму субъективного поведения индивидуальных агентов, которые выстраивают международные структуры в соответствии со своим представлением о них. «Только люди, агенты, могут действовать через государственный аппарат, начать и продолжать взаимодействие в системе государств» [8, с. 179].

Анализ основных теоретических направлений показывает, что внешняя политика Беларуси не поддается объяснению в рамках одного из вышеописанных подходов. С одной стороны, Республика Беларусь признает и конституционно закрепляет приоритет норм международного права, является членом крупнейших международных организаций, и стремится следовать в проведении своей внешней политики общепризнанным международным стандартам, зафиксированным в Уставе ООН, Хельсинском Заключительном акте, Парижской хартии для новой Европы и других документах ОБСЕ. С другой стороны, внешнеполитическая деятельность Беларуси направлена на отстаивание своих национальных интересов. Помимо политических интересов, к числу которых относится защита белорусского государства и его граждан, особое значение на современном этапе приобретают и экономические интересы, основанные на взаимовыгодном экономическом партнерстве со всеми регионами мира, а также обеспечение страны необходимыми сырьевыми и энергетическими ресурсами. По-прежнему основным внешнеполитическим приоритетом Республики Беларусь является интеграция с Россией. Подписание Договора о создании Союзного государства 8 декабря 1999 года предполагает политическое сближение двух государств, а также объединение их правовых, экономических, финансовых и таможенных систем. Вместе с формированием межгосударственных структур власти Республика Беларусь сохраняет свой суверенитет и является равноправным участником Союзного государства. Республика Беларусь активно и взаимовыгодно сотрудничает со всеми регионами мира. Высокий уровень сотрудничества, особенно во внешнеэкономической сфере, достигнут с Венесуэлой, Китаем, Кубой, Украиной, Ираном, странами Евросоюза и других государствами, планируется расширить сотрудничество с Японией. Более того, в Послании Президента белорусскому народу и Национальному собранию за 2010 год прямо указано, что «в нынешних условиях необходимо последовательно наполнять каждый внешнеполитический вектор конкретным содержанием» [9, с. 9].

Таким образом, следует констатировать, что на данный момент внешняя политика белорусского государства стала самостоятельным видом политической деятельности и объектом теоретического анализа. Она имманентно взаимосвязана с внутренней политикой и основана на комплексном сочетании особенностей различных концептуальных моделей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Улахович, В.Е. Становление и развитие концептуальных основ внешней политики Республики Беларусь: источники и историография / В.Е. Улахович // Журнал международного права и международных отношений. – 2007. – № 2. – С. 27–36.
2. Челядинский, А.А. Некоторые аспекты концепции внешней политики Республики Беларусь / А.А. Челядинский // Внешняя политика Беларуси в исторической ретроспективе : матер. междуна. науч. конф., Минск, 24–25 мая 2002 г. – Минск : «Адукацыя і выхаванне», 2002. – С. 254–260.
3. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М. : Междунар. отношения, 1998. – 256 с.
4. Снапкоўскі, У.Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі : вучэб. дапаможнік для студ. факультэта міжнародных зносін : у 2 ч. – Ч. 2: Ад канца XVIII да пачатку XXI ст. / У. Е. Снапкоўскі. – Мінск : БДУ, 2004. – 303 с.
5. Улахович, В.Е. Внешняя политика Республики Беларусь в 1991–2001 гг.: опыт концептуального самоопределения / В.Е. Улахович // Внешняя политика Беларуси в исторической ретроспективе : матер. междуна. науч. конф., Минск, 24–25 мая 2002 г. – Минск : «Адукацыя і выхаванне», 2002. – С. 224–233.
6. Снапкоўскі, У.Е. Знешняя палітыка Рэспублікі Беларусь : курс лекцый / У.Е. Снапкоўскі. – Мінск : БДУ, 2007. – 183 с.
7. Улахович, В.Е. Международные организации : справоч. пособ. / В.Е. Улахович. – М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2005. – 400 с.
8. Косоруков, А.А. Теоретические аспекты анализа внешней политики / А.А. Косоруков // Белорусская политология: многообразие в единстве. Республика Беларусь в глобализирующемся мире : тез. докл. IV междуна. науч.-практ. конф., Гродно, 13–14 мая 2010 г. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол. : В.Н. Ватыль [и др.]. – Гродно, 2010. – Ч. 1. – С. 178–181.
9. Послание Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию. Динамичный прорыв в развитии страны – путь к новому качеству жизни // СБ. – 2010. – 21 апреля, № 71.

Kuznetsova I.A. Foreign Policy of the Republic of Belarus in the Context of Basic Research Approaches

In the article the theoretical analysis of a correlation between foreign and internal policy is made, the foreign policy of the Republic of Belarus explored in the context of the basic research approaches in the theory of international relations: neoliberalism, realism, neomarxism, constructivism. The foreign policy of the Republic of Belarus in modern period is defined as an independent part of the state policy and an object of theoretical analysis.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 10.02.2011

УДК 316.3/4

Ю.А. Зубок

МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ*

В статье исследуются механизмы социальной регуляции образования молодежи в условиях неопределенности. Проблема социальной регуляции в современном обществе является одной из наиболее актуальных. Это связано с теми изменениями, которые протекают в его институциональных основах и в социальных взаимодействиях. Характерной особенностью этих изменений остается неопределенность. Проникая в механизмы развития как институциональных структур, так и отдельных индивидов и групп, она является неотъемлемой частью их повседневного функционирования.

Как явление, присущее изменяющимся системам, неопределенность возникает объективно. Ее причина – это комплексная трансформация, «охватывающая все сферы жизни общества и выраженного в преобразованиях способа деятельности человека (культуры), форм отношений между людьми в ходе их деятельности (социальности)» [5, с. 38–40]. Комплексной трансформация является в силу направленности на изменение не отдельных частных сторон жизнедеятельности общества, а его сущностных черт, когда помимо количественных наблюдаются и качественные изменения [10, с. 39]. Вторжение в системообразующие элементы системы; радикальность и относительная быстрота изменений; отсутствие отчетливо поступательной, а главное, положительной направленности изменений; длительность и глубина аномии, обусловленной опережающим разложением старых общественных институтов по сравнению с созданием новых, принципиальная зависимость хода и результатов процесса от деятельности субъективных факторов, которые по значимости практически равны объективным (объективируются в самом процессе), в том числе от поведения правящей верхушки и групп влияния; слабая управляемость и предсказуемость процесса [2, с. 33; 6, с. 42–43] усиливают роль стихийных элементов в развитии и неопределенность его итогов. Как объективное условие жизни и как деятельность в этих условиях риск особенно остро проявляется в среде молодежи. А поиск способов его регуляция выходит на уровень фундаментальных исследований.

Переход от одной стадии развития к другой, когда прежние механизмы социальной регуляции уже утратили эффективность, а новые еще не сформированы, не апробированы, не внедрены в социальную практику порождает объективную *неопределенность* – неясность, размытость, нечеткость, не структурированность и незавершенность. Порождается так называемая «среда риска» (термин Э. Гидденса), в которой мало, что гарантировано. В общественном плане возникает спонтанность и хаотичность деятельности институциональных механизмов, что приводит к росту неопределенности на индивидуально-личностном и групповом уровне – невозможность адекватной рефлексии социальных субъектов в связи с усиливающейся нестабильностью социальной реальности, в ощущениях неуверенности, незащищенности, страха, или напротив, ничем не обоснованной надежды.

* Работа осуществлена в рамках проекта Стратегии преодоления кризиса в социальном развитии молодежи. Грант Президента РФ для поддержки молодых ученых – докторов наук МД-3716.2009.6

Преодоление неопределенности имманентно связано с риском. Под риском, таким образом, в разработанной нами концепции понимается характеристика условий жизнедеятельности молодежи в условиях перехода от неопределенности к определенности (и наоборот), а также сама деятельность в этих условиях.

Система образования в полной мере испытала на себе влияние трансформации и воплотила все характерные черты неопределенности. Она вызвана отсутствием четких целей развития сферы образования, а, значит, внятных, непротиворечивых стратегий функционирования данного институционального механизма, а также критериев его эффективности на макроуровне. Следствием неопределенности становится потеря управляемости и стабильности социальных групп, разрушение их организационных структур, усиление риска и рост значимости случайных факторов при взаимодействии с системой образования.

Как отмечает В.И. Чупров, риск в образовании в России в его нынешнем состоянии, возник не сразу. Всю вторую половину прошлого столетия наблюдалось сокращение ассигнований на просвещение, финансирование институтов, связанных с развитием интеллектуального потенциала происходило по остаточному принципу, росла бюрократизация образовательного процесса, оценка эффективности учебной деятельности происходила на основе идеологизированных критериев, в угоду надуманным политическим доктринам сменяли друг друга бесконечные реформы, и при этом распространялся протекционизм, взяточничество и процентомания, в итоге подорвавшие основы эффективного функционирования образования и породившие конфликты в ее взаимодействии с молодежью [8, с. 28]. Наступивший в 90-х годах кризис обострил конфликты в образовании, вызванные недостатками правового обеспечения образовательной политики (конфликты с базовым законодательством; конфликты, вызванные сокращением бесплатного образования, отсутствием эффективной системы кредитования образования и т.д.); несоответствием существовавшей системы обучения новым реалиям (конфликты образования и рынка труда; конфликты, возникающие в связи с невостребованностью квалифицированного труда молодежи; региональные аспекты конфликтов и т.д.); усилившимися внутривролевыми и межролевыми противоречиями (конфликты образования и молодых семей; противостояние образования и армии; конфликты, связанные с вторичной занятостью учащихся и т.д.); расширяющимся плюрализмом систем образования и неравенством возможностей включения в них различных групп молодежи (конфликты, связанные с неравной доступностью образования для различных категорий молодежи; конфликты, вызванные низким качеством образовательных услуг и т.д.) [9, с. 116]. Вне системного анализа причины провала первого тура реформ, к концу 90-х годов был начат процесс модернизации образования. Между тем, многие предпринятые меры в т. ч. по реструктуризации сети сельских школ, внедрению предпрофильной подготовки, пересмотру стандартов образования, расширению платных услуг, включению в болонский процесс и введение ЕГЭ, призванные преодолеть возникшие проблемы, лишь усилили неопределенность в сфере образования. В результате, решая одни из перечисленных противоречий, модернизация породила другие, способствуя возникновению новых ситуаций риска. Социальное расслоение усиливало неравенство стартовых позиций молодежи в образовании и существенно дифференцировало ее возможности в приобретении разных видов образования. Возникло острое противоречие между расширяющимися образовательными услугами и снижением их качества. Некритическое внедрение западных методик, тиражирование без должной экспертизы альтернативных учебников, попытка минимизировать контакт учащихся с преподавателем путем внедрения дистанционных технологий и тестов вело к нарушению методологической целостности учебного процесса, хаосу в методах преподавания, снижению эффективности личностного фактора во взаимодействии преподавателя с учащимися,

одностороннему развитию будущих специалистов. А исключение воспитательной компоненты обусловило деформацию личностных аспектов подготовки специалиста. Все это не только не соответствует модернизационному курсу страны в целом, но и требованиям конкретных работодателей. Для молодежи это оборачивается все новыми ситуациями риска.

Вопрос регулирования неопределенности и риска, давно назревший и как практическая и как теоретическая проблема в системе образования, связан с изучением изменений, происходящих в самих механизмах социальной регуляции. Как известно, основу регулирования, составляют социальные институты как устойчивые комплексы формальных и неформальных правил – норм, ценностей, ожиданий, образцов поведения, регулирующих поведение молодежи в различных ситуациях. Выстраивая статусно-ролевую систему взаимодействий на основе ясных и непротиворечивых целей, институты направляют его в кодифицированное, т.е. предсказуемое русло. Но институциональные механизмы социальной регуляции эффективно реализуются в устойчиво развивающемся обществе. В условиях неопределенности происходит их деформация и дисфункция. Они перестают эффективно выполнять свою нормативно-ориентирующую функцию. Утрачивается четкость и однозначность в определении искомых компетенций и морально-этических ориентиров. Размываются нормы, предписания санкции, снижается уровень социального контроля и взаимной требовательности людей. Именно такая ситуация как раз и сложилась в современной российской системе образования, которая не только оказалась не в состоянии разрешать противоречия, но и превратилась в постоянный источник неопределенности и риска для всех, кто с ней взаимодействует.

Неэффективность институциональных механизмов регуляции вынуждает молодого человека к большей субъектной активности и индивидуализации – более широкому использованию индивидуально доступных способам *саморегуляции* в сфере образования. Под саморегуляцией в социологии понимается деятельность, направленная на предупреждение и преодоление возникающих отклонений от такого состояния условий бытия и способов жизнедеятельности, которые индивид (группа) принимает для себя как должные и ожидаемые. Проявляясь в форме поведенческой реакции молодых людей (молодежи, как социальной группы) на недостаточные возможности, предоставляемые средой, она определяется как способность оптимального выбора в ситуациях возникающего риска. В этом случае используются как институциональные, так и неинституциональные каналы, формальные и неформальные. Последние связаны с активизацией неформальных и корпоративных связей и отношений и взятках при поступлении в учебное заведение, фальсификации результатов тестирования и т.п.

В основе любого процесса социальной регуляции лежит *рефлексия*. В соответствии с определением Э. Гидденса, под рефлексивностью применительно к управленческим взаимодействиям, понимается способность субъекта и объекта управления осознавать и поддерживать постоянное «теоретическое понимание оснований (причин) своей деятельности» [1, с. 41–42], т.е. адекватно реагировать на изменение внешних условий и на взаимное влияние друг на друга. Управляемые изменения происходят не только под воздействием внешних факторов, но и в процессе самоорганизации, являющейся результатом внутренней саморефлексии отдельных индивидов, а также рефлексии институциональных структур. В сфере образования субъектами рефлексивного взаимодействия являются институциональные образовательные структуры и сама молодежь.

На уровне системы образования в целом проявляется так называемая структурная рефлексивность, предполагающая наличие «рефлексирующей организации и реорганизации социальных отношений» [11, р. 21]. Она направлена на изменение взаимодействий между социальной структурой и агентами модернизации путем освобождения последних от принуждений и тотального контроля с целью расширения их свободы в

формировании новой современности. При этом роль субъектов (агентов) рефлексии отводится индивидуальным и коллективным экспертам, общественным группам давления, социальным институтам и организациям, а источником структурной рефлексии выступает критическое отношение к результатам предшествующей фазы развития сферы образования. Осмысливая правила, ресурсы и результаты, агенты рефлексии подвергают критическому анализу не только социальные условия своего существования, но и собственную деятельность. В сфере образования это выглядит как критический анализ предпринятых реформ и их влияния на образовательный потенциал молодежи.

На уровне отдельных субъектов – молодежи, взаимодействующей с системой образования, также происходит критический анализ имеющихся ресурсов и возможностей их эффективного использования для достижения поставленных целей и реализации своих интересов в образовании – возможностей поступления в учебное заведение, получения качественной подготовки, использования полученных знаний в дальнейшем. Саморегуляция на индивидуально-личностном уровне, таким образом, является следствием восприятия людьми происходящих процессов в сфере образования и их отношения к создавшейся ситуации. Подобное отношение далеко не всегда определяется социальными предписаниями – нормами, ценностями, социальными ролями, диктуемыми сложившимися институциональными практиками, а регулируется личными соображениями, индивидуальным или групповым опытом, интуитивными представлениями о возможном будущем. Они-то часто и становятся отправной точкой в саморегуляции и отражают способность молодежи активно и автономно действовать в постоянно меняющихся условиях системы образования. Более предметно это выражается в понимании молодыми людьми проводимых реформ, смыслов и значения деятельности образовательных структур, способов реализации собственных прав и обязанностей в сфере образования, соотнесения индивидуальных стремлений и возможностей их реализации, перспектив влияния на деятельность образовательных структур.

Но саморегуляционные процессы в молодежной среде неразрывно связаны с институциональными процессами. Поэтому рассматривать их в отрыве друг от друга малопродуктивно. Примером рефлексивного механизма институциональной регуляции является реализация национального проекта «Образование». Рассматривая реализацию национальных проектов, можно судить об их эффективности по тому, как изменяется положение молодежи в сфере образования и в какой степени молодежь вовлечена в их реализацию. Налицо процентное увеличение высоких самооценок отношения к учебе среди современной молодежи (средний коэффициент самооценки отношения к учебе в 2006 году составил 4,77, а в 2008 году он вырос до 4,96). Отмечая позитивный сдвиг, подчеркнем, что данный показатель является крайне чувствительным по отношению и к положению молодежи в сфере образования, и по отношению к продолжающимся экспериментам в образовании, и по отношению к востребованности образования на рынке труда – возможности зарабатывать с помощью знаний, и даже по отношению к общей ситуации в стране. Чем выше неопределенность, тем ниже данный показатель.

В числе положительных тенденций – динамика в составе учащихся по формам оплаты обучения, повышение доли учащихся в государственных учебных учреждениях, обучающихся на бесплатной основе и снижение тех, кто обучается на основе частичной и полной оплаты с 29,1% в 2002 г. до 25,8%. Это расширяет доступность образования для молодежи, особенно неимущей ее части, и способствует ее социальному развитию. Доля молодежи, признавшей платное образование недоступным для себя, также снизилась (с 44,8% в 2002 г. до 32,6% в 2007 г.). Продолжился рост числа учащихся и студентов в негосударственных и частных учебных заведениях, что способствует расширению элитарного образования. Вместе с тем, отмечены негативные тенденции в из-

менении ряда основных показателей образовательного статуса молодежи по сравнению с 2002 г. Снизилась доля молодежи со средним специальным образованием с 29,9% в 2002 г. до 27,4% в 2008 г., что отражается не только на профессиональном развитии значительной части молодежи, но и на духовном. Сохраняется острая дифференциация молодежи по ее положению и мотивации в сфере образования, которые определяются социально-территориальными и материальными основаниями. Наиболее высокий уровень риска отмечается в группе материально необеспеченных учащихся, а также проживающих в малом городе и в сельской местности. Расслоение учащейся молодежи по материальным и региональным условиям жизни оказывает существенное влияние не только на возможности самореализации, но и на жизненные позиции молодых людей. В общественном плане это приводит к социальному неравенству образовательного потенциала молодежи. Реализуемый национальный проект мало изменил сложившуюся ситуацию.

От того, насколько вовлечена в их реализацию молодежь, зависит эффективность проектов, в итоге – перспективы развития и молодежи и общества. Как показали исследования, большинство молодежи в целом знакомо с реализуемым национальным проектом «Образование»: подробно о нем знают 22,1% молодежи, 59,3% знакомы в общих чертах, 18,5% ничего о нем не слышали. Между тем степень информированности могла бы быть и выше, учитывая высокий количественный показатель включенности молодежи в процесс обучения. Можно выделить несколько тому причин: недостатки разъяснительной работы, весьма условная включенность в образование каждого пятого молодого человека, слабое отражением интересов молодежи в реализуемых проектах и, как следствие, низкая информированность, либо потеря проектом прежних темпов.

Данные о субъективной оценке влияния проекта на положение и перспективы молодежи в сфере образования показывают, что большинство молодежи никак не ощущают на себе реализацию национального проекта: таких – 48,6%. Другие 35,2% ощущают ее косвенно и только 9% – непосредственно. Выяснение степени удовлетворенности реализацией проекта и вовсе показало его невысокую эффективность в глазах тех, на кого он направлен. Критически оценивая эффективность национального проекта «Образование», лишь 16,2% молодых людей выразили полную удовлетворенность, 43,7% – частичную и 49,2% – признались, что в индивидуальном плане не удовлетворены промежуточными результатами проекта. Большинство же молодежи, как видно, не понимает смысла затянувшегося реформирования образования, не ощущает она и его результаты.

Разумеется, не стоит ожидать повышенной рефлексии от большинства молодежи в отношении социальной политики вообще и применительно к образованию, в частности. Однако важны настроения молодежи, которые могут формироваться и под влиянием недовольных значимых взрослых, крайне важна и степень доверия институциональным структурам как регуляторам риска в образовании. Как видно, представленные данные отражают весьма слабые основания для подобного доверия. Для многих молодых людей определенность, связанная с деятельностью институциональных регуляторов, осталась либо на некоторое время в форме надежды, либо трансформировалась в состояние неопределенности. Следовательно, саморегуляционные стратегии молодежи в условиях неопределенности и риска не будут включать ее сотрудничество с этими структурами.

Исследования указывают на снижение в 2007 г. показателя потребности в образовании, измеряемого по семибальной шкале, с 4,65 в 2002 до 4,52, очередное снижение терминальной ценности образования в сознании молодежи и, соответственно, повышение с 41,5% до 44,3% его инструментальной ценности, определяющей смысл образования как «обязаловки», или получения диплома.

Место образования в саморегуляционных стратегиях молодежи можно проанализировать на основе изучения структуры ценностей ее личностного самоопределения. Как показывают данные исследования, среди молодежи в целом оно занимает высокую вторую позицию со средневзвешенным значением по семибалльной шкале 5,76. Сохраняя столь же высокий ранг среди учащейся молодежи, оно, тем не менее, теряет свой вес (5,67), конкурируя с полезными связями (5,65) и материальными благами (5,60).

О слабой ориентации молодежи на систему образования в саморегуляционных стратегиях свидетельствует сугубо инструментального характера подобной мотивации выбора, характерной для группы молодежи, ориентированной в своей жизнедеятельности на риск. При расчете на риск молодые люди часто игнорируют такие факторы как ценность знаний, уровень образования и поступление в учебные заведения. Но в нынешних условиях недооценка этих факторов не случайна, поскольку личные достижения в образовании продолжают игнорироваться обществом и остаются на периферии факторов социального продвижения. Не удивительно, что их значимость для наиболее динамичной части молодежи падает.

В условиях рыночных отношений в системе образования преодоление возникающих противоречий вряд ли возможно путем централизованного планирования и силового регулирования. Поэтому расширяются возможности плюралистического выбора жизненных стратегий через усиление гибкости, как самих институциональных структур, так и индивидов. При этом, трудности в разрешении противоречий сегодня могут преодолеваются изменением *игрового* положения. Начиная от учебы «понарошку» в системе дистанционного образования или в многочисленных филиалах вузов до покупки диплома. Подобные симуляции, «игразированные» практики не способны целенаправленно влиять на повышение уровня образования в стране, но вполне пригодны для смягчения социальных последствий многих противоречий на индивидуальном уровне.

Столь ожидаемые позитивные изменения в сфере образования напрямую связаны с эффективностью процесса институционализации механизмов социальной регуляции. Но, как уже установлено, непоследовательные действия по модернизации образования усиливают состояние неопределенности в данной сфере, что становится фактором средового риска. В свою очередь рост неопределенности активизирует рискогенный фактор поведения молодежи в саморегуляции образовательных стратегий. В таком неустойчивом состоянии поиск возможностей выхода из него приобретает преимущественно случайную форму. Снижается эффективность целенаправленных механизмов регулирования формированием образовательного потенциала, а в его саморегулировании доминирующую роль приобретают спонтанные процессы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гидденс, Э. Элементы теории структурации / Э. Гидденс // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас : учеб. пособие. – Новосибирск : Изд-во Новосибирск. ун-та, 1995. – С. 41–42.
2. Заславская, Т.И. Постсоциалистический трансформационный процесс в России / Т.И. Заславская // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1998. – № 3.
3. Зубок, Ю.А. Проблема риска в социологии молодежи / Ю.А. Зубок. – М. : Изд-во Московской Гуманитарно-социальной акад, 2003.
4. Зубок, Ю.А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи / Ю.А. Зубок. – М. : Мысль, 2007.
5. Лапин, Н.И. Пути России: социокультурные трансформации / Н.И. Лапин. – М., 2000.

6. Локосов В.В. Российское общество: трансформация целей, интересов, ценностей / В.В. Локосов. – М. : РИЦ ИСПИ РАН. – 2006.
7. Социология молодежи : энциклопед. словарь / Отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И.Чупров. – М. : Academia, 2009.
8. Чупров, В.И. Ситуации риска в воспроизводстве образовательного потенциала молодежи / В.И. Чупров // Человеческий потенциал в современной России / под ред. Г.Х. Шингарова и И.Е. Задорожнюка. – М. : Изд-во современного гуманитарного ун-та, 2005.
9. Чупров, В.И. Социальные конфликты в сфере образования молодежи / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок // Человек и образование в современной России. – СПб., 1998.
10. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М., 2000.
11. Giddens, A. The Consequences of Modernity / A. Giddens. – Cambridge : Polity Press. – 1991.

Zubok J.A. Social Regulation Mechanisms in Youth Education Under Conditions of Uncertainty

The problem of social regulation in contemporary society is one of the most acute ones. Its importance is caused by the changes, which take place in its institutional fundamentals and social interrelations. Uncertainty remains a peculiar feature of these changes. As it penetrated to the development mechanisms of both institutional structures and certain individuals and groups, it has become an integral part of their everyday functioning.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 11.01.2010

УДК 338.48:316 (035.3)

Т.И. Яковук

КУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ТУРИСТА

Туризм – это не только одна из наиболее интенсивно развивающихся отраслей экономики, но это также опыт. Этот культурный опыт возникает в результате новых встреч, контактов, которые наполнены интересными жизненными шансами, угрозами, а также иллюзиями, связанными с возможностью переживания новых эмоциональных впечатлений. Отсюда значимость рассмотрения проблем, связанных с человеком и его отношениями с другими людьми – туристами, турорганизаторами, обслуживающим персоналом, местным населением центров туристического пребывания (дестинации). На этом фоне особое внимание занимают проблемы, связанные с аксиологическими и гносеологическими результатами культурных встреч, которые, в свою очередь, ведут к ломке прежних стереотипов и аккультурации личности путешественников.

Перспектива культурного контакта, ведущего впоследствии к культурной трансформации личности, наряду с перспективой чужого является как бы вторым «естественным» для социальных наук подходом к феномену путешествия. Он связан с такими классическими антропологическими проблемами, как культурное изменение, культурный конфликт, столкновение культур, аккультурация, инкультурация, ассимиляция, культурная диффузия, культурный шок или сформулированная на более современном языке проблематика поликультуры, или поликультурной коммуникации. При этом оказывается, что вышеуказанные категории достаточно редко используются в исследованиях путешествий. Они, скорее, представлены в обширной научной литературе, посвященной миграциям, в этнологической колониальной литературе, а также в словарях и энциклопедиях социальных наук.

Значительно реже они функционируют в современной научной литературе по социологии туризма. С точки зрения личности, занимающейся туризмом, достаточно одной словарной дефиниции, которая называется культурным контактом, «столкновением двух или более культур через интеракцию их носителей. Оно происходит типичным образом при движении населения, его миграции» [1, с. 385].

В свою очередь, согласно определению, данному в популярном в научных кругах социологическом словаре Э. Вильямса, цивилизационный контакт – это «отношение, возникающее между разными группами или общностями, отличающимися цивилизацией, вызывающее конфликты, шоки (столкновения) или перемены в некоторых или во всех сферах цивилизаций, участвующих в интеракции» [2].

Э. Вильямс отмечает, что культурный контакт – это наиболее нейтральное определение ситуации столкновения двух культур. В то же время наиболее известным определением рода культурных контактов является культурный шок или «... более или менее внезапное, пробуждающее странное появление совершенно иной реальности, присущей иной культуре при непосредственном контакте с культурой чужой, т.е. неусвоенной. Если контакт не является полностью апробированным, то защита от культурного шока основывается на выработке внутренней дистанции по отношению к инаковости, которая является предметом негативных обобщений; при этом лишь шок является важным экзистенциальным опытом, который позволяет понять другие культуры, а через них и собственную» [2]. Реже можно встретить понятие *столкновение культур*, означающее «конфронтацию людей или их продуктов с точки зрения культурной идентичности, которую они представляют, т.е. инаковость представляемых ими культурных параметров, что в случае возникновения на этом основании конфликтных идеологий может переродиться в культурный конфликт» [3, с. 380].

В свою очередь введенное Эдуардом Бёрнеттом Тайлором понятие культурной диффузии в настоящее время понимается как «...процесс непосредственного или посредственного проникновения элементов одной культуры в другую. Близкими понятиями являются аккультурация, ассимиляция, инновация. Аккультурация трактуется обычно как специфический род диффузии, ассимиляция как процесс, связанный с диффузией, инновация же может распространяться, т.е. подвергаться диффузии» [4, с. 152].

Пространственное перемещение людей в научной литературе трактуется как один из самых важных механизмов диффузии. Уже упоминавшаяся аккультурация в настоящее время трактуется как «...процесс культурных преобразований, вызванных перетеканием содержания между культурно отличающимися общностями. Аккультурация является видом процесса комплексной диффузии. Она возникает в условиях близкого разностороннего длительного контакта между относительно автономными общностями, глубоко отличающимися между собой с точки зрения культуры» [4, с. 380].

Аккультурация является полным и быстрым изменением, являющимся результатом контакта культур. Близким понятием является *культурная адаптация*, т.е. «результат процесса полного или фрагментарного приспособления личности или группы в необходимом и достаточном объеме для возникновения основы и сотрудничества с иной культурой и ее репрезентантами, в том числе отражение в той, другой», *инкультурация*, т.е. «1) процесс приобретения культурной компетенции, изучение данной культуры, 2) процесс вхождения в культуру данного общества, в этом процессе личность становится его интегрированным членом и носителем его культуры» [3, с. 75], а также ассимиляция, т.е. «процесс приспособления, выступающий в коллективных и индивидуальных контактах, в которых происходит конфронтация разных культур, в результате которой одна из групп или даже личностей полностью отказывается от собственной культуры и принимает чужую» [3, с. 45]. *Культурная ассимиляция* является конечным этапом аккультурации и касается, прежде всего, языка и обычаев. Культурный барьер – это «те элементы культуры, которые представляют собой объективное затруднение в возникновении коллективной культурной идентичности разных обществ, и поэтому затрудняют взаимопонимание в коммуникации между отдельными обществами» [3, с. 51].

Весьма показательным является то, что социологи и антропологи, занимающиеся проблемами путешествий и туризма, в отличие, например, от тех, которые занимаются миграцией, редко обращались к этой словарной терминологии. Так, социолог туризма К. Подемский, считает, что это обусловлено «радикализмом» определенных понятий, используемых антропологами [5]. По мнению автора, *культурный шок* или *столкновение культур* – это слишком сильные определения того, что происходит в головах наиболее распространенного типа туристов. Кроме того большинство этих понятий популярны в лексиконе исследователей миграции, которая является «необратимым» случаем путешествия. Аккультурация, инкультурация и ассимиляция в контексте миграции были понятиями, призванными описывать процесс постепенного вхождения иммигранта, прибывшего из более бедной и традиционной общности «навсегда» в общность урбанизированную и современную.

Одним из немногих ученых, использовавших этот подход, был американский антрополог Шерон Нанз. По мнению ученого, взгляд на туризм с точки зрения аккультурации является вполне естественным подходом антрополога. Ведь туризм является типом культурного контакта, а теория аккультурации занимается культурными переменами, наступающими в результате взаимных контактов. По мнению Нанза, в случае туризма мы имеем дело с асимметричной аккультурацией. Туристы получают меньше элементов, чем хозяева, в связи с чем, туризм больше влияет на изменение культуры хозяев, чем гостей. Хозяева должны адаптироваться к ожиданиям гостей. «Туристическая клиентура имеет тенденцию саморепликации (размножения – Т.Я.). Когда общ-

ность хозяев приспособляется к туризму, к потребностям, линии поведения и ценностям, она становится похожа на культуру туристов. Это то, что туристы, ищущие экзотического «натурального» отдыха имеют ввиду, когда какое-то место называют «уничтоженным» туризмом» [6, с. 208].

Этот феномен был назван мексиканскими учеными, обеспокоенными влиянием североамериканских туристов на коренное население «кока-колизацией» родного стиля жизни. Наиболее выразительным примером ассиметрии является языковая аккультурация. Это, например, как правило, менее образованный персонал изучает язык более образованных туристов. С точки зрения аккультурации, туризм является феноменом, в связи с которым огромное количество межкультурных контактов носит вынужденный характер. В случае туризма сами хозяева приглашают чужих. Более того, для того, чтобы их собственная культура имела шанс на выживание, они каким-то образом вынуждены продавать ее как туристическую услугу пришельцам, являющимся причиной последующих перемен.

Туризм нуждается в *культурных посредниках*, и эту роль лучше всего играют нетипичные представители коренного населения, отличающиеся хотя бы своим двуязычием [6, с. 210]. Отношения хозяева-гости почти всегда инструментальны, редко они получают эмоциональную окраску, почти всегда связаны с социальной дистанцией и стереотипами, которые не выступают между членами одной и той же общности. Специфика контактов между туристами и хозяевами носит «драматический» характер, поскольку эти контакты проходят «на сцене». Обе стороны заранее готовятся к такому контакту: «...туристы прежде, чем взойдут на сцену, прочитали свои туристические информаторы, проконсультировались с теми, кто бывал здесь ранее, продумали свои наряды, пролистали словари и разговорники, их хозяева измерили дом, оценили настроение публики, организовали освещение и реквизиты, проконсультировались с коллегами и отрепетировали дружелюбную улыбку» [6, с. 213].

Находясь в чужой стране, туристы играют совсем не те роли, что дома. Например, в стране более бедной, с более низкими ценами они чувствуют себя достаточно богатыми людьми и живут по стандартам, недоступным в родной стране. Но и хозяева играют с туристами совсем не те роли, что в кругу своих земляков. Так, например, местный житель может перевоплощаться в роль эксперта или экскурсовода.

Язык теории межкультурных контактов при рассмотрении взаимоотношений между местными жителями и приезжими, а также последующих культурных трансформаций личности использует известный голландский исследователь межкультурной коммуникации в бизнесе Герт Хофстеде [7]. Наиболее простой формой межкультурного контакта является непосредственный контакт иностранца с новым для него культурным окружением. Даже непродолжительное пребывание в иной культуре приводит в действие процесс аккультурации. «В определенном смысле лицо, оказавшееся за границей, – пишет Хофстеде, – возвращается в развитии на умственную стадию ребенка и должно снова начать учиться простейшим вещам. Это обычно вызывает чувство отчаяния, беспомощности и враждебного отношения к новому окружению. Часто это сказывается на здоровье. ...Культурный шок и сопутствующие ему проявления физического недомогания могут быть настолько сильными, что иногда необходимы отзывы работников из командировок и сокращение срока действия контрактов. Опыт такого рода не является редким – с ним сталкиваются многие международные компании. В крайних случаях сотрудники совершают даже самоубийства» [7, с. 304–306].

На основании отчетов людей, направленных на работу за границу, Хофстеде выстраивает так называемую *кривую аккультурации*. Аккультурация состоит из четырех фаз. Первая фаза – это эйфория пришельца, его любопытство. Если пришелец остается на дольше и пробует адаптироваться, то наступает вторая фаза – фаза этноцентризма, в

которой пришелец оценивается по критериям общности хозяев. Как правило, эта его оценка негативна. Третья фаза – полицентризма, по утверждению Хофстеде «мягкая форма дву- или поликультурности» [7, с. 307]. Т.е. приходит понимание культурного релятивизма. Исследователь межкультурной коммуникации выделяет несколько самых важных форм межкультурной коммуникации: туризм, образование, сотрудничество в деле развития, миграцию, дипломатические переговоры, международные организации, направленные на ведение бизнеса.

По мнению Хофстеде, туризм является наиболее поверхностной формой межкультурных контактов. Массовый турист может провести две недели в Марокко, на Бали или в Канкун и ничего не узнать о культуре данной страны. Местные работники, призванные обслуживать туристов, правда, немного знакомятся с культурой своих гостей, но они по-прежнему не будут иметь понятия о том, как выглядит их повседневная жизнь в родной стране. Из поведения туристов они выхватывают единственно вещи, находящиеся на уровне символов. Туризм может, однако, стать началом более тесных контактов между культурами. Он ломает изоляционные барьеры, существующие между различными культурными группами, и осознает, что есть люди, которые ведут себя и думают по-другому. Зерно, посеянное в умах, может дать плоды. Некоторые туристы начинают изучать язык и историю страны, которую они посетили и в которую хотят еще раз вернуться. Хозяева знакомятся с языком туристов, чтобы быть в состоянии предлагать свои услуги. Завязывается дружба между людьми, которые в обычных условиях никогда бы не встретились. С точки зрения возможностей межкультурных контактов, которые позволяет наладить туризм, его достоинства значительно превосходят все его слабости.

Межкультурная коммуникация является способностью, которую можно приобрести. По мнению Хофстеде, ее развитие состоит также из трех фаз. Во-первых, следует осознать все различия, то, что у каждого из нас свое «запрограммированное мышление». Во-вторых, следует получить знание или познакомиться с «практиками» данной культуры – ее символами, героями и ритуалами. «Мы можем не разделять и не понимать ценностей, но благодаря знанию практик, мы можем хотя бы пытаться в интеллектуальной сфере распознать разделяющие нас отличия». Третья фаза – это умения, или «способность распознавания и использования символов данной культуры (...), получения удовольствия от пребывания в новой среде и умение решать все более сложные проблемы, связанные с жизнью в новой среде» [7, с. 312].

Существуют разнообразные техники развития межкультурной коммуникации, как, например, культурный ассимилятор или тест ассимиляционных способностей. Как мы уже указывали, по Хофстеде, культуры отличаются прежде всего ценностями. Сам автор, используя теории Алекса Инкельса и Дэвида Левинсона, осуществил исследования в бюро концерна IBM в нескольких десятках стран, чтобы увидеть то, как одна и та же корпоративная культура проявляется в разных ипостасях в зависимости от страны. Основными параметрами, разделяющими национальные культуры, являются:

- 1) небольшая дистанция по отношению к власти – большая дистанция по отношению к власти;
- 2) коллективизм – индивидуализм;
- 3) женственность – мужественность;
- 4) слабое избегание неопределенности – сильное избегание неопределенности;
- 5) долгосрочная ориентация – краткосрочная ориентация.

Насколько экономическое измерение разделяет прежде всего Север и Юг, настолько сильные культурные различия отделяют друг от друга Запад и Восток. Хофстеде цитирует знаменитый фрагмент стихотворения Р. Киплинга: «Восток – это Восток, а Запад – это Запад, и они никогда не сойдутся». Но в наше время они постоянно встре-

чаются и не только в экономической и политической плоскостях, но также и в культурной, туристической сфере, оставляя след культурной трансформации людей, вступающих в такие контакты.

В условиях активно развивающегося международного туристического движения, расширяющего жизненные перспективы человека, улучшающего качество жизни, организующего проведение свободного времени соответственно с нормами современного стиля жизни, тем не менее, существует целый ряд проблем, связанных не только с расширением культурного опыта, но и с «темной стороной», дисфункциями туризма.

Эти дисфункции имеют три основных аспекта – экологический, экономический и социокультурный. Поэтому на фоне стремительного роста индустрии гостеприимства, а также дебатов сторонников развития туризма, его восприятия как панацеи от нищеты и провинциализма прямо противоположно звучат тревожные голоса, трактующие туризм как вселенское зло. При этом в дискуссиях отсутствует понимание сложных аспектов интердисциплинарности данного феномена, а также совпадения туристического опыта с общим культурным опытом человека, его «наложения» на опыт предыдущего общения в кругу семьи, в школе, вузе, в обществе в целом.

Проблема феномена туризма как встречи имеет многоплановый характер, поскольку это не только личная встреча с другими людьми (такими же туристами или встреченными в ходе путешествия жителями иных городов и стран), но это также встреча с самими собой, что придает ей метафизический, сакральный характер.

Столкновение с иными культурными и социальными нормами, стилями повседневной жизни и образцами организации свободного времени, иной наполненностью привычных ценностей приводит к различным реакциям – от полного их непонимания и отрицания до частичного или даже полного усвоения и включения в собственную духовную и повседневную жизнь. Такая трансформация структуры ценностей ведет, в свою очередь, к пересмотру прежнего опыта и прежних ценностей, пересмотру устоявшихся важных и обязательных к исполнению норм и правил повседневной жизни, к трансформации идентичности личности.

Аксиология туризма, рассматривая причины интенционального стремления человека к предчувствуемым ценностям и их поиску вне стен родного дома, приближается к весьма важному аспекту духовной жизни личности – к самокреации. Туристическая индустрия, отслеживая и оценивая стремления, мотивации выезда туристов различного социокультурного статуса, предлагает им места, объекты, события, называемые достопримечательностями, которые способны приблизить туристу предчувствуемые ценности, предлагает разнообразные формы туристической активности, пробуждает интерес к далеким путешествиям, стимулирует индивидуальные планы путешествий.

Даже поверхностное изучение аксиосферы туристического опыта, например, путем прочтения путевых заметок, просмотра фотографий и любительских кинофильмов, смонтированных по мотивам посещенных достопримечательностей, присланных из далеких странствий открыток и привезенных сувениров, свидетельствует о многозначности мотивации путешествия.

Наряду со стремлением к достижению индивидуальных целей (здоровье, удачная жизнь, знание о себе и о мире, духовность, красота, удовольствие, развлечение) в туризме реализуются групповые и коллективные интересы. При этом оказывается, что динамика происходящих в процессе путешествия социокультурных трансформаций может приводить к абсолютно различным результатам, как сближая, так и разделяя людей, общности и культуры, а направление этого процесса не всегда соответствует направлению физически пройденного пути и затраченному времени.

Разнообразные образцы опыта, который можно приобрести, посетив те или иные популярные места отдыха, например, на берегу теплого моря или на прекрасной аль-

пийской туристической базе, в тематическом парке или на престижном курорте, на различного рода чемпионатах, олимпиадах, а также на концертах популярных музыкантов, детально и привлекательно описываются в туристических предложениях с броскими названиями турпродуктов, рекламируемых в информационно-рекламных обращениях, в туристических каталогах, проспектах, интернет-страницах, телевизионных роликах и т.п.

Решение туриста о вхождении в контакт с предлагаемым социокультурным пространством, как правило, следует после знакомства с более или менее сконструированной моделью путешествия, визита или встречи. При этом оказывается, что выбор может базироваться не на маршрутах, предлагаемых организаторами туристического движения, а на собственном представлении о далеких странах и желании знакомства с ними. Так, туристический продукт, создаваемый по желанию клиента для индивидуального использования, в той или иной степени отражает мечты клиента, его стремления, предвкушение удовольствия от предстоящей долгожданной встречи с конкретной достопримечательностью (Колизеум, Собором Парижской Богоматери, Лазурным побережьем или норвежскими фьордами).

В русле размышлений о культурных выборах и предпочтениях туристов следует обратить внимание на тот факт, что известные американские социологи туризма под туризмом понимали, с одной стороны, опыт а, с другой стороны, отрасль экономики. Теоретическое разделение и вследствие этого интерпретация различных аспектов туризма на основе принципов отдельных дисциплин упрощает научное осмысление. В этой связи по-разному трактуется представителями различных дисциплин понятие турист, путешественник. С точки зрения экономики, турист является, прежде всего, потребителем, клиентом, по отношению к которому используются маркетинговые стратегии, принятые в других отраслях экономики. Но для антрополога, социолога или философа, по замечанию известнейшего современного социолога Зигмунта Баумана, путешественник может быть всего лишь метафорой, служащей определению состояния современного человека.

Итак, реальное путешествие предполагает наличие как конструктивных, так и деструктивных встреч, во время которых турист является и субъектом и объектом воздействия. При этом происходит институализация туристического опыта, проявляющаяся сначала во время его приобретения, а затем в социальной интерпретации, прочтении значений. Приобретаемый опыт туриста во многом определяется языком туризма, т.е. языком туристической рекламы, языком СМИ, пропагандирующих современные стили жизни, обязательно включающие в себя далекие путешествия, занятия различного вида туризмом, а также маркетинговыми стратегиями туристических операторов. На формирование туристического опыта оказывают также влияние интенсивно протекающие процессы культурной универсализации, стирания физических, экономических и культурных границ, усвоение стилей жизни, характерных для общества постмодерна. На фоне динамики роста международного туристического движения постоянно звучат споры по поводу этических проблем, возникающих при встречах в местах туристического пребывания. С одной стороны, критические высказывания формулируются жителями популярных регионов туристической перцепции развивающихся стран, осознающими нарастающие угрозы и дисфункции туризма, с другой же стороны – в дискуссию о пересмотре существующего положения вещей вступают представители доминирующей, американизированной культуры, убежденные в необходимости самокритики и коррекции поведения туристов в странах, например, исламского мира. Длинный перечень нарушений туристами этических норм начинается с безразличия и безответственности, а заканчивается пренебрежением к другому человеку, брезгливостью, нетерпимостью, непорядочностью, невоспитанностью, обманом и отсутствием уважения, ненавистью и несправедливостью.

Тысячелетиями этическое измерение путешествия требовало прямо противоположных качеств – готовности к самосовершенствованию и терпимости. В противном случае, путешественник мог столкнуться с агрессивным поведением местного населения и подвергнуться различного рода наказаниям.

В современной культуре, ориентированной на игру и развлечение в новой обстановке, в новых, иногда экзотических декорациях, происходит упрощение образа людей и обстановки, перестают работать механизмы самоконтроля, моральные и эстетические нормы, обязательные и, в основном, соблюдаемые в местах постоянного проживания.

В этой ситуации на повестку дня выходит вопрос о том, какие принципы должны быть соблюдены, чтобы туризм в условиях небывалой свободы выбора мест и способов развлечения, конструирования собственной идентичности, всеобщего повышенного демонстративного потребления, в том числе впечатлений и эмоций, облегчал встречи, сближал в пространственном смысле места и людей, стал источником нового конструктивного опыта.

Род, вид, качество и интенсивность встреч и впечатлений обусловлены многими субъективными и объективными факторами. С одной стороны, в старательно разработанном сценарии встреч можно ограничиться с обеих сторон сохранением должной дистанции в едва переносимом присутствии иных людей. В этом контексте нельзя не упомянуть о расположенных по всему миру американских отелях, гарантирующих западным туристам американский сервис, американский дизайн помещений и даже запахи, присущие объектам проживания, расположенным в западной полушарии. Здесь туристы в обстановке психологического комфорта могут полностью абстрагироваться от страны пребывания и только экзотический пейзаж за окном будет напоминать о путешествии. Но, с другой стороны, для многих туристов очень важен контакт с местным населением, некоторые долгое время готовятся к путешествиям, изучают язык местного населения, знакомятся с историей, религией и культурой. Ими движет не только желание сфотографироваться на фоне бедной хижины и ее обитателей, но и солидарность с жителями посещаемой местности, желание помочь работой на общественных началах, участием в волонтерском движении с целью облегчения трудных условий, вызванных целым рядом причин, в том числе и туризмом.

Безусловно, путешествия, подобно искусству, до безграничных пределов расширяют временные рамки жизни человека, обогащая ее невероятными событиями из прошлого и будущего общемировой культуры, ускоряя тем самым процессы культурной трансформации личности туриста. Столкновение с представителями иных культур, одни из которых могут быть богаче в цивилизационном, технологическом измерении, другие более примитивными, экзотическими, в любом случае оказывает неизгладимое впечатление на культурную составляющую жизненного опыта личности, что, в свою очередь, в последующем ведет к трансформации линии поведения туриста.

В условиях постсовременного общества хорошо отлаженная машина индустрии гостеприимства отслеживает стремления к самокреации своих потенциальных клиентов, предлагая, с одной стороны, готовые шаблоны организации своего стиля жизни, а, с другой стороны, разрабатывая туристические продукты, реализующие мечты клиентов о новых возможностях препровождения свободного времени вне стен родного дома и родной культуры, о новых контактах, знакомствах, приключениях. В то же время, как показывает практика, трансформация культурной составляющей личности происходит и с представителями локальных культур, преобладающих в местах туристической дестинации. К сожалению, эти изменения не всегда позитивны и могут нести в себе угрозу культурным основам жизни местного населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lexikon zur Sociologie / W. Fuchs [und and.] ; H. Wienold (red.), 1975.
2. Willems, E. Dictionaire de sociologie / E. Willems. – Paris : Rivier, 1970.
3. Słownik etnologiczny / Wyd. PWN, Poznań, 1987.
4. Encyklopedia socjologii / Wyd. PWN, Warszawa. – T. 1. – 1999.
5. Podemski, K. Socjologia podróży / K. Podemski. – Poznań : UAM, 2004.
6. Hofstede, G. Kultury i organizacje. Zaprogramowanie umysłu / G. Hofstede. – Warszawa : PWE, 2000.

Yakovuk T.I. Cultural Transformation of a Tourist's Personality

Tourism is not just one of the most rapidly developing branches of economy, it is the experience. This cultural experience appears as a result of people's communicational encounters, which are full of not only life chances, but of threats and illusions related to the opportunity of experiencing new emotional impressions. This is why the analysis of the problems, concerning individuals and their relations with other people – tourists, tour organizers, operating personnel, local inhabitants of the centers of tourists' stay (destination). On this background the problems, related to axiological and epistemological results of cultural communication encounters, which in their turn, cause the breaking of previous stereotypes and acculturation of a tourist's personality, are worth drawing particular attention to.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 10.01.2011

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Барадуля А.А. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры філасофіі, вучоны сакратар Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта

Дземіраў В.В. – аспірант Інстытута філасофіі Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі

Зубок Ю.А. – доктар сацыялагічных навук, прафесар, загадчык аддзела сацыялогіі моладзі Інстытута сацыяльна-палітычных даследаванняў Расійскай Акадэміі навук

Красоўскі К.К. – доктар геаграфічных навук, прафесар, першы прарэктар Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Кузняцова І.А. – кандыдат палітычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Лагуноўская А.А. – старшы выкладчык кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Лысюк А.І. – доктар палітычных навук (Украіна), кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Ляпешка Б.М. – доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры філасофіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Мельнікава З.П. – доктар філалагічных навук, прафесар, загадчык кафедры беларускага літаратуразнаўства Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Прыступа М.І. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, дэкан факультэта фізічнага выхавання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Раманаў А.А. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры філасофіі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы

Рашэтнікава Т.С. – навуковы супрацоўнік Цэнтра сістэмнага аналізу і стратэгічных даследаванняў Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі

Рашэтнікаў С.В. – доктар палітычных навук, прафесар, загадчык кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Семярнік С.З. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры філасофіі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы

Сендзер Г.М. – доктар педагагічных навук, прафесар, прарэктар па вучэбнай працы Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Чамаданава Г.У. – малодшы навуковы супрацоўнік Навукова-метадычнай установы «Нацыянальны інстытут адукацыі» Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь

Часноўскі М.Э. – доктар гістарычных навук, прафесар, рэктар Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Чычурын А.В. – доктар фізіка-матэматычных навук (Украіна), дацэнт, загадчык кафедры матэматычнага аналізу і дыферэнцыяльных ўраўненняў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Шароў А.В. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры лёгкай атлетыкі, плавання і лыжнага спорту Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Якавук Т.І. – доктар сацыялагічных навук, кандыдат культуралогіі, прафесар кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Яскевіч Я.С. – доктар філасофскіх навук, прафесар, дырэктар Інстытута сацыяльна-гуманітарнай адукацыі Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта